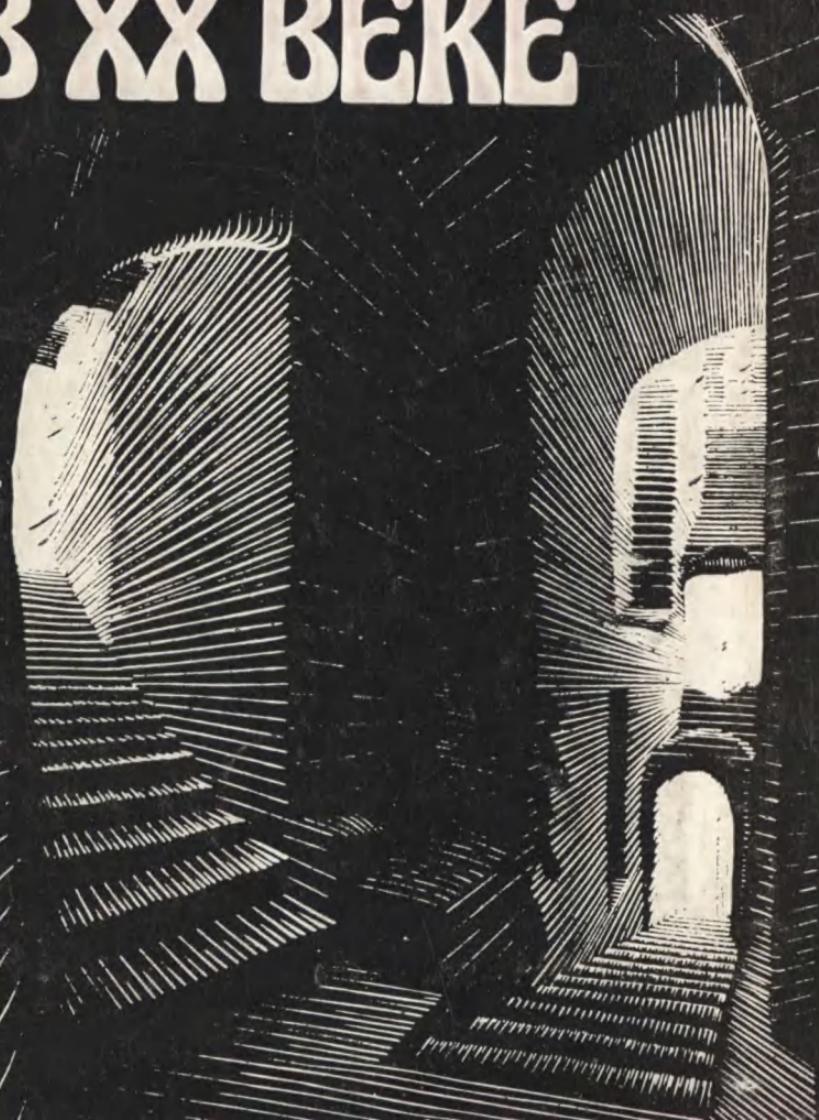

Э
П50

В.С.Поликарпов

НАУКА И МИСТИЦИЗМ В XX ВЕКЕ

В.С.Поликарпов

**НАУКА
И МИСТИЦИЗМ
В XX ВЕКЕ**

**МОСКВА «МЫСЛЬ»
1990**

~~ББК 86.30~~

П50

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор философских наук профессор К. Х. ДЕЛОКАРОВ,
кандидат философских наук М. М. СКИБИЦКИЙ

В художественном оформлении книги использована гравюра современного голландского художника и графика М.-К. ЭШЕРА
(ЭСХЕРА).

П $\frac{040000000-114}{004(01)-90}$ 16·89

ISBN 5-244-00233-3

© Издательство «Мысль». 1990

ВВЕДЕНИЕ

Социальные сдвиги в мире, бурное развитие научно-технической революции, качественные преобразования структуры личности в современных условиях ведут к возрастанию значения диалектико-материалистического мировоззрения. «...Без солидного философского обоснования, — писал В. И. Ленин, — никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания»¹. Не случайно, что в условиях небывалой по интенсивности и остроте борьбы двух полярных мировоззрений — диалектико-материалистического и буржуазного — для современной буржуазной методологии научного исследования становится характерной реакционная тенденция к «синтезу» данных новейшей науки с традициями мистических учений.

Действительно, мистицизм захлестнул в XX в. страны Запада, иррационализм пронизывает почти все сферы жизнедеятельности человека, глубоко укоренился в мас-совом сознании, несмотря на колоссальные достижения научно-технического прогресса. Каковы же причины необычайного бума иррационализма и мистицизма, охватившего западное общество? Это обусловлено в первую очередь социально-экономическими, социально-политическими условиями буржуазного общества, стимулирующими духовное обнищание западного обывателя, что проявляется в его тяге к поделкам «поп-культуры», снижение интереса к классической литературе, музыке, искусству в целом. К тому же научно-техническая революция многократно усиливает эти процессы, обостряет внутренние противоречия капитализма.

Результаты научно-технической революции в глазах человека приобретают вид некоей демонической иррациональной силы, современные технологии подавляют индивидуальность человека, превращая его в условиях капитализма в социальный «винтик». Автоматизация и

роботизация вызывают у многих людей панический страх потерять работу. Возникает страх перед будущим. Все это влечет за собой чувство одиночества, депрессию, фатализм, ощущение эфемерности своего существования, обреченности и как следствие — стремление к мистицизму.

В обыденное сознание человека буржуазное общество насаждает представления об иррациональных, сверхъестественных силах, которые-де управляют миром, определяют жизненные судьбы людей. Наука в мире социального и духовного отчуждения не всегда в состоянии оказать людям помощь в объяснении стихийных сил, в овладении механизмами их управления. Излюбленное в этом случае средство — обращение к эзотерическому (тайному) знанию, к оккультизму и мистицизму. Не случайно в современной буржуазной философии чувствуется влияние «философии жизни» немецкого историка культуры и философа-идеалиста В. Дильтея. Задача философии, считает он, — понять «жизнь» исходя из нее самой — иррациональна². Способ же постижения этой «жизни», как утверждает не менее известный французский философ-идеалист А. Бергсон, может быть только «чистой интуицией». Интуиция, проповедует он, дана человеку как божественный дар. Сама же жизнь — это некий метафизически-космический процесс, «жизненный порыв»³. Созерцаемое в «чистой интуиции», согласно Бергсону, должно оставаться невыразимым, иррациональным. Интуитивизм оказал значительное влияние на современные течения философской мысли. Знаменательно, например, то, что крупный немецкий экзистенциалист М. Хайдеггер в последние годы своей жизни обратил внимание на восточный мистицизм, в частности на дзэн-буддизм. Для Хайдеггера характерна тяга к «невыразимому» и «неизреченному», склонность к мистическому созерцанию и метафорическому способу выражения⁴. В целом его иррационалистическая философия представляет собой одно из проявлений кризиса современного буржуазного сознания.

Иррациональное истолкование природы мира и способов его познания, теоретически «обоснованное» в работах В. Дильтея, А. Бергсона, М. Хайдеггера и других буржуазных мыслителей, тоже «подпитывает» бум иррационализма и мистицизма в современной западной культуре. Нельзя не согласиться с известным советским философом Т. И. Ойзерманом, который подчеркивает, что

в условиях современного буржуазного общества происходит отчуждение познания, его мистифицированное выражение фиксируется в «реакционных философских учениях иррационалистического толка»⁵. Необходимо отметить, что квалифицированный критический и конструктивный анализ учений подобного рода дан в работах таких известных советских ученых, как В. Ф. Асмус, С. С. Аверинцев, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосев, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман и др.

Возрождению и распространению определенных традиционных форм восточного мистицизма, астрологии и прочих древних суеверий способствует также сложившаяся гносеологическая ситуация в западной науке. Развитие там новых направлений в естествознании приводит некоторых философов и ученых к выводу, что западная культура должна «освоить» мировоззрение, сложившееся в лоне восточных религиозно-мистических учений. Не случайно большой интерес к восточной мистике на Западе в последнее время наблюдается среди естествоиспытателей, особенно среди физиков. Некоторые из них пытаются доказать, что существуют далеко идущие аналогии между картиной мира, созданной мистиками Востока, и картиной мира современной физики. Более того, они склонны утверждать, что мистическое видение мира гораздо глубже и совершеннее, чем научная картина мира. Такого рода подход к интерпретации феноменов объективного мира ошибочен в корне, он оказывает негативное влияние на прогресс науки.

Об этом свидетельствует критический анализ концепций таких западных мыслителей и ученых различных специальностей, как Д. Бом, Х. Дитфурт, Д. Икеда, Ф. Капра, Т. Лири, К. Прибрам, Ч. Тарт, М. Талбот и др. В центре их внимания — так называемая экзопсихология, «голографическая концепция функционирования человеческого мышления», «релятивистская квантовая психология», хайдеггеровские рефлексии и экзистенциально-феноменологический подход к природе сознания, гипотеза «галактического разума» и т. д. На примере этих концепций отчетливо прослеживается тенденция названных западных мыслителей и ученых вписать мистическое мироощущение в философские основания современной науки. Если в рамках парадигмы классической европейской науки «мистический (трансперсональный) опыт» фиксировался как шизофренический, то теперь ситуация кардинально изменилась и мистицизм

«заслуживает серьезного рассмотрения даже внутри научного сообщества»⁶.

В работах буржуазных методологов для обоснования идеи «трансперсональной реальности» рассматривается ряд моделей сознания, основанных на научном анализе, на интуиции и «мистическом опыте», на художественной и литературной впечатлительности, а также на различных комбинациях этих средств. Это характеризует своеобразие диалога между представителями разнообразных школ западного теоретического мышления, направленного по своей сути против диалектико-материалистического мировоззрения. Как подчеркивает советский философ В. С. Готт, цель буржуазной идеологии в отношении естественных наук ясна: «...использовать данные этих наук, разумеется, в извращенном виде, для пропаганды идей мистики и иррационализма». В этой связи он подчеркивает, что «модные ныне на Западе парapsихология, телекинез активно используются в борьбе против материалистического мировоззрения»⁷.

В советской философской литературе имеется ряд исследований, посвященных критическому анализу различных аспектов феномена мистицизма в контексте современной буржуазной культуры. К ним относятся работы Е. Г. Балагушкина, П. С. Гуревича, В. С. Глаголова, А. Н. Кочетова, М. А. Поповой, Б. В. Поспелова, М. Т. Степанянц, О. Д. Куракиной и других. Однако нет специального исследования различных вариантов концепций «интеграции» науки и мистицизма; можно сказать, что критический анализ различных модификаций концепции такого рода в нашей философской литературе до сих пор не проведен в широком аспекте. Данная книга и посвящена восполнению этих пробелов — критическому анализу попыток некоторых буржуазных мыслителей и естествоиспытателей интерпретировать результаты бурно развивающейся науки в духе мистических традиций восточных религиозно-философских систем.

Разоблачение научной несостоятельности этих концепций — немаловажный аргумент против всевозможных хитроумных попыток реализовать «слияние» науки с мистицизмом. За методологическую основу данного исследования взято положение В. И. Ленина о союзе философов-марксистов и естествоиспытателей, марксистско-ленинские принципы научной критики буржуазной философии. В качестве материала в книге широко использованы новейшие данные космологии, физики, биологии,

психологии и других научных дисциплин. Предпринятый анализ нацелен на то, чтобы раскрыть истоки религиозно-мистической интерпретации кардинальных проблем жизни и смерти человека; выявить смысл параллелей между картиной мира восточного мистицизма и картиной мира современной науки; показать способы аргументации, используемые в буржуазной методологии для обоснования идей «трансперсональной (сверхъестественной) реальности», раскрыть социально-мировоззренческие функции мистицизма. Наконец, рассмотреть, как данные науки XX в. в сочетании с марксистско-ленинской методологией можно использовать для критического анализа указанной выше концепции «интеграции» науки и мистицизма.

Автор выражает благодарность за оказанную помощь в процессе работы над монографией профессорам В. С. Готту, В. С. Горскому, В. И. Жогу, А. Н. Кочеткову, В. А. Малинину, А. И. Панченко.

Глава I

ПРИРОДА МИСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Истоки и социально-мировоззренческие аспекты мистицизма

Анализ природы мистицизма требует прежде всего выяснения его истоков и социально-мировоззренческих функций. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что скрывается за понятием «мистический опыт», часто применяемым в немарксистской психологией религии и религиоведении. Это понятие считается едва ли не главным в западном религиоведении и психологии религии. Традиция истолкования «мистического опыта» идет от американского психолога и философа-идеалиста У. Джемса, который реальность сводил к «чистому опыту», к познанию и который активно участвовал в создании организации по изучению «мистического опыта». В недавно вышедшей на Западе 15-томной энциклопедии религии «мистический опыт» определяется как «тип интенсивного религиозного опыта», характеризующегося таким состоянием субъекта, когда он чувствует себя сливающимся с «космической тотальностью»¹.

С позиций научной психологии, исходящей из диалектико-материалистического понимания «опыта» как компонента познавательной деятельности общественного человека, «мистического опыта» просто не существует. Иное дело, что так могут быть названы те эмоционально-психические состояния индивида, которые основаны на вере в непосредственную связь человека со сверхъестественным². В целом можно сказать, что специфика религиозно-мистического мироощущения человека состоит в его ориентированности на сверхъестественное, на чудо.

Самый древний исторический аналог и прообраз мистики просматривается в древних шаманско-оргиастических культурах. Поэтому есть смысл рассмотреть этот культ отдельно как историко-культурный исток мистицизма. Шаманизм с его первобытной магией и мифологией оставил свой след в культуре месопотамской цивилизации, даосизме, зороастризме, исландских сагах, гре-

ческих мифах, в полинезийских поверьях, на всем пространстве от Арктики до Австралии. Существенно то, что в современной западной культуре происходит его реанимация. «В современной научной и «околонаучной» буржуазной литературе первобытная мифология и шаманизм расцениваются как изначальный исток древнейшей традиции внеконфессиональной религиозности и мистицизма, которая становится в конце концов первоосновой современных нетрадиционных религиозных движений и культов»³. Такого рода оценка первобытного истока мистицизма вносит определенный вклад в создание иллюзии о возможности социально-реформистского преобразования капитализма при помощи мифологических представлений и мистической практики, облеченной в одежды научной терминологии.

Шаманизм как архаическая система верований является историко-культурным явлением и выполняет в архаических культурах вполне определенные социальные и культурные функции. В этнографических исследованиях часто используется следующее определение шаманизма, данное Д. Шредером — последователем и оппонентом М. Элиаде: «Шаманизм — это установленная обществом и выраженная в определенной форме экстатическая связь людей с потусторонним миром, служащая интересам всего общества»^{4–5}. Сущность шаманизма слагается из трех детерминант: мифологическая детерминанта, где мир представляется в виде трех зон (земля — небо — подземный мир), имеющих космический центр; медиумная детерминанта, где шаман реализует связь между этими зонами; ритуальная детерминанта — камлание, как средство осуществления этой связи. Сам же шаман, по словам английского ученого У. Рэзерфорда, — это человек, испытавший кризис личности, прошедший процесс специального психического тренинга, в результате чего он достигает «необычного состояния сознания» и вырабатывает особый «способ восприятия реальности»⁶.

Деятельность шамана характеризуется выполнением трех функций — функций жреца, знахаря и колдуна. В психологическом плане шаман дает своим соплеменникам возможность «общения» с миром духов, якобы обитающих в небесной и подземной зонах Вселенной, в ходе сеанса медитации, создающего у участников иллюзию путешествия в «иной» мир. Возникающие впечатления настолько сильны, что логика становится подчиненной эмоциям. Это приводит к тому, что трудно реконструировать

логически сам процесс акции шамана, выразить его посредством рационального языка. Благодаря используемым в шаманской мистерии символическим, образным средствам стирается граница между действительным и сверхъестественным (воображаемым, трансцендентным) миром. Шаманский ритуал представляет собой реализацию модели целостного мира, выработанной в рамках архаических культур. Именно архаическая модель мира позволяла древним коллективам ориентироваться в реальности, осуществлять свои жизненные функции.

Решение той или иной практической задачи для шамана возможно, видимо, потому, что он в состоянии экстаза перерабатывает поток информации, обычно неосознаваемый. Советский ученый В. Н. Басилов в связи с этим пишет следующее: «Состояние экстаза, должно быть, позволяет шаману сосредоточить внимание на тех сигналах органов чувств, которые обычно проходят мимо сознания. Такое объяснение делает понятным странную, казалось бы, способность шаманов находить потерявшихся где-то далеко от жилья людей и животных»⁷.

Любые монотонно повторяющиеся звуки могут вызвать отключения высших центров мозга. Психофизиологические эксперименты, проводимые для выяснения механизма галлюцинации, свидетельствуют о том, что даже после кратковременного воздействия монотонного раздражителя нормальная деятельность мозга становится невозможной. В этом случае наблюдается появление галлюцинаций весьма различного характера: от пятен света и геометрических фигур до сцен с животными и людьми. Видения могут быть настолько выразительными, что создается иллюзия, будто они действительно имеют место⁸.

Подобного рода галлюцинации возникают и в результате воздействия наркотиков. Неотъемлемым эффектом галлюциногенов является ощущение полета. Мотив «полет на небо» имеет не только культурно-религиозное обоснование, но и физиологические основания. Из современных экспериментов с наркотиками следует, что они дают ощущение движения, вызывают микропсию (видеение предметов в уменьшенном виде). Характерным также является видение самого себя со стороны, ощущение отдаления от собственного тела и т. д. Заслуживает внимания тот факт, что эффекты галлюциногенов, несмотря на существование культурных различий, везде определяются как «путешествия души». Именно так тракту-

ются экстатические переживания сибирских и индейских шаманов и экстатические переживания американских хиппи, у которых независимо от шаманских традиций существует понятие «путешествие» для обозначения своих наркотических видений.

Наркотические «путешествия в иные миры» фактически являются путешествиями в глубины сознания, заполненного картинами так называемой ассоциативной памяти человека — первобытными инстинктами, воспоминаниями детства человеческого рода и элементами коллективного бессознательного. Однако отсюда не следует вывод о внекультурном, исключительно психофизиологическом происхождении мистического мотива «путешествия души», а в общем плане — мистической веры, как это делают некоторые западные исследователи (Дж. Юнг и др.).

Корни мистицизма кроются в интересах и потребностях человеческого общества на определенном этапе его развития. Истоки религиозно-мистических, иррациональных тенденций следует искать прежде всего в общественной жизни, в социокультурной реальности человеческого бытия. Научное объяснение религиозно-мистического мироощущения и миропонимания стало возможным только на основе материалистического понимания истории. Благодаря историческому материализму удалось выявить типологию истоков мистицизма. Речь идет о социальных, социально-психологических и гносеологических истоках, а также о таком существенном историко-культурном пласте, как шаманизм, о котором уже говорилось.

Одним из важнейших социальных истоков мистицизма являются противоречия общественного бытия, непонимание их природы. Действительно, древний человек не знал исторических закономерностей, он смутно схватывал их абрисы. «И единственным путем для того, чтобы придать какую-то закономерность потокам кровавых случайностей и опустошающих катастроф, было сведение общественного процесса к волне духов или богов»⁹. Такой вывод справедлив и в отношении последующих эпох классово-антагонистических обществ, в том числе и современного буржуазного общества. Так, социальные и экономические противоречия государственно-монополистического капитализма влекут за собой угрозу ядерного уничтожения человечества, угрозу экологической катастрофы, все больше углубляют отчуждение между

людьми. Иррационализм и мистицизм оказались чем-то вроде иллюзорного средства от всех этих болезней современной буржуазной цивилизации; они выступают мироощущением тех, кто, не видя реальных возможностей решения жизненных проблем современности, спасаются бегством в вымышленный мир сверхъестественного, пытаясь решать эти проблемы при помощи медитации, мистических переживаний, наркомании и т. п.

Другим социальным истоком современных форм иррационализма, в том числе и мистицизма, является товарно-денежный фетишизм, господствующий в буржуазном обществе. К. Маркс показал, что товарно-денежный фетишизм скрывает за собой определенные общественные отношения людей, которые приобретают «в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»¹⁰. Сама действительность буржуазного общества, таким образом, непрестанно производит и воспроизводит иррационализм и мистицизм. Такова социальная почва, на которой происходит в культуре буржуазного Запада специфическое возрождение иррационализма и мистицизма.

Истоки религиозно-мистического мироощущения коренятся и в социальной придатленности широких масс, в их кажущейся полной беспомощности «перед слепыми силами капитализма...»¹¹. Поэтому для уничтожения любых ипостасей иррационализма и мистицизма необходимо коренное изменение социально-экономических отношений. «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Стой общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»¹².

К истокам мистицизма относятся и явления социально-психологического порядка. В условиях классово антагонистических обществ, особенно в условиях буржуазного общества, усиливаются отчуждение и деперсонализация человеческих отношений. Обостряются такие чувства, как чувство горя, скорби, одиночества, страха, которые становятся социально-психологическими источниками мистицизма. Так, исследования американского специалиста Р. Мэя в области науки, литературы, поэзии,

социологии, политики, религии и философии, посвященные феномену страха, свидетельствуют о том, что буржуазный мир второй половины XX в. можно назвать «веком явного страха»¹³. Именно страх, доминирующий в современной западной цивилизации, является одним из существенных социально-психологических истоков мистицизма.

Социально-психологическим истоком мистицизма является также беспомощность человека перед неумолимостью природной или социальной необходимости, которая превращается в его глазах в грозную силу сверхъестественного порядка. Мистицизм — средство иллюзорного преодоления этой непостижимой необходимости, достижения психического равновесия путем отчуждения от социальной и природной реальности.

Еще одним социально-психологическим истоком мистицизма может выступать потребность в вере (в зависимости от социокультурного контекста жизнедеятельности людей). Западные исследования в области психологии показывают, что такая потребность является одним из центров программы деятельности человеческого мозга¹⁴. Оперирование понятиями, лежащими в основе любого логического рассуждения, по мнению западных ученых, должно быть предварено верой, т. е. знание опирается на веру (без веры не может жить даже самый завзятый скептик). Вера не сводится к религиозной вере; в противном случае можно сделать вывод о том, что люди имеют врожденную тенденцию к вере в бога, к вере в таинственные силы Вселенной. Вера — неотъемлемый атрибут человеческого бытия. Поэтому, когда у человека нет веры в подлинно гуманистические идеалы и ценности, тогда в образовавшийся ценностный вакuum проникают религиозно-мистические идеалы и ценности, ибо общественный человек без идеалов и ценностей не может существовать.

К социально-психологическим истокам мистицизма относится и такой комплекс чувств и настроений, который связан с проблемой смысла человеческой жизни, т. е. фактически с проблемой поиска смысла жизни. Обычно эта проблема встает тогда, когда у людей появляется глубокая неудовлетворенность собой и собственной судьбой. Такие люди чувствуют себя ничего не значимыми в мире, лишенными корней, а также надежд, — они ищут смысл своей жизни и не могут его найти. Однако потребность в поисках смысла жизни существует,

и поэтому поиск осуществляется в широком диапазоне средств, начиная с наркотиков и кончая мистицизмом «Бгахавадгиты»*. С помощью такого рода средств они пытаются избавиться от внутреннего дискомфорта, вызванного неопределенностью отношения к миру.

Поиск смысла человеческой жизни представляет собой кардинальную ценность культуры, именно «встреча» человека с культурой позволяет ему в ходе ее освоения создать себя и свой образ. Анализ основных «встреч» человека с культурой выявляет возможность четырех идеальных типов личности: абсурдист (жизнь не имеет смысла, жить в бессмысленном мире — жить во зле); деятель (смысл жизни находится непосредственно в самой жизни, он дан и задан всей социокультурной реальностью); творец (смысл жизни состоит в поиске этого смысла, в творчестве); фантазер или в определенном смысле мистик (смысл жизни лежит вне жизни, ценность имеет лишь ощущение потустороннего, трансцендентного бытия) ¹⁵.

Деятельность фантазера, хотя его стремление к мистическому и не покрывает всю культурно-духовную сущность данного человеческого типа, детерминирована поиском трансцендентной, запредельной сферы (какой попросту не существует) и фактически нацелена на перенесение человека в иное, «трансперсональное время» ¹⁶.

Наряду с этим в современном мире наблюдается усиливающийся интерес к давно отброшенным рациональной критикой различным ветвям «тайного звания», хиромантии, астрологии, знахарству и т. д. Исток такого интереса отнюдь не обычное невежество и обскурантизм, а исторически сложившееся обыденное сознание. Иррационализм и мистицизм вырастают в рамках обыденного сознания в силу того, что эмоции подавляют, заменяют логику.

Источником мистицизма являются также и проблемы гносеологического порядка. Современное естествознание, как известно, сделало совершенно фантастический прогресс в познании феноменов как макро-, так и микро-мира. Вместе с тем оказывается, что этот прогресс, по крайней мере в определенных социальных слоях, сопровождается ростом иррационализма и мистицизма в самых различных видах. Уникальные достижения физических, химических, биологических и других научных дис-

* См. примечание на с. 80.

циплии и их воплощение в современных технологиях вызвали актуализацию множества сложных гносеологических проблем.

Под влиянием научного прогресса на Западе распространяется мировоззренческий релятивизм, склонность к отождествлению субъекта и объекта, «холистский» подход к реальности и т. д. Все это ставит современную космологию и гносеологию в положение, которое некоторые западные ученые склонны определять как близкое к восточному мистицизму¹⁷. Интерес к нему вызван противоречием, в которое вступила западная культурная парадигма со своими собственными научными и техническими достижениями. Рост иррационализма и мистицизма связан с широко распространенным на Западе представлением о «кризисе» науки и техники, с антисциентистской тенденцией в буржуазной культуре, выражающими реакцию на дегуманизацию научно-технического прогресса в условиях капитализма.

Сложившаяся гносеологическая ситуация драматизируется также интересом к еще не объясненным наукой явлениям человеческой психики и организма: проблема внесловесной, непосредственной передачи мыслей, эмоций, воспоминаний от одного человека к другому, феномены «экстрасенсорной перцепции» («дальновидения»), «ясновидения» и др. В связи с этим заслуживают внимания исследования так называемого «экстрасенсорного восприятия биополей» и «биоплевого» воздействия человека на человека (на неизученности такого рода феноменов и спекулируют различного рода знахари, маги, экирасенсы, маги и просто шарлатаны, мошенники). В этой области уже получены первые результаты, свидетельствующие о нереальности мистических «биополей». В действительности же доказано, что организм человека подобно другим живым организмам генерирует физические поля, которые могут восприниматься другим человеком¹⁸.

Современный мистицизм спекулирует на тяге человека к «чуду», которую раньше удовлетворял зачастую чародей, маг, облачившись в шкуру тигра и нацепив рога буйвола на голову. Подобного рода форма волшебной магии уже изжила себя. Однако феномен «чуда» реально существует¹⁹. В диалектико-материалистической интерпретации «чудо» характеризуется предвосхищением. «Чудо» нужно как средство сохранения нашего творческого видения действительности, живого истори-

ческого процесса. Однако при этом необходимо учитывать, что в абсолютизации «чуда» таится опасность появления элементов мистицизма и иррационализма.

И наконец, еще одним истоком современного мистицизма является древний мистицизм континентального Востока. Связь западного иррационализма с восточным мистицизмом проявляется в «возвращении» к «восточной мудрости». Мысль о влиянии восточного мистицизма на ряд конкретных особенностей западного иррационализма находит свое подтверждение в факте совпадения по времени двух явлений — начала широкого знакомства европейцев с культурой колонизируемого ими Востока и развития иррационалистических идей в Европе до уровня философских систем. Не случайно идеалистическая философия А. Шопенгауэра заключается мистическим идеалом «нирваны», заимствованным из буддизма. Это как бы предвосхитило тот период, когда индийский мистицизм в Европе начал распространяться усилиями поклонников оккультизма и теософии.

Индуизм, претендующий на регуляцию физического здоровья, психики, мира духовных, нравственных ориентаций, весьма импонирует европейцам, американцам. В США действует большое количество индуистских религиозно-мистических организаций. Специалисты отмечают, что в США в равной степени распространены культуры как восточного, так и европейского происхождения. Характерно то, что «эзотерические культуры европейского происхождения начали играть существенную роль в американском оккультизме», что США сегодня являются «центром возрождения западной магии и алхимии»²⁰.

С истоками мистицизма органически связаны его социально-мироздарственные функции. В марксистской литературе подчеркивается, что «мистика в собственном смысле возникает лишь тогда, когда религиозное умозрение подходит к понятию трансцендентного абсолюта, а развитие логики делает возможным сознательное отступление от логики в мистику»²¹.

Основная идея мистического мышления — это идея мистического познания трансцендентного абсолюта («единого», «трансперсональной реальности», «высшего сознания», «брахмана» и т. п.), который апологеты мистицизма объявляют религиозным идеалом и высшей целью жизни человека. «Высшее состояние» (мистическое состояние «близости к абсолюту») позволяет якобы осмыслить бытие индивида и тем самым стать средст-

вом регуляции социального поведения человека. Короче говоря, мистицизму свойствен ряд социально-мировоззренческих функций, которые зависят от конкретного общественно-исторического контекста. В определенных исторических условиях мистика становилась формой протеста против церковной и социальной иерархии. Например, достаточно вспомнить оценку роли мистики Ф. Энгельсом в мировоззрении плебейских сект времен Крестьянской войны в Германии²².

В целом средневековая мистика сложным образом сочетала в себе реакционные и прогрессивные тенденции. Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер»²³. Средневековая мистика (на Западе и Востоке) служила основанием пантеистических и еретических учений, принципиально отличалась от реакционного богословия и носила исторически прогрессивный характер. В частности, идейным оружием антифеодальных и по сути антирелигиозных движений в средневековых ересьях неоднократно выступали мессианизм и махдизм.

Представление об истине как божественном, столь же древнем, как и представление о божественном. Это, как следует из древних шумерских, египетских и других памятников, закономерность мировой культуры. Понятие истины в ересьях означало справедливость, правоту, бога. Гуманизм еретиков проявился в бесконечном возвеличивании человека (доходящем даже до отождествления его с богом). Именно отождествление в ересьях бога со справедливостью, в которой так нуждались и нуждаются люди, позволяло их проповедникам осуждать существующие социальные и моральные пороки.

Мистические мотивы буржуазной идеалистической философии отнюдь не безобидны и в соответствующих условиях на практике оборачиваются потоками крови, что особенно видно на примере мистических мотивов расизма, лежащих в основе нацистского мировоззрения. Целью мистических мотивов расизма в его фашистском варианте было «разбудить древние инстинкты звериной вражды и беспощадности ко всем чужим»²⁴, чтобы в конечном счете установить мировое господство герман-

ского империализма. Использование мифов, граничащих с оккультизмом, выступало средством заполнения многочисленных пробелов в нацистском эклектическом мировоззрении, механически составленном из разных псевдонаучных элементов, из верований и предрассудков различных эпох.

В фашистском рейхе культивировался мистицизм, с тем чтобы с его помощью, используя древнегерманскую мифологию, создать нечто вроде новой религии. «Можно философствовать, — говорил Гиммлер на сборах группенфюреров «СС» в 1937 г., — существует реинкарнация человека или нет... Это представление является таким же трудным для научного анализа, как и христианская вера, учение Заратустры, Конфуция и т. д. Имеется, однако, большой плюс, а именно то, что народ, который верит в реинкарнацию своих предков... такой народ является вечным»²⁵.

Мистицизм культивировался весьма рьяно в «СС» — этом своеобразном «государстве» в государстве. Нацисты, считая, что ««СС» должны были стать нордическим рыцарским орденом», обращались к иезуитским методам. ««СС» были построены Гиммлером по образцу ордена иезуитов. Предписания ордена, относящиеся к духовным упражнениям, записанным Игнатием Лойолой, выступали образцом, которому Гиммлер старался подражать... Рейхсфюрер «СС» должен быть равнозначен генералу ордена иезуитов, а вся структура руководства была извлечена из исследований иерархической системы католической церкви. Был реконструирован средневековой замок Падерборн в Вестфалии для использования его в качестве своеобразного монастыря для эсэсовцев, так называемый Вавельсбрук. Здесь собирались раз в год высшие руководители «СС». Каждый из них имел свое собственное кресло с серебряной табличкой, на которой была выгравирована его фамилия, и он должен был совершать ритуал духовных упражнений, целью которых было достижение состояния созерцания»²⁶.

Оккультно-фашистские, мистические мотивы просматриваются и в современном политическом терроризме. Так, к истокам социально-политических концепций различных вариантов современного «левого» терроризма относятся идеи «классического» анархизма и терроризма, идеи «левого» фрейдизма и экзистенциализма, Франкфуртской школы и отчасти теоретиков насквозь мистической «контркультуры»²⁷. Важным компонентом лево-

террористической идеологии является авторитаризм, вырастающий из веры в обладание «высшей истины».

«Рыцари» правого терроризма также живут в мире мистических, подчас сюрреалистических мотивов и целей, которые и определяют средства их осуществления. Здесь следует вспомнить утверждение А. Бретона, что сюрреалистом является тот, кто выходит на улицу и стреляет в кого попало²⁵. В общем мотивы и действия современных террористов слагаются: из потребности противостоять действительности даже ценой собственной жизни (как формы мистического возрождения); из потери веры в традиционную систему ценностей, основанную на христианских заповедях; из стремления любой ценой возвыситься над «серой и глупой» массой²⁹ и т. д. Правящая элита буржуазного общества усматривает в терроре одно из основных средств сохранения своего владычества. Поэтому мистицизм и оккультизм правых и «левых» террористов представляют большую опасность для общества.

Возникновение различного рода мистических сект, появление пророков, ведающих о конце мира, знахарей, парапсихологов, телепатов, заполнивших западный мир, расцвет восточных религий и культов вполне закономерны. Всякий раз, когда поднимает голову реакция, а кризисные явления заставляют буржуазию усиливать свое давление на трудящихся, вновь и вновь появляется «мода на мистицизм»³⁰.

Новая волна мистицизма в западном мире связана с поисками иллюзорного выхода из обострения социальных противоречий современного капитализма (отсутствие личной безопасности, проблемы духовной опустошенности, проблемы социального одиночества, проблема ущемления прав человека). На почве безысходности буржуазного мира и процветает мистицизм, сулящий мнимый выход из клубка неразрешимых противоречий. Не случайно представители творческой, художественной и научной интелигенции буржуазного общества «надеются восместить остро ощущаемый ими духовный вакуум пробуждением религиозного чувства, обратившись к нетрадиционным культурам, либо пытаются найти утешение, нравственное равновесие и уверенность в себе при помощи «всеисцеляющих» средств мистифицированной психотерапии (которая во многом оказывается созвучной религиозной мистике Востока)»³¹.

Стремление понять явления внутреннего мира чело-

века, не укладывающиеся в рамки устоявшихся научных концепций, толкает западных специалистов к поискам ответов в восточных, особенно индусских, религиозно-философских доктринах. К тому же рост нервных нагрузок, увеличивающих психическое напряжение, требует развития психотерапии. Вместе с тем «групповая терапия»*, основанная на принципе «здесь и сейчас», приводит к отключению разума и господству сенсорного сознания³². Отключение от прошлого и будущего существенно обедняет человеческие взаимоотношения в условиях отчуждения и деперсонализации: «В любом случае исключение богатства прошлых связей, отношений, переживаний, знаний, воспоминаний наряду с запретом обсуждать будущую деятельность обедняет и делает три-виальными подлинно человеческие отношения»³³.

Человек в буржуазном обществе делает попытки найти пути выхода из кошмарного мира Запада в одиночестве, в различного рода религиозно-мистических сектах. Члены объединений йогов, дзэн-буддистов, суфиев и других исповедуют восточные религиозно-мистические учения, употребляют ЛСД и марихуану, слушают «психodelическую» музыку, стремятся к экстазу и другим сильным переживаниям. Исследуя это явление, один из крупнейших буржуазных мыслителей, А. Тойнби, пришел к выводу, что «современная западная психodelическая музыка и танцы, сопровождаемые гипнотической игрой светящихся красок, имеют ту же самую цель, что и религиозный танец и пение, хотя эффект достигается на ультрапримитивном предрелигиозном уровне психического действия»³⁴. Объективно достаточно участникам группы на время выключить свое сознание и войти в общение с каждым другим через «коллективное бессознательное» — и индивид попадает в состояние экстаза.

Такого же состояния можно достичь и в случае использования медитации как культового обряда восточных религий. В результате достижения экстаза у человека начинаются галлюцинации, будто бы он «вышел» в открытый космос, соединился с «космическим разумом» и получил «полное знание о мире». Практика нетрадиционных мистических культов приводит к тому, что человек становится неспособным формулировать соб-

* Групповая терапия — общий термин для ряда групповых методов (сензитивная тренировка, сенсорное сознание, психодрама, гештальтерапия), применяемых как средства развития личности явно здоровых людей (New York Times, 1974. 13.I).

ственные суждения, генерировать новые мысли, превращается в запрограммированный робот, управляемый извне.

И наконец, следует отметить специфические черты современных мистиков (неомистиков). Внешне они резко отличаются от мистиков древности: они увлечены громкой музыкой, яркими нарядами, конвульсивными танцами. Вдохновленные своими гуру, неомистики учреждают свои собственные ритуалы (например, рок-фестивали). Они проявляют интерес к религии, оккультизму, астрологии и ясновидению. Особенностью неомистиков является также их пребывание в мультикоммуникативной среде, а не в скитах: общение, а не отшельничество. Классические мистики в стремлении достигнуть свою цель лишали себя чувственных впечатлений. Однако погружение в мультикоммуникативную среду дает тот же эффект свободной отрешенности сознания. Перегрузка чувственного восприятия расшатывает нормальное состояние сознания и включает его новые уровни. Для неомистиков характерен эскейпизм — психологическое бегство из западной культуры: они не приемлют общества потребления. Эскейпизм, как и насилие, является болезнью современного буржуазного общества в целом.

Неомистицизм все больше и больше становится традиционным для западной культуры. Являясь превратной формой отражения реального социального мира, неомистицизм выражает стремление человека избежать противоречий общественного бытия.

Специфика мистического мироощущения

Для понимания мистического мировоззрения и мироощущения существенно знание комплекса потребностей, вызывающих к жизни мистицизм. Здесь следует различать видимые и подспудные потребности. К первым относится потребность в мистике на уровне общественных проблем — усиление сциентистско-технократических тенденций в современном буржуазном обществе, угроза гибели цивилизации, обострение противоречий общества. Перед лицом глобальных проблем мистицизм выступает мироощущением тех слоев и групп, которые не видят выхода из кризиса, охватившего общество: они пытаются разрешить этот кризис путем обращения к таинствен-

ным, сверхъественным силам. На уровне обыденного сознания повседневная практика требует объяснения того, что пока не поддается объяснению, поэтому с помощью мистики создается иллюзорная картина мира. На уровне группы мистицизм различного рода общин и сект (как религиозного, так и вневероисповедного характера) выражает чувство групповой связи перед социальной несправедливостью.

К подспудным потребностям в мистицизме относятся: сексуальные потребности, когда состояние мистического экстаза достигается либо подавлением сексуальности, которая сублимируется в экстаз, либо разнужданной сексуальностью в ходе оргиастического культа; потребность в достижении бессмертия, связанная с поисками эликсира бессмертия; потребность человека получить «освобождение от каких бы то ни было природных «законов»» («наивысшую свободу»), «свободу влиять на сам онтологический статус Вселенной»¹. С этим комплексом потребностей и связано мистическое мироощущение и его специфика.

Под мистицизмом, как уже говорилось, понимается мироощущение (и мировоззрение), которое исходит из того, что в мире существуют таинственные, сверхъественные силы, действующие на человека. Предполагается, что с этими силами человек якобы может вступить в определенные отношения через молитву, медитацию, внутреннее созерцание и т. д. Так как в основе мистического мироощущения лежит идея сверхчувственной, трансцендентной реальности, то это требует столь же внечувственного, внеэмпирического познания (или особого, «мистического опыта», согласно терминологии западных религиоведов). И хотя многие специалисты-религиоведы расходятся в характеристике этого «мистического опыта», тем не менее выделяется по традиции, идущей от У. Джемса, пять общих черт. Во-первых, это невыразимость, подчеркивающая невозможностьverbально выразить полное значение опыта мистика. Во-вторых, мистический инсайт (відненіє) весьма трудно «добавить» к теоретическому познанию. В-третьих, для «мистического опыта» характерна пассивность: в конечном счете трансцендентная реальность сама «открывается» человеку в ходе его поисков. В-четвертых, мистическому состоянию сознания присуща мимолетность. И наконец, в-пятых, важной чертой мистического сознания является интегративность, т. е. мистическое сознание вы-

ходит за рамки обычного опыта и интегрируется, соединяется с высшей реальностью². Мистицизм внутренне присущ любой религии, он более или менее ощутимо проявляется во многих идеалистических философских учениях. Мистицизм, магия, оккультизм — обязательные элементы массового сознания на Западе.

Мистицизм как особый тип мироощущения в зависимости от социальных и религиозно-конфессиональных условий может исходить из различных мировоззренческих основ. Известны три типа мистических доктрин. Во-первых, ортодоксальные теистические системы (иудаизм, христианство, ислам), в которых абсолют представляет собой личностного бога, а «единение» с ним — диалогическое «общение» при согласии партнера. Во-вторых, еретические системы мистики, когда «общение» понимается как «слияние», что с точки зрения ортодоксальной религии считается ересью. В-третьих, системы нетеистической мистики, где абсолют есть безличное трансцендентное начало — «единое» неоплатонизма, «дао» даосизма и т. д.

Указанные типы доктрин дают возможность систематизировать различные многочисленные оттенки мистицизма, которые проявились в истории разных религий во внорелигиозных иррационалистических направлениях. Проявления мистицизма имели место в китайской, индийской культуре, в Древней Греции, в Древнем Риме, в исламе (суфизм). В христианстве, особенно средневековом, наряду с ортодоксальным культом давал о себе знать и мистицизм. Нередко он выступал как форма протеста, причем не только религиозного (против формализма официальной схоластики), но и общественного (против санкционированного церковно-феодального строя, например И. Таулер, Т. Мюнцер).

Рассмотрим более подробно вышеуказанные типы мистических доктрин. Анализируя ортодоксальные теистические системы, необходимо отметить, что мистицизм древнееврейской религиозной культуры, выраженный в «каббALE», наложил неизгладимый отпечаток и на христианский мистицизм. Философская система «каббалисты» построена на идее неизреченного божества, выражаемого только символически, т. е. как безымянное «ничто» или «бесконечное»³, неисчерпаемый свет которого может распространяться далеко в бесконечность. С этой точки зрения Вселенная представляет собой не что иное, как различные степени удаления «божествен-

ного света» от его первоисточника, т. е. Вселенная — результат эманации «духовного абсолюта».

Средневековые христианские мистики также считали, что бог есть безымянное «ничто»: «Ничто всех вещей, которые можно представить или выговорить»⁴. Иоганн Майстер Экхарт проповедовал, что «высочайшее и единственное благо (т. е. бог) не есть нечто, доступное пониманию тварей, ибо тогда оно не было бы всем, не было бы единственным, не было бы совершенным, посему пусть будет имя ему Ничто, т. е. ничто из всего, что понимают, знают, мыслят и могут назвать твари»⁵. Иными словами, бог как принцип единства всего сущего невыразим. Согласно христианской схоластике, первоначальное «единение» человека с богом было нарушено Адамом в грехопадении. Мистицизм истолковывает бога, мир и человека в пантеистическом смысле — бог есть «все во всем». Как утверждал в свое время православный богослов А. Вертеловский, «пантеистическое миросозерцание является естественным следствием логического проведения мистицизма»⁶. Мистицизм стремится обосновать эманацию бесконечного «духовного абсолюта» в конечном.

В исламе мистическим течением является суфизм — религиозная философия, наложившая яркий отпечаток на весь уклад мусульманского Востока. В таких областях духовной жизни мусульманского Востока, как религиозная доктрина, философия, этика, литература, поэзия, суфизм оставил неизгладимый след.

Суфизм — учение о божественной любви, гармонии и красоте. Индийский философ, мистик и пантеист, член суфийского ордена конца XIX и начала XX в. Инейтхан отмечал, что «суфизм совмещает в себе веру и набожность Востока со здравым смыслом и логикой, характерными для Запада»⁷. Главная основа суфизма — мистическая любовь. В основе же метафизики суфизма лежит учение о единстве бытия, ибо «нет бога, кроме бога», и «говорю: бог один» (Коран, 122, 1). Бог — «единое», скрывающееся в многообразии бытия. Вера в «единого» имеет четыре стадии⁸. Первая стадия, когда человек говорит: «Нет божества, кроме Аллаха», но не замечает его. Вторая — когда существует искренняя вера в смысл сказанного. Третья — когда человек видит множество вещей, исходящих от «Единого». Четвертая — человек видит в сущем только «Единого». Такое ясновидение в суфизме называется исчезновением в вере в «Еди-

ного», ибо «человек, если он не видит ничего, кроме «Единого», не видит и самого себя, погрузившись в веру в «Единого», он самоисчезает в своем единобожии в том смысле, что перестает видеть себя и все сущее»⁹. В четвертом, высшем состоянии в видении адепта суфизма нет никого, кроме «Единого»: «Он ничего не видит не потому, что сущее множественно, а потому, что оно Едино»¹⁰. Суфизм признает как иммунентность, так и трансцендентность бога в одно и то же время¹¹. «Духовный абсолют» не имеет ни формы, ни образа, ни имени, его невозможно выразить словами, он является светом (не физическим, а духовным).

Основное место в суфизме занимают аскетизм и крайний мистицизм. Человек отторгается от реальной жизни, реально лишь существование бога, а вся действительность — всего лишь его эманация. Ведь «те, кто видел ее (Истину. — В. П.) без всяких покровов, не знают больше разума и логики, добра и зла, высокого и низкого, нового и старого, — короче говоря, перестают различать все имена и образы. Весь мир для них — только Истина»¹². Адепт суфизма, чтобы прийти в единение с «духовым абсолютом», должен выйти из мира действительности, отрешиться от всего земного.

Мистическое познание — это сверхразумное познание бога или «духового абсолюта». Для мистического мироощущения характерно отрицание таких основных условий рационального познания, как противопоставление субъекта и объекта, пространственные и временные аспекты реального мира, законы человеческого мышления¹³.

Внутреннее таинственное «общение» человеческого сознания с «духовым абсолютом» в мистицизме — это основа миропонимания. Общение, соединение субъекта с объектом («абсолютом») может быть понимаемо в мистицизме или как абсолютно бессознательная деятельность, или как совершенно исключительное состояние сознания человека. Эти состояния человеческого духа связаны со сверхчувственным, нелогическим познанием «абсолюта». Именно сверхчувственный (непроявляемый), нелогический характер природы «абсолюта», его неопределенность, неприложимость к нему даже предиката бытия и утверждается в идеалистической индийской философии, сочинениях арабских мистиков, Фомы Аквинского, Майстера Экхарта, Платона, неоплатоников¹⁴.

Как раз в неоплатонизме «соединение» субъекта с «абсолютом» понимается как особое состояние сознания, когда адепт мистицизма не растворяется в «абсолюте», а теряет способность наблюдать за своим трансформированным «я» в состоянии мистического экстаза¹⁵. В состоянии экстаза мистики забывают не только об окружающем их мире, но и о самих себе. У некоторых мистиков экстаз сопровождается болезненными, патологическими состояниями. Вообще же экстаз характеризуется потерей человеком своей индивидуальности, воли и пассивным подчинением «духовному абсолюту» в процессе «общения» с ним. Вместе с тем нельзя забывать того существенного момента, что «всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались весьма осознательные мирские интересы»¹⁶. Это очень хорошо видно в случае так называемых еретических систем мистики.

Исследования почти всех значительных средневековых ересей Востока и Запада показывают их идейную общность: это самопознание, отрицание некоторых догм ортодоксальной религии, мотивы недовольства существующим общественным строем, «теория богооплощения», «переселение душ», мистика¹⁷. Так, в еретических системах немецкой мистики (XII в.) человек в отличие от «человека-твари» христианской религии рассматривался равным Богу, причем это относилось к любому человеку независимо от его имущественного и сословного положения. Человек просто должен быть добрым и как таковой обладает качеством Бога. Подобного рода ереси выражали протест бюргерства и городского плебса против существующих тогда порядков сословно-феодального общества.

В конечном же счете мистицизм — это реакционное по своей сути явление. Не случайно, характеризуя западный средневековый мистицизм, А. Вертеловский писал: «Если при первоначальном своем возникновении мистицизм может служить благодетельною реакциею против чрезмерного преобладания в жизни формализма, против одностороннего умственного или рационалистического направления, то в последних фазисах своего развития мистицизм, парализуя разум и волю отдельных лиц, может также задерживать общественный и государственный прогресс... Он пессимистически относится к земной жизни с ее радостями и благами, но не обещает человеку истинного блаженства и в будущей жизни, которая, по учению мистиков, должна состоять в слиянии

человека с Божеством, т. е. в утрате самого существенного достояния человека — личного бытия»¹⁸.

Мистицизм присущ таким религиозно-философским системам, как брахманизм, буддизм, индуизм, дзэн-буддизм. Существенно то, что нельзя проводить абсолютной границы между западной и восточной традициями религиозного и философского мышления¹⁹.

Аналитическое рассмотрение европейского и неевропейских способов мышления вносит свой вклад в начавшуюся работу по преодолению издавна сложившихся иллюзий историко-философской традиции о резком противопоставлении европейского и неевропейских способов мышления. Исследования японского ученого Х. Накамуры показали, что необходимо выйти за «пределы древнего мифа о Востоке и Западе «как монолитных блоках», что неправомерно абсолютизировать интуитивность и синтетичность способов мышления народов Востока и логичность и аналитичность способов мышления народов Запада»²⁰. Отсюда отнюдь не следует отсутствие отличий в путях формирования способов мышления в различных культурно-исторических контекстах. Только материалистическая диалектика, органически включая в себя системный подход, является методологическим ключом к подлинно научному решению сложных проблем происхождения, существования и взаимосвязи различных способов мышления, выработанных в разных регионах мира.

В плане исследования духовной культуры, специфики мышления на Востоке советские исследователи выделяют, например, две метатрадиции. Это ближневосточно-средиземноморская традиция, охватывающая культуры от древнего Шумера и Египта до мусульманского средневековья. Это также и индобуддийско-дальневосточная традиция. Индобуддийско-дальневосточная метатрадиция в свою очередь состоит из индийской и китайско-японской (дальневосточной) традиций с общим для них стремлением к гармоническому слиянию человека с природой, к соединению человека с универсумом, что является конечной целью брахманизма, джайнизма, буддизма, индуизма и даосизма²¹.

Понятие «дао» было идеейной осью натурфилософии, онтологии, этики, медицины, астрологии, алхимии и других естественнонаучных дисциплин Древнего Китая. «Дао как изначальная верховная всеобщность, как великий закон природы и первопричина всего сущего, как

высшая абсолютная реальность («единое»), из гигантского пути-потока которой рождается феноменальный мир, чтобы в конце концов уйти туда и затем появиться вновь, но уже обновленным, на протяжении тысячелетий воспринималось в Китае в качестве генеральной нормы Бытия»²².

«Дао» является неизменной сущностью и вместе с тем представляет собой самоизменяющуюся Вселенную, в которой не существует различий между человеческими существами, «верхом» и «низом», «правым» и «левым» и т. д. Что же означает положение о неизменности «дао»? Китайская философия проводила различие между субстанцией и функцией. Как субстанция «дао» — единое, выступающее источником переменного многого. Как функция «дао» — единое, самопроявляющееся во многом. В таком понимании единого находится место и для «мистического опыта». Адепты даосизма стремились познать «дао» для слияния с «духовным абсолютом»²³.

Даосизм как аспект единой классической китайской культуры с присущим ему интуитивизмом и полной духовной раскованностью наложил свой отпечаток на развитие традиционной китайской культуры, литературы, поэзии, живописи, театра. «Дао» невыразимо, оно существует до языка и является имманентным источником мысли и слова. Согласно древнекитайскому мыслителю Чжуан-цзы, «дао» неизреченно, оно само «говорит за себя». Дао-бытие, находясь в слове как «заяц в ловушке», остается за пределами сказанного. Оно воплощает безмолвие «универсума», ибо ни неподвижное слово, ни молчание «не может исчерпать предела вещей»²⁴. Для выражения неисчерпаемости мира необходимо «невероятное» слово: «слово без слов». «Даосская мудрость» сохраняет целостность мировосприятия, исходя из умозрительного обоснования «магии космической Власти»²⁵. Можно сказать, что даосизм понимает мир как абсолютную метафору.

Концепция «дао» во многом похожа на концепцию «безличного абсолюта», зафиксированную в упанишадах и в буддистских текстах. Эманация этого «безличного абсолюта» сотворила видимый мир, и, чтобы уйти от него, древнеиндийские философы, брахманы, отшельники и аскеты стремились к слиянию с «абсолютом»²⁶.

Состояние мистического единения с «абсолютом» достигалось при помощи специальной системы психофизических упражнений — йоги. Сложные предписания нрав-

ственной гигиены определяют позы тела и порядок постепенного расширения сознания индивида. Различные ступени йоги служат для того, чтобы достигнуть высшего состояния сознания (самадхи), когда происходит постижение «абсолюта» без помощи разума. Исчезает сознание «я», сознание индивида, освобожденное от желаний и тревог, действует без «оков» тела и без объекта деятельности. Иными словами, сознание индивида расширяется настолько, что он «перестает сознавать самого себя»²⁷, сознание в момент соединения с «безличным абсолютом» становится пустым. Вот тогда-то и возникает состояние сознания, когда индивид чувствует себя свободным, бессмертным, всемогущим, освобожденным от оков пространства, времени, от противоречий добра и зла.

В большинстве течений индийской религиозной философской мысли доминирует мистическое начало, обычно присущее всей религиозной системе буддизма. Чувственный мир, дескать, есть обман, иллюзия, «разоблачению» которой посвящены проповеди буддистов. Исследуя процесс обыденного мышления, анализируя логический аппарат человеческого познания, буддизм стремится показать всю призрачность реального мира. Согласно «буддийской мудрости», все явления этого мира представляют собой иллюзорное проявление «единой трансцендентной реальности».

Природа этой «высшей реальности» невыразима, она пронизывает все сущее, поэтому каждая вещь, каждый человек представляет собой потенциально единое, целое. Другими словами, существование чувственного мира, множественности вещей — свидетельство в пользу существования внеэмпирического, лишенного всех атрибутов «безличного абсолюта», который невозможно выразить словом.

Взаимодействие концепций буддизма с даосизмом и конфунцианской этикой привело к возникновению дзэн-буддизма (учение чань) в Китае на рубеже V—VI вв., который широко распространился в восточном мире и оказал влияние на современную западную культуру²⁸. Весьма существенно наличие аналогий между идеями дзэн-буддизма и идеями западных философских школ. Например, неоплатонизм оказал сильное влияние на философскую мысль арабо-мусульманского средневековья, на западную христианскую философию средневековья, проявился в немецкой мистике XIII—XIV вв.

(И. Таулер, Г. Сузо, И. Экхарт и др.). Так, существует аналогия между основными понятиями дзэн-буддизма и взглядами И. Экхарта²⁹.

Для того чтобы достичь «освобождения» («просвещения»), нужно, по учению Экхарта и по традиции дзэн (дзэнской медитации.— В. П.), совершить четыре шага. Первый шаг к «освобождению», по Экхарту, — «отрешенность». Это также первый шаг в дзэн. Второй шаг — «преображение»: у Экхарта — по образу и подобию бога, у последователей дзэн — по образу Будды. Традиция дзэн рисует десять ступеней «преобразования»: ад, алчность, чувственность, битва, забота, свет, догматизм, неподвижность, сострадание, небытие. Согласно Экхарту, человек, достигший небытия, сливается с богом, становится единосущным богу³⁰. Форма описания Экхарта отлична от дзэновской — она теоцентрична и абстрактна (христианский мистик не придает значения позе медитации и не описывает конкретных ощущений на разных ступенях медитации). Однако путь «освобождения» схож: последняя привязанность, которую человеку надо отбросить, — это идея «начала» в смысле причины и цели. Ведь и adeptы дзэн, и Экхарт призывают человека жить без «почему», без «цели», те же, кто желают «чего-то» добиться и действуют «почему-то», — это «рабы и поденщики»³¹. Третий шаг — осознание «великого благородства», которое (у Экхарта) бог предназначил человеку как образу и подобию своему. Четвертый шаг — это «чистота природы». «Бог действует в ничто», — учит Экхарт. Именно здесь параллель с дзэн-буддизмом проявляется особенно рельефно. Совершенное «освобождение» ведет к чистому «ничто». Изучающий дзэн «проходит по ту сторону бесконечности сознания и достигает убежища небытия», причем это «небытие, это ничто не имеет связей с религией»³².

В рамках буддизма идея «небытия», «ничто» подготовлена многовековой традицией. Экхарт же приходит к такому результату индивидуальным путем: начав с понятий схоластики, он потом диалектически отрицает их. «Вы действуете, — поучает он, — так, словно сделали бога свечой, чтобы найти что-то. А когда нашли то, что искали, отбрасываете свечу»³³. Таким образом, и дзэн-буддизм, и неоплатонизм Экхарта представляют собой системы нетеистической мистики.

В целом можно сделать вывод о том, что, несмотря на определенные различия, существующие между рас-

смотренными выше тремя типами мистических доктрин, у них имеются общие черты: «Все они тяготеют к иррационализму, интуитивизму, намеренной парадоксальности; они выражают себя не столько на языке понятий, сколько на языке символов, центральный из которых — смерть (как знак для опыта, разрушающего прежние структуры сознания). Представители мистики всех времен и народов... в совершенно одинаковых выражениях заявляют о полной невозможности передать смысл мистики иначе, чем в неадекватном намеке или через молчание (сравни «благородное молчание» буддистов)»³⁴.

Общие черты всех мистических учений связаны с тем, что представители мистики всех времен и народов понимали «абсолют» как свет, преломленные, разрозненные и искаженные лучи которого не может собрать воедино близорукое и рассеянное око смертного. Согласно адептам мистицизма, чтобы познать и пережить абсолют, необходима длительная духовная подготовка посредством практики нравственного самосовершенствования, аскетизма, молитв и т. д. Практика мистического мышления неразрывно связана с той или иной системой психофизических упражнений (дхъяна и йога в индийских системах мистики, «умное делание» православных монахов), которые включают гипнотическое сосредоточение ума (медитация) на простейших фигурах (янтры и мандалы в индийской традиции, христианские символы), сочетаниях слов (манtry индуизма, «молитва Иисусова» в православии, тысячекратно повторяемые восклицания в католицизме) и т. д. В некоторых системах мистики медитация осуществляется при помощи определенных поз и регуляции дыхания (йога и пр.) либо в результате бешеноj пляски дервишей и воздействия музыки, приводящих адепта мистицизма в состояние экстаза. «Музыка и танцы такого рода, — пишет специалист по музыкальной этнографии А. Даниелу, — исполняются не только так называемыми «примитивными», но и цивилизованными народами. Именно для последних подобные музыка и танцы — один из способов вырваться из смирительной рубашки, надетой на них социальными установлениями, возможность самоутверждения личности, которая считает себя принесенной в жертву требованиям окружающих людей и ощущает «возрождение» и духовный подъем, лишь непосредственно приобщившись к таинственному миру духов»³⁵. В процессе исполнения экстатических танцев наступает момент, когда движения

танцующих становятся автоматическими, бессознательными, происходит ускорение и внезапное изменение ритма, что вызывает состояние транса. «Характерные приемы этих танцев одинаковы повсюду: и в Индии, и на Ближнем Востоке, и в Африке»³⁶.

Согласно индуистским верованиям, бог Шива научил людей музыке и танцу, чтобы они общались с богами. Ритуальные экстатические танцы были широко распространены во всем индосредиземноморском мире — это экстатические оргии и танцы дионаисийских мистерий и орфических обрядов, индийские киртаны (песни восхваления), ритуальные экстатические танцы славян, германцев и итальянцев, а также мусульманский ритуал зикр. «Ритуал зикр, исполняемый мусульманскими братствами, такими, как секта суфий, восходит непосредственно к дионаисийским ритуалам Греции, он сохранил как музыкальную основу последних, так и жесты, которые в общем тождественны жестам, принятым в Индии. В этих великолепных празднествах получают выражение мистические особенности и ислама, и индуизма»³⁷. Зикр представляет собой способ достижения внутренней сосредоточенности и глубокого постижения дервишем самого себя в результате повторения имени бога. Цели и методы зикра аналогичны целям и методам некоторых приемов тантрической йоги, при помощи которых самопознание осуществляется повторением имен бога.

В суфизме различается пять степеней экстаза: экстаз дервишой, связанный с ритмическими движениями тела; экстаз чувствительного человека, когда он испытывает щемящее чувство, вздохи и слезы; религиозный экстаз, представляющий собой экзальтацию тела и психики; экстаз святых, присущий состоянию глубокого умиротворения и спокойствия; экстаз пророков, когда индивид соединяется с богом (высшее состояние человеческого сознания)³⁸. Определенного типа ритмы экстатического танца и музыки, которую суфии называют «пищей души», нацелены на соприкосновение адепта мистицизма с «потусторонним» миром. В связи с этим нельзя не согласиться с советским исследователем В. Конен, которая пишет: «Телесный ритм, до сих пор безоговорочно преобладающий в Европе, упорядочивает внешние формы проявления «души» и держит психическое начало под рациональным контролем. По своей музыкальной природе он отталкивается от строго организованного физического движения. «Духовный» ритм, широко рас-

пространенный в культуре внеевропейских народов, воздействует на психику в таком направлении, что рациональное начало в ней ослабевает и индивидуум переходит в состояние транса. Ритм такого рода — один из главных элементов культовых отправлений в религиях Востока»³⁹.

В принципе экстаз суфийских дервиш не отличается от экстаза русских мистиков-сектантов. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве состоит из трех моментов: умиления, восторга, вдохновения⁴⁰. Под влиянием таких экстатических средств, как проповедь, чтение Священного писания, молитва, пение, адепт мистицизма теряет самообладание, приходит в «умиление». В результате возникает ощущение легкости, невесомости, сектанты-мистики пускаются в «духовный пляс» до изнеможения. В итоге возникает своеобразная иллюзия ясновидения.

В экстазе адепт мистицизма чувствует себя в гармоническом слиянии с мировым «целым», «единым». Приемы достижения такого состояния могут быть разными — от бешеной пляски до тихого «умиления» христианских аскетов. «Но в любом случае мистик не может обойтись без психотехники аскетизма (или, как в некоторых видах гностицизма и тантризма, а также в сатанизме, без аскетизма навыворот, ритуализированного нарушения этических и сакральных запретов, создающего предпосылки для психологического шока и транса)»⁴¹. В итоге происходит идентификация сознания человека с «трансперсональной реальностью».

В рамках мистических традиций считается возможным личное переживание трансцендентного сознания, которое является сознанием без объекта — чистое, недифференцированное блаженство, состояние экстаза, когда «человек, если он не видит ничего, кроме Единого, не видит и самого себя»⁴², т. е. происходит трансформация сознания человека. В общих чертах структура трансформации сознания индивида в процессе мистической интеграции с «единым» такова: дереализация физико-сенсорного мира и формирование виртуального мира религиозных объектов с последующей их интериоризацией; дереализация внешних форм религиозных объектов; отbrasывание («исчезновение») даже самих религиозных объектов; пустота сознания; осуществление «слияния с трансцендентным абсолютом»⁴³.

Возникает вопрос: каково же реальное содержание

подобного рода трансформации сознания индивида или «мистического опыта»? Так называемое мистическое состояние сознания как особое состояние сознания характеризуется пассивностью психического аппарата человека, ибо происходит отсечение воздействий внешнего мира и выключение индивида из течения «обычного времени» («горизонтальное время»). Здесь речь идет о старой идее «иного времени» («вертикального времени»), благодаря которому бытие человека выходит за рамки «обычного времени». Ярче всего эта идея выражается в поэзии (искусство и религия с ее мистицизмом выросли из первобытного синкретического сознания), где поэтическое мгновение сложно, ибо в нем содержится бесчисленное число «одновременностей» («вертикальное время»). В любом поэтическом произведении имеется «вертикальное время» в отличие от обычного, «горизонтального времени», причем поэтическое мгновение также амбивалентно: это объемное мгновение⁴⁴. Человек же, выключенный из потока «горизонтального времени» и погруженный в пучину «вертикального времени», может достигнуть «автосинхронной референции внутри самого себя»⁴⁵.

Эффект синхронизации событий психического мира человека может быть вызван также влиянием произведений других видов и жанров искусства (музыка, танец, пение и т. д.). Необходимо учитывать и то, что в мистическом экстазе психика индивида, стремящегося к «единению» со «сверхъестественным» (с «единым целым»), достигает такого состояния, когда личность человека полностью редуцируется и он «схватывает» весь мир, постигая якобы его сущность. Данный подход к миру выработан в рамках восточного мышления⁴⁶. Для восточного мышления, ориентированного на постижение трансцендентного, «потустороннего абсолюта», характерны нелинейность, принцип синхронности (корреляции), одновременности уровней единого и единичного, отсутствие причинно-следственной связи, отношение типа «одно во всем и все в одном»⁴⁷.

Такого рода тип мышления (характеризующийся целостным подходом к миру) так или иначе присутствует в современной квантовой механике. Ведь каждая микрочастица связана с мировым целым «несиловым взаимодействием», т. е. связана по принципу корреляции. Лабораторные эксперименты подтверждают справедливость принципа корреляции или принципа акаузальной

связи между фотонами, электронами и нейтронами⁴⁸. Таким образом, одной из точек пересечения физики и психологии является принцип «синхронной», акаузальной связи, выработанный восточным мышлением.

Иrrационально-мистическая интерпретация принципа «синхронной» связи, стремления человека выйти за пределы обычного времени имеет свои истоки в самой природе процесса познания и в противоречиях самой жизни⁴⁹. Человек, как отмечалось выше, ищет смысл своего бытия, т. е. ищет смысл мира, в котором он живет. Мир как земной шар с проживающим на нем человеческим родом — это объект высшего ряда, в структуре которого содержится природа Земли; человечество с его историей и многообразной сложностью; культура или множество культур. Смысл этого мира должен быть синхронизирован со смыслом бытия согласно сложившемуся в науке определению целого через части и части через целое.

Независимо от того, является ли мир человека одним из множества или единственным в космосе, где возникла именно такая цивилизация разумных существ, следует иметь в виду, что это — особый фрагмент бытия, который придает целостности Вселенной специфический характер. Этот специфический характер целостности Вселенной и зафиксирован на досознательной, «архаической» ступени познания, на которой вместо ясных и четких понятий выступают образы с ярким эмоциональным содержанием, созерцаемые наглядно и непосредственно, т. е. перед нами юнговские архетипы в их мистической окраске. Такого рода образы в видениях мистиков дают иллюзию соприкосновения с «божественным», хотя в действительности человек здесь встречается со своей родовой отчужденной сущностью, которая связана с целостностью Вселенной по принципу акаузальности.

Противоположность научно-материалистического и мистического подходов к миру

В современном буржуазном философском сознании доминируют взгляды о необходимости установления единства науки и религии, знания и веры, так как в оживлении религиозных и мистических настроений усматривается средство преодоления кризиса буржуазного мира¹, тем более что сейчас в мировых религиях (христианство, ислам и буддизм) и современных нетра-

диционных религиях (необуддизм и др.) наметилась тенденция использовать научные открытия для обоснования религиозно-мистической интерпретации мира, человека и его сознания.

Вполне закономерно, что в условиях отчуждения и деперсонализации человеческих отношений буржуазного общества особое внимание уделяется развитию проблем духовного возрождения (К. Юнг), личностного и коллективного обновления (М. Элиаде), мифов обновления (Ж. Дюран). Эту тенденцию современной европейской культуры венгерский философ Ева Анчел характеризует как усиление потребности «освободиться с помощью какой-нибудь теории, трактуемой как универсальное объяснение мира, от беспокойства, вызванного неизвестными причинами»².

Различного рода теории западной психологии и философии — фрейдизм, неофрейдизм, «релятивистская квантовая психология» и др. — возникли для того, чтобы удовлетворить такого рода потребность. В них, как правило, речь идет о многослойности психики, об измененных состояниях сознания человека, которых можно достичь в результате приема психodelиков, использования методов медитации и иных систем психорегуляции. Когда человек достигает измененного состояния сознания в трансе или экстазе, тогда у него возникает иллюзия пространства, которую можно назвать «трансперсональной реальностью». Эта особая иллюзорная «реальность» бесконечна и безгранична, ее характеризует «выход за пределы вербальных понятий, пространства — времени, протяженности и ощущающего субъекта или единства индивида»³.

Человек, находящийся в трансе, имеет дело с «трансперсональной реальностью», фактически оперирует особым, специфическим языком, на что и обратили внимание все западные герменевтики (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.). Речь идет о предполагаемом языке будущего — языке предпонимания, который присущ животным, детям и который может стать языком общения в космосе. Перед нами вполне реальная форма общения, находящаяся на грани поэтического воображения. Выход же за эту грань и приводит к религиозно-мистическому истолкованию «трансперсональной реальности», которая якобы лежит в основе отношения человека и коллектива к миру, является пределом бытия и источником развития творческих потенций человека, дает воз-

можность для духовной самотрансформации индиви-
дуума.

В современной западной психологии и философии имеется многообразие различных моделей (или карт) человеческого сознания, пытающихся описать «глубины» человеческого сознания, с которым связаны его трансцендентные возможности и процессы психологической трансформации. В рамках «духовного возрождения» функционируют модели сознания, выработанные в западной и восточной философско-психологической мысли. Одной из таких моделей является схема, разработанная К. Уилбером⁴. Его схема представляет синтез восточной и западной модели человека. Прежде всего уилберовская модель человека в своей основе исходит из общей для индо-ведической традиции тибетского буддизма доктрины о том, что глубочайшей основой бытия является «брахман-атман» («Ум» и «чистое сознание»). Эта доктрина используется и в йога-психологии, согласно которой посредством йогических упражнений достигается состояние самадхи (транса)⁵. Исходя из традиций йога-психологии, а также из критического анализа психологии К. Юнга, Уилбер развивает концепцию структуры «Ума» как учение об оболочках и учение о семи центрах сознания (чакрах). В этой основной восточной модели структуры личности (йога кундалини) верхний чакра — высшее состояние сознания; волевой чакра — интуитивное познание; горловой чакра — воспитание и творчество; сердечный чакра — эмоции и эмпатия; солнечное сплетение — власть и подчинение; генитальный чакра — чувственность и сексуальность; корневой чакра — страх и паранойя.

Вместе с тем в уилберовскую схему входит и западная модель человека. Ведь Дж. Олпорт показал, что можно построить европейскую модель личности⁶ на основе философской и психологической традиции, восходящей к Платону, который представлял человеческий «ум» в виде трех «способностей» (мышление, воля, чувства), соответствующих трем частям тела, а именно: голове, груди и животу. Хотя эта модель до сих пор дискутируется, она тем не менее широко используется, подвергаясь модификации в различных школах психологии.

Существенным в уилберовской схеме является «спектр сознания», состоящий из нескольких слоев или уровней: уровень «ума», «трансперсональный уровень», экзистен-

циальный уровень, уровень «эго» и «теневой» уровень. Уилбер отдает предпочтение недифференцированному и бесконечному, которое он называет уровнем «Ума» и основанием бытия. Он пишет: «Ядром интуиции... является то, что «находящееся глубоко внутри» человеческое сознание идентично абсолютной и предельной реальности Вселенной, которую для удобства я должен назвать просто Ум (с заглавной У, чтобы отличить его от очевидной множественности «умов»). Согласно этой универсальной традиции, Ум — это то, что есть везде (беспространственно и поэтому бесконечно, безвременно и поэтому вечно), вне Ума ничего не существует. На этом уровне человек идентифицируется со Вселенной. Этот уровень не является ни аномальным состоянием сознания, ни даже измененным состоянием сознания, а скорее — только реальным состоянием сознания, все другие существования по сути иллюзорны»⁷.

«Трансперсональный уровень» сознания сверхиндивидуален — «человек не осознает ни своей идентичности со Всем, ни идентичности, ограниченной рамками индивидуального организма»⁸. Экзистенциальный уровень, где, по словам Уилбера, «человек идентифицирует себя со своим психофизическим организмом, существующим в пространстве и времени, это... уровень, где связь между «я» и другим, организмом и окружением всегда обнаружена. Это также уровень, где начинают развиваться и расслаиваться рациональные процессы мышления и личные желания человека»⁹. «Эго» — уровень сознания, отображающий реальность личностного образа — «я». «Теневой» уровень сознания содержит конфликтные ситуации, о которых индивид обычно не хочет знать.

Один из составителей изданного в США сборника «Метафоры сознания», Р. Экартсберг, подробно рассмотрев модели человека (когнитивные карты личности) З. Фрейда, К. Юнга, Р. Ассаджоли, Ч. Тарта, К. Левина, В. Франкля, Х. Смита, К. Уилбера, С. Рамы и других представителей самых различных направлений современной западной и восточной философии и психологии, предлагает свою обобщенную схему человеческого «психокосмоса» в виде эвристического образа пирамиды¹⁰. Эта пирамида человеческого существования, которая идентифицирует и локализует различные человеческие формы присутствия в реальности в отношении друг к другу, конституирует карту человеческого «психокосмоса» в терминах «вера», «интуиция», «разум», «бодрство»

вание», «сон», «кома», «смерть». Этот когнитивный образ пирамиды дает только наиболее общее описание и онтологические деления внутри человеческого «психокосмоса». Чтобы представить уровни экзистенции и сознания человека, необходимо, по мнению Р. Экартсберга, использовать другой образ, чем пирамида, в качестве символа западной рефлексии и анализа¹¹.

Р. Экартсберг предлагает «круг», секторы которого фиксируют различные модальности и возможности человеческого экзистенциального участия в реальности. Данный «круг» находится внутри Вселенной, которая в свою очередь помещена внутри «всеобъемлющей реальности бесконечного божественного психического поля энергии» («трансперсональная реальность»), символизирующего конечные горизонты человеческого существования. Любой четко очерченный спектр бытия конституируется интеллектуальным упорядочением реальности в категориях¹². При этом необходимо помнить, однако, что все уровни существования взаимодействуют и все поля сознания взаимопроникают. Представители «тео-психологии», например Р. Ассаджоли, С. Вэлл и сам Р. Экартсберг, считают, что когнитивная карта структуры «психокосмоса» (исчерпывающего образа всех сфер человеческого сознания в их взаимодействии) дает возможность личности самотрансформироваться относительно «нового центра», которым является высший или трансперсональный «я»¹³.

Западные клерикалы в целях упрочения позиций религии используют концепцию «коллективного бессознательного» К. Юнга, который якобы подвел «научный фундамент» под религиозную концепцию мира, сумел-де синтезировать веру и знание на основе идей «восточной мудрости». «Восточной мудрости», например, незнаком принцип каузальности: в медитации внимание концентрируется на мгновении. Исходя из этого, К. Юнг в своем комментарии к даосской книге «Тайна золотого цветка» говорит об «акаузальной синхронной связи»: внешние и внутренние события, «синтезируя» мгновение, образуют особую внутреннюю связь, которая и лежит в основе деятельности древних оракулов и астрологов¹⁴.

Научно-материалистическое истолкование идея «акаузальной синхронной связи» получает в рамках концепции целостности, развивающейся в советской науке¹⁵. Т явления в сфере бессознательного, которые нельзя объяснить на основе принципа причинности, получают науч-

ную интерпретацию на языке импликативно-логических и взаимно коррелятивных связей.

Юнговская концепция «коллективного бессознательного» используется теологами и буржуазными идеологами для научообразного доказательства бытия «абсолютного духа» (бога). Учение К. Юнга дает религии спасительную возможность обосноваться в психической сфере человеческого существования, которая является наиболее интимной и наименее исследованной. Оказывается, что бессознательное является местообитанием бога, т. е. бог находится внутри психики человека, а не в мифических заоблачных высях.

Для некоторых буржуазных идеологов концепция К. Юнга служит основой для внедрения в сознание масс принципов буддистского вероучения. Так, А. Тойнби, например, пишет: «Психические данные, которые относятся к самому глубокому слою психики индивида и которые психологам удалось извлечь на уровень сознания, оказывается, принадлежат сфере «коллективного подсознания». Каковы границы этой коллективности? Касается ли она только людей? Или относится и к жизни других живых существ на Земле? Или касается всей Вселенной в ее психическом аспекте?»¹⁶ Тойнби считает, что положительное решение поочередно каждого из этих вопросов помогло бы приблизиться к индусским религиозным традициям. На практике такого рода концепции открывают двери для фидеизма и мистицизма, своим острием направленные против концепции материалистического понимания истории, являющейся методологической и мировоззренческой основой для решения сложных и кардинальных проблем человеческого бытия, проблем познания мира.

В рассмотренных выше моделях (схемах) К. Уильбера, Р. Экартсберга, в концепции «коллективного бессознательного» К. Юнга под завесой мистики и иррационализма скрываются реальные проблемы. Более того, в них используется старая гипотеза о циркуляции континуального (непрерывного) потока сознания. Так, исследования показывают, что формальное описание основной восточной модели структуры личности (йога кундалини) весьма точно соответствует анатомическому описанию организма человека и его функций¹⁷. Представляет интерес и то, что йога, как считает советский ученый Б. Л. Смирнов, «по существу ведет к атеизму»¹⁸.

В развитии человечества можно выделить следу-

ющие этапы. Первый этап: возникновение трудового процесса и общественных отношений. Отношение сознания к бытию пока еще не осознано. Неразличение субъективного и объективного в сознании ведет к его мифологичности. Второй этап: разделение труда, появление социальных групп, выход мышления за рамки традиционных мифологических представлений. Возникает определенное осознание взаимодействия субъекта и объекта, появляются попытки абстрактного объяснения этого взаимодействия, причем человек считается малой частицей мироздания. Третий этап: развитие мануфактуры, машинное производство, межконтинентальная торговля и завоевание колоний становятся основой осознания активности субъекта относительно противостоящего ему мира. Возникает представление о безграничном могуществе рационального познания, которое опирается на машинное производство и научный эксперимент. Четвертый этап: производственные отношения становятся капиталистическими, уровень развития производительных сил дает основу для осознания единства бытия. Пятый этап: процесс производства эпохи империализма, эпохи пролетарских революций, распада колониальной системы позволяет осознать реальное соотношение между субъективным и объективным, хотя и не всегда в адекватной форме¹⁹.

Буржуазное мышление в наше время существенно искаивает реальное соотношение между субъективным и объективным, что и проявилось, в частности, в упомянутых выше моделях (схемах). В этих моделях в извращенной, мистифицированной форме схвачена вполне реальная проблема современной буржуазной культуры, обусловленная социальными антагонизмами Запада. Это — проблема доминирования страха в западном мире XX в. «Страх — наиболее яркая духовная характеристика западной цивилизации»²⁰. Проблема «страха» постоянно волнует писателей, художников, социологов, политиков, философов, теологов и психологов. Много внимания в своем творчестве уделили «страху» Г. Гессе, З. Фрейд, Э. Фромм, Р. Нибур, П. Тиллих, М. Хайдеггер и др.

Тиллих описывает «страх» как человеческую реакцию на угрозу небытия. Человек — существо, которое осознает свое бытие, но он также осознает и то, что в любой момент он может исчезнуть. Разумеется, это давно известно. Однако важен акцент на специфике «стра-

ха» перед смертью именно в XX в. Источником «страха» является осознание индивидом бытия как нечто противоположного ежеминутной возможности небытия. Оно, по мнению Р. Мэя, аналогично кьеркегоровскому описанию страха как «страха небытия»²¹. Причем «небытие» не означает просто угрозу физической смерти, хотя, вероятно, смерть является общей формой и символом этого страха. Опасность небытия кроется также в психологической и духовной реальностях, а именно в угрозе бесмысленности индивидуального существования. Важно то, что «страх» небытия коренится не только в конечности субъективного мира индивида, но и в его тесной связи с ужасами жестокой действительности буржуазного мира.

Человек, воспитанный в атмосфере «страха», — это человек тревоги и беспокойства. В его тревоге и беспокойстве — ожидание неизвестного будущего. В условиях сильного давления «страха» человек практически теряет ориентацию на социальное будущее, он замыкается в настоящем, которое заполнено тревогой и беспокойством. Индивид попадает в невротический, «заколдованный» круг, ведь «чувство страха увеличивается по мере того, как приближается опасная ситуация, причем в результате большого эмоционального напряжения время и пространство в этом периоде обыкновенно удлиняются»²².

Когда социальное будущее угрожает человеку, когда из его темноты вырисовываются образы смерти и катастрофы, тогда оно выступает в качестве деструктивного времени, которое безжалостно поглощает человека. Не случайно для «страха» характерны дистопии (описание социального идеала в негативном, пугающе-трагическом свете), вещающие о катастрофе²³.

В противоположность пессимизму буржуазного сознания, ориентированному на мистические и иррациональные способы освоения мира, диалектико-материалистическое мировоззрение дает оптимистическое видение истории и мира. А оно невозможно без научного понимания объективного мира в его пространственно-временных отношениях, отражения мира таким, каким он является в действительности. Иными словами, отражательная природа научного постижения мира несовместима с мистицизмом, который по своим мировоззренческим установкам направлен против диалектического материализма.

Науке XX в. присущи активность, диалектичность научного мышления. Действительно, современные теории характеризуются изменчивостью и взаимопревращаемостью. Теория относительности не могла бы существовать без признания идеи внутренне необходимой связи пространственных и временных понятий. На смену абсолютной «длине» и абсолютной «продолжительности» пришли и утвердились релятивистские понятия «длины» и «продолжительности», являющиеся аспектами важнейшего инварианта частной теории относительности, который представляет собой их диалектическое единство. При этом как сам инвариант, так и его аспекты являются отражением определенных сторон объективной реальности.

Диалектика по отношению к различным наукам выступает как всеобщий метод движения человеческой мысли и действия. Диалектический метод приводит к объективной истине в познании и к реальным результатам в практике по овладению силами природы и общества. Именно материалистическая диалектика объясняет действительное место природы как объекта человеческой деятельности и как предмета человеческого познания.

Марксистско-ленинская философия показала предметно-деятельный характер человеческого познания. Человеческая деятельность характеризуется прежде всего своей опосредованностью. В отличие от животного, которое, по словам К. Маркса, «непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью»²⁴, человек относится опосредованно к своим жизненным потребностям. В процессе деятельности человек опредмечивает (овеществляет) свои цели. Но деятельность в то же время есть и познавательный процесс, в котором объективные свойства вещей превращаются (распредмечиваются) в образы, элементы сознания. Таким образом, в основе истинного знания действительности и действительных связей вещей и явлений лежит процесс опредмечивания, а обратная связь в форме распредмечивания показывает эффективность действия и информирует о неизвестных дотоле свойствах вещей и явлений. Следовательно, как деятельность, так и познание (которое само является моментом деятельности) имеют своими необходимыми моментами опредмечивание и распредмечивание.

Диалектико-материалистический подход к пониманию окружающего мира исходит из концепции предмет-

ной деятельности, выработанной К. Марксом в «Капитале». Существенным компонентом данной концепции является способ производства материальных благ. Он представляет собой основной канал, связывающий человека с окружающим миром, который постоянно расширяется благодаря развитию средств производства. Познание окружающего мира детерминировано потребностями социального целого. Человек познает мир в различных формах практической деятельности — данное положение лежит в основе марксистско-ленинской теории познания.

Диалектико-материалистическая теория отражения включает в себя три фундаментальных положения. Материя существует как объективная реальность, независимая от познающего субъекта. Существование познающей материи предполагает наличие мыслящих существ. Мир познаем субъектом. Между принципиальной познаваемостью материального мира субъектом, который неисчерпаем, и фактической познаваемостью, исторически ограниченной, есть различие. Сознание — это свойство высокоорганизованной материи, обладающее способностью отображать материальный мир. Раскрывая сущность теории отражения, В. И. Ленин писал: «Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности»²⁵.

Бытие всегда диалектично. Человеческое сознание сможет понять его только в той степени, насколько само оно диалектично. Это значит, что мышление должно быть в состоянии адекватно отражать объективную реальность. Поэтому В. И. Ленин всегда рассматривал категории философии не иначе как содержательные формы постижения объективных закономерностей. Именно поэтому материалистическая диалектика является незаменимым теоретическим оружием.

Материалистическая диалектика как методология научного познания позволяет выявить и показать несостоятельность попыток доказать возможность слияния науки и мистицизма. Одной из таких попыток является так называемая концепция «параллелизма», согласно которой фундаментальные идеи и понятия физики идентичны идеям религиозных, мистических и натурфилософских учений, они якобы имеют одну и ту же структуру, одни и те же социальные корни²⁶.

Западные ученые и методологи (Ф. Капра, М. Талбот и др.) считают, что у современной физики и восточных мистических учений имеется ряд общих черт. Во-первых, холистский подход к миру — мир является органическим целым, в котором мельчайшая часть «соизмерима» с универсумом. Во-вторых, «парадоксальность» мышления — противоречие приводит не в тупик, а служит условием наиболее глубоких прозрений. В-третьих, «трансцендентность» — стремление выйти за границы обыденной очевидности, привычных форм языка, традиционных представлений о пространстве и времени, знание о мире нельзя описать формальной логикой. В-четвертых, восточный мистицизм считает космос живым, т. е. динамичным, данная идея релевантна современной науке.

Названные выше «общие» черты ученые-идеалисты кладут в основу аналогий между идеями «дополнительности» квантовой физики и религиозно-мистическими идеями типа «в каждой пылинке — бесконечное число будд» (буддизм) и т. д. На основе этого буржуазными учеными делается вывод о конвергенции мистицизма и новейшей науки. Такого рода «параллели» по сути являются языковыми трюками: вырванные из контекста утверждения истолковываются так, что возникает иллюзия наличия общего содержания и смысла. К трюкам относится и буквальное истолкование метафор и символов, а также неправомерный «перевод» идей физики на язык «здравого смысла». Такое «обоснование» единства научного и религиозно-мистического познания далеко не ново²⁷.

Философия символа, начиная с работы Э. Кассирера «Философия символических форм» и кончая ее дальнейшим углублением в трудах П. Тиллиха, К. Ранера, Р. Панникара, а также в школах М. Элиаде и К. Юнга, показала, что не может быть и речи о глубоком понимании европейской культуры, а также классических религиозных и философских произведений Индии, Китая, Ирана без обращения к символу. Однако важно тут помнить, что абсолютизация роли символа в познавательной деятельности человека приводит к религиозно-идеалистическим выводам. Речь идет не о языке современной математики, теоретической физики и т. п., а о мире, космосе как пространственной символической презентации «космического человека» (бога), по-разному интерпретируемого в различных религиозных системах —

Адам Кадмон (каббала), пуруша (индуизм), «верховная божественная личность» (кришнаизм) и т. д. В результате же делается вывод о том, что весь мир, наука, искусство, культура являются пространственной (символической) презентацией некой духовной сущности космического порядка²⁸. Поскольку эта «высшая духовная сущность» («космический человек») проявляется-де в каждом человеке, постольку каждый человек содержит в себе потенциально весь мир. Медитация, согласно религиозно-мистическим представлениям, и есть то средство, с помощью которого можно слиться с этим «космическим человеком» (трансцендентным абсолютом) и неизвестные науке знания якобы «сами появятся» в голове индивида.

Согласно научно-материалистическому мировоззрению, язык символов является одним из компонентов среднего звена структуры марксистской концепции человеческого отношения к миру.

Методологической основой решения вопроса о функционировании символов в системе человеческой деятельности является следующее положение К. Маркса: «...овеществленный труд, т. е. труд, наличествующий в пространстве, может быть противопоставлен труду, протекающему во времени, также и в качестве прошлого труда»²⁹. Когда субъект познания, оперируя знаками и символами, получает новое знание, то он фактически распредмечивает опредмеченную деятельность и перестраивает знаковый материал для решения определенных познавательных задач. Поэтому, совершая различные процедуры над символами, человек тем самым оперирует предметами в особой, «превращенной», форме.

Гносеологическая проблема отношения субъекта и объекта решается только общественно-исторической практикой, предметной деятельностью, т. е. необходимым моментом решения данной проблемы выступает практическая деятельность во всем богатстве социальных форм. С этой позиции необходимо исследовать статус символов в науке, искусстве и других сферах человеческой деятельности. Та или иная интерпретация символов и знаков детерминирована способами опредмечивания и распредмечивания человеческой деятельности.

Человек с точки зрения марксистской концепции отношения человека к миру познает объективную реальность в процессе ее преобразования, что возможно благодаря освоению им накопленного социального опыта и

«неорганического тела цивилизации». Это «тело цивилизации» транслируется от поколения к поколению, постоянно наращивается и представляет собой определенную деятельность поколений. Вместе с тем накопление, концентрация опредмеченои деятельности позволяют человеку обогащать и углублять свои представления об объективном мире, строить более адекватные целям деятельности субъекта символические языки, которые во всех сферах человеческого сознания выступают инструментом, проектом, программой преобразования действительности.

Прошлая человеческая деятельность лежит в основе многообразия культуры, символы которой определяются путем актуализации прошлой деятельности. В процессе распредмечивания этой «угасшей» деятельности происходит подключение к наличной деятельности, что позволяет объяснить феномен множества интерпретаций субъектом того или иного символа в зависимости от его включенности в тот или иной контекст. Другими словами, символы есть не что иное, как модальные формы — мифология, религия, искусство и наука, каждой из которых соответствует своя культурная среда, свой культурный контекст, причем эти модальные формы несводимы друг к другу.

Религиозная концепция идейного «параллелизма» между наукой и мистицизмом неадекватна действительности. Ведь мистицизм исходит из возможности непосредственного единения человека со сверхъестественным миром, с духовным абсолютом, он основан на вере в существование воображаемой, иллюзорной реальности. В отличие от него наука ориентирована прежде всего на объективную реальность, существующую независимо от сознания человека. Наконец, мистицизм и наука относятся к различным культурно-историческим сферам и представляют собой принципиально различные виды человеческой деятельности. Между тем некоторые западные ученые заняты доказательством того, что физику, например, и мистику следует рассматривать как «социальные факты», а не как результат «чисто духовной» деятельности³⁰.

«Параллелизм» между идеями современной науки и восточным мистицизмом имеет психологические основания. Ведь психика — продукт развития индивида в определенной социокультурной среде, что следует из принципа историчности психики, разрабатываемого в совет-

ской психологин. Что же касается идеи «трансперсональной реальности», то она по сути в мистифицированном, деформированном виде отражает мир человеческой культуры, антиэнтропийной по своей природе³¹.

Реальная проблема заключается в том, что человеку нужно владеть методами психической саморегуляции для выявления потенциальных возможностей своей духовной жизни, для оптимизации психофизиологических и биоэнергетических потенциалов в соответствии с идеалом целостной и всесторонне развитой личности. В решении этой проблемы весьма значительна роль научного понимания, которое возможно только как обобщение всей суммы человеческого знания. Таким обобщением и является материалистическая диалектика, принципиально отрицающая религиозно-мистические и идеалистические концепции мира и человека. Реальности современной исторической эпохи и достижения современной науки требуют не слияния мистических традиций с данными новейшего естествознания, а развития материалистической диалектики как единственно адекватной современности методологии.

Глава II

МОЗГ И СОЗНАНИЕ

Мистическое истолкование сознания

В современной буржуазной методологии научного исследования подчеркивается «удивительное сходство» между теоретическими конструкциями различных областей естествознания и основными концепциями мистической интерпретации природы сознания. Так, в изданном в США сборнике статей «Метафоры сознания» (Т. Лири, Ч. Тарт, Пуран-хан Бэр, Э. Экартсберг, Д. Ливитт, С. Вэлл, Р. Экартсберг, П. Ли и др.) утверждается, что теория относительности, квантовая теория, когнитивное моделирование в конструировании искусственного интеллекта и т. д. имеют непосредственное отношение не только к проблемам структуры сознания, но и к мистической интерпретации процесса самореализации человека¹. В результате делается фальсифицированный вывод о связи Вселенной и сознания человека с «трансцендентной реальностью». Отсюда становятся понятны тенденции мистического наукообразного толкования природы сознания.

Наукообразные, а по сути мистические подходы к рассмотрению сложнейших проблем современного естествознания широко представлены в указанном выше сборнике «Метафоры сознания». Так, один из «открывателей» экзопсихологии, Т. Лири, акцентирует внимание на внеземном уровне сознания, формулируя принципы «космического видения». Его экзопсихология представляет собой «теорию межзвездной нейрогенетики». Она основана на следующих допущениях. В нашей Галактике существуют миллионы звездных систем, имеющих планеты с эволюционирующей жизнью. Так как наша планета находится на середине эволюции Солнца (5 млрд лет), то, очевидно, как утверждает Лири, половина планет в нашей Галактике имеет более развитую в эволюционном плане жизнь, чем на Земле. Эти более развитые культуры представляют будущее нашей собственной эволюции. Одни и те же химические элементы

и физико-химические процессы характерны для всех звездных систем известной нам Вселенной. Жизнь, существующая на земной планете, не является уникальной. Планеты имеют предсказуемый период жизни, они разрушаются, когда их звезды достигают фазы «красного гиганта». В связи с этим, считает Лири, жизнь не остается на своей планете, а мигрирует в Галактике: она дает ростки на молодых планетах в форме аминокислотных матриц, причем основные тактики эволюции — метаморфоза и миграция. Код ДНК представляет собой сообщение, очерчивающее направление эволюции: на планете разворачивается около половины этой эволюционной программы. Жизнь на планете, по словам Лири, является эмбриональной, после миграции она примет форму постэмбрионального существования. Эмбриональная форма жизни условно описывается на языке ньютоновской науки, внеземная форма существования — на языке эйнштейновской науки. Метаморфоза человеческого вида от земного к внеземному существованию отмечается почти одновременными открытиями психоделиков, электронных устройств, структуры ДНК, ядерной энергии и квантовой механики².

Исходя из этих допущений, Т. Лири предлагает ориентированную на будущее перспективу внеземной эволюции генетически запрограммированного сознания человека. На основе фальсификации данных современных естественнонаучных дисциплин им делается произвольный вывод о наличии в ДНК так называемого контеллекта (неологизм, образованный из английских терминов «сознание» и «интеллект»). — В. П.). По его мысли, возможности «контеллекта» не ограничиваются нашей планетой, они ориентированы на внеземной интеллект. В основе экзопсихологии имплицитно содержится положение о том, что человеческое сознание является эмерджентным свойством нейрофизиологической организации мозга, своеобразного биокомпьютера.

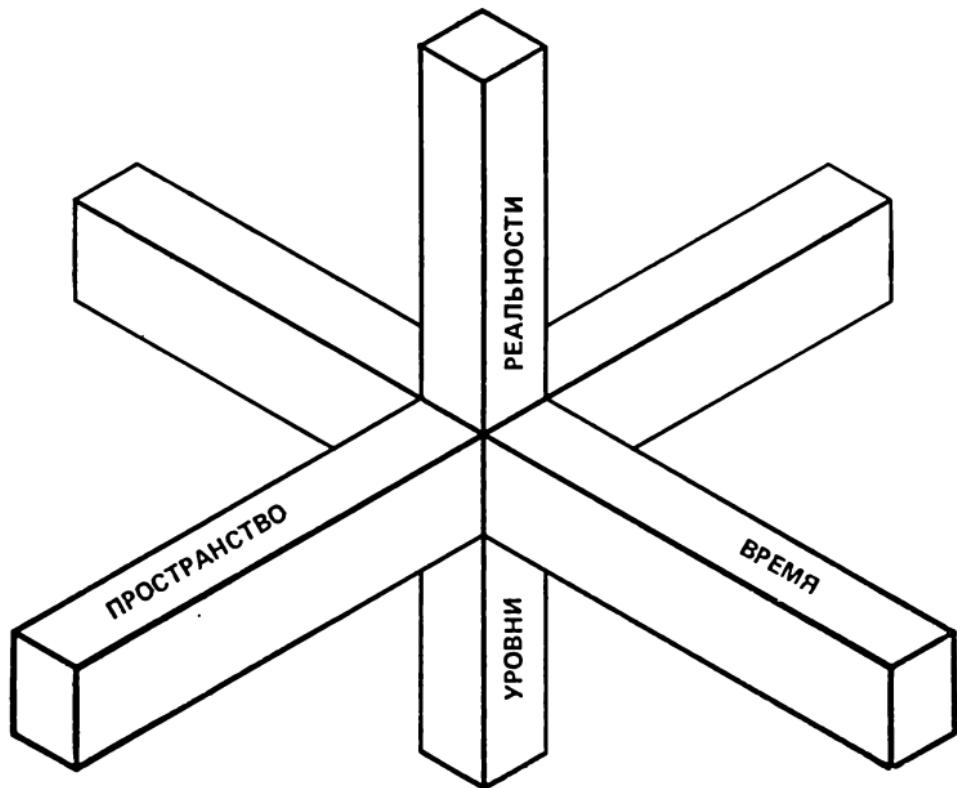
Своебразную концепцию «эмерджентного интеракционизма» выдвигает Ч. Тарт. Он указывает на такие сверхъестественные (трансперсональные) феномены, как ясновидение, психокинез. Обращение к ним, подчеркивает Тарт, по-видимому, «подразумевает более широкую точку зрения на человека, чем имеет наша западная психология». Согласно выдвинутой им концепции «эмерджентного интеракционизма», человеческое сознание является результатом взаимодействия «системы мозга»

и «системы ума». Тарт описывает спектр различных состояний сознания, включающий как его рациональные (концептуальные), так и параконцептуальные состояния. Он, как и Лири, так же исходит из представления о том, что сознание является эмерджентным свойством нейрофизиологической структуры. Вместе с тем Тарт считает, что для подлинного понимания человеческого сознания необходимо рассматривать взаимодействие «системы мозга» и «трансперсонального ума»³.

Тартовская концепция «эмержентного интеракционизма» представляет собой мост от рационального мышления к концепции, согласно которой существует сознание, отражающее сверхчувственные свойства бытия («трансперсональную реальность»). В общем плане эта концепция укладывается в схему, изложенную в «Упанишадах» и описывающую соотношение «трансперсональной реальности» и рационального мышления человека. «Наши интеллектуальные категории, — пишет Радхакришнан, — могут дать описание эмпирического мира в формах пространства, времени и причинности, но реальность находится за пределами этого. Хотя она и содержит в себе пространство, она непространственна; хотя и включает в себя время, она трансцендентна времени; хотя и содержит в себе причинно связанный систему природы, она не подчиняется закону причинности... Мы, — утверждает он, — должны выйти за пределы мысли, за пределы столкновений противоположностей, за пределы антиномий, встающих перед нами, когда мы, оперируя ограниченными категориями абстрактного мышления, пытаемся постичь такую реальность, где человеческое и божественное существование сливаются. Мы получаем представление о реальности, когда мысль наша становится совершенной в интуиции. Этот факт подчеркивается мистиками всего мира»⁴.

В схеме, изложенной Радхакришнаном (аналогичной другим схемам мистического подхода к миру и сознанию человека), схвачены следующие характерные черты мистической философии. Вера в инсайт, противоположный дискурсивному, аналитическому познанию: вера во внезапное озарение (постижение), которое противоположно медленному и подверженному ошибкам научному исследованию мира. Вера в единство мира. Почти все метафизики-мистики отрицают реальность времени. Поскольку «все есть одно», то, считают они, различие прошлого, настоящего и будущего иллюзорно⁵.

На подобного рода мистической основе строятся различные модели человеческого сознания. Рассмотрим в качестве примера одну из таких моделей, предложенную Х. Смитом, в которой определяются и взаимосвязываются такие существенные параметры любого опыта реальности, как пространство, время и уровни реальности. Взаимоотношение этих параметров Х. Смит выражает в символической форме (трехмерного) креста⁶.

Символический (трехмерный) крест Х. Смита

Х. Смит противопоставляет научное и религиозно-мистическое мировоззрение и находит тому и другому место в представленной выше модели реальности. Если научное мировоззрение описывается в таких терминах, как «количество», «число», «уровни (микро-, макро-, мега-) мира», то религиозно-мистическая традиция выражена в терминах «трансперсональной реальности» — ад, рай. Религиозно-мистическая традиция предлагает человеку определенные ценности, ориентирует на соответствующие цели и таким образом конституирует сущность религиозного воззрения. Научная традиция корениится в ценностно-нейтральной и допускающей объек-

тивность когнитивной рациональности и понимается Х. Смитом как ограниченное воззрение человека, позволяющее контролировать когнитивную деятельность⁷.

Выход из духовного кризиса современного буржуазного общества Х. Смит усматривает в мистических традициях Востока и Запада, которые, по его мнению, расширяют сознание человека и включают его в более высокие уровни реальности. Эта модель описывает структуру концентрических сфер реальности и взаимозависимость уровней личности. Уровни реальности сконцентрированы в земной сфере, где имеет место телесно-пространственное существование человека. Оно окружено промежуточной верхней полусферой (боги, ангелы) и нижней полусферой (демоны, дьяволы) реальности. Эти три взаимосвязанных слоя реальности сами окружены и пронизаны всеобъемлющим универсумом, который находится за пределами любой дефиниции⁸.

В этой иерархической модели взаимозависимых уровней реальности высший уровень реальности упорядочивает низший и психическое подчиняет себе телесное. Таким образом, модель Смита символизирует все изменения реальности, переживаемой экзистирующим человеком. «Мистический опыт», известный во всех религиозных традициях, открывает в сознании человека якобы своеобразный канал к бесконечности «абсолютного духа». Именно ему религиозная традиция приписывает идею связи человека и мира в единое целое.

Из принципа целостного единства личности и мира исходит и так называемая «релятивистская квантовая психология», объектом исследования которой является «корпускулярно-волновая природа человеческого индивида»⁹. Нужно отметить, что здесь речь идет не о традиционной психологии, а об экзистенциально-феноменологической психологии, исходящей из принципов квантовой механики и восточной психологии. Так, уже древнеиндийский философ Патанджали в своей «Йогасутре» (классическом тексте психологии йоги, написанном около 200 г. до н. э.) рассматривал непрерывный поток волн-мыслей, проходящих через ум человека. Это то, что сегодня психологи называют потоком «ассоциаций» сознания. В этом контексте важное значение приобретает выработанное в рамках восточных религиозно-философских систем мышления понятие «желание», описывающее волны человеческих желаний («универсальные волны»), которые с этой точки зрения являются

ются неотделимой частью Вселенной, подобно материи и энергии. Многие школы восточного мышления подчеркивают целенаправленный характер желания и предписывают йоге медитацию как средство достижения человеческим сознанием единства с «абсолютным духом», выступающего чистым фокусом желания. Действительно, сам Патанджали определяет йогу как «контроль волн мышления в уме»¹⁰.

Сторонники «релятивистской квантовой психологии», исходя из принципа «корпускулярно-волновой» природы человеческого индивида, утверждают, что человеческое поведение и мышление являются не строго детерминированными обстоятельствами жизни, а вероятностными. Это якобы следует из существования проходящих через сознание индивида волн желания. Таким образом, оказывается, что вероятностный стиль мышления и вероятностный характер человеческого поведения органически связаны с «трансперсональной реальностью». Отсюда сторонники «релятивистской квантовой психологии» делают квазинаучный вывод о том, что иррационально-мистическое истолкование природы сознания и процесса самореализации человека имеет непосредственное отношение к естественнонаучным дисциплинам, которые традиционно рассматриваются как не относящиеся к исследованию сознания и опыта человека.

К. Прибрам выдвинул гипотезу, согласно которой «всякое мышление включает, помимо манипуляции знаками и символами, голографический компонент»¹¹. Понятие голографии, голографической модели сознания позволяет объяснить природу памяти и принципы ее «распределения» в мозгу человека. Каждая частичка голограммы характеризует собой все целое. Если мозг человека и физическая Вселенная подчиняются голографическому принципу, то организм человека должен в некотором смысле презентировать всю Вселенную. В свою очередь существование Вселенной, согласно этой мысли, предполагает существование человека. К тому же, считает К. Прибрам, эти выводы настолько близки выводам, полученным «мистиками на основе их религиозных трансцендентальных опытов, что трезвые, механистически ориентированные ученые считают уместным избегать подобного рода формулировок, которые чужды формулировкам, полученным обычным научным методом»¹². Привлекательность голографической гипотезы в нейропсихологии, например, состоит в том, что она дает

объяснение ряду, казалось бы, необъяснимых фактов деятельности мозга и сознания человека.

В западной методологии научного исследования голограммическая концепция сознания используется для обоснования идеи о конвергенции науки и мистицизма, что четко просматривается, например, в книге М. Талбота «Мистицизм и новая физика». Ход рассуждения выглядит следующим образом. Основное свойство голограммы заключается в том, что при разделении голограммы на две части получаются два целых изображения, при следующем разделении — четыре и т. д. Физика установила, что фундаментальные (субатомные) частицы тоже невозможно изолировать как отдельные объекты. Их поведение обладает коллективными, системными свойствами¹³. Очевидно, подобная голограммическая взаимосвязь и определяет структуру процессов мышления.

Мыслительные процессы голограммичны в том смысле, что все они бесконечно переплетены между собой. Хранение информации в мозгу человека — весьма сложное явление. Его нельзя представить в виде некоей алфавитной картотеки. Каждая мысль, как утверждает Талбот, помещается в любой другой мысли (по принципу «матрешек»): одна, скажем фигурка Будды, помещена внутри другой, а та в свою очередь внутри третьей и т. д. «Наши мысли, — подчеркивает он, — структурируются подобным образом. Поэтому только голограммический подход к мышлению может дать адекватный способ его представления»¹⁴.

Другой аспект голограммической модели сознания, согласно Талботу, — понимание мышления как некоего поля. Если мышление есть поле, резонанс того континуума полей, которые организуют материю, то тогда становится объяснимым взаимодействие между разумом и материей. Свои рассуждения М. Талбот подкрепляет ссылками на Дж. Сарфатти и Г. С. Барра, которые считают (а точнее, предполагают), что именно гравитация образует единое управляющее поле всей Вселенной¹⁵. Гравитационное поле, или гравитоны, оказывается, ответственно за телеологические свойства сознания и материи.

По мнению Сарфатти, «каждая разновидность тяжелого гравитона ответственна за особый слой организации материи. Например, один тип тяжелого гравитона порождает ядерные силы, которые организуют ядра атомов. Другой тип ответствен за организацию материи в

форме электронов. Определенные типы тяжелых гравитонов организуют атомы и молекулы. Особый интерес представляет биогравитон (могут существовать различные его варианты), который ответствен за организацию живых систем. Существуют еще и такие типы тяжелых гравитонов, которые организуют материю на более крупномасштабных уровнях пространства и времени (например, в галактике)»¹⁶. Исходя из этого постулата Сарфатти (сознание контролируется биогравитационным полем), М. Талбот выводит возможность психокинеза. Ведь биогравитационное поле сознания способно взаимодействовать со всеми другими полями — гравитационным полем Эйнштейна, атомными и ядерными полями, управляющими структурой материи. Биогравитационное поле сознания может находиться в том же континууме что и поле, создающее иллюзию квантового потенциала. Взаимодействие обоих этих полей может объяснить «механизм воздействия разума экспериментатора на поведение квантовых объектов»¹⁷.

М. Талбот подчеркивает старую идею иллюзорной природы мира, для того чтобы обосновать необходимость слияния науки и мистицизма. Им приводится тибетская легенда о короле, который, фантазируя, «умножал» себя в сотнях воображаемых образов. Цель — простое наслаждение испытанием всех возможных форм. Эта легенда фактически выражает потребность человека трансформировать свое «я» в других разнообразных формах бытия (в многообразии растений, животных, вселенных), потребность человека постичь множество миров. Сейчас в связи с прогрессом в научном познании мира эта потребность резко возросла, и ее выражение в старой философской идее множественности миров во Вселенной требует нового, космологического обобщения на уровне идеи множественности вселенных. По сути речь идет о проблеме «познаваемости плюралистического Космоса как целого»¹⁸.

Популярные варианты гипотезы «космического плюрализма» не касаются фундаментального вопроса о «связи миров повсюду сущих». Поэтому могут возникать и возникают толкования в духе либо агностического скептицизма, либо иррационализма и мистицизма. Последнее характерно для М. Талбота, который считает, что Сверхвселенная представляет собой «космическую игру в прятки абсолютного духа». Сознание за пределами нашей реальной жизни — это «миллиарды фантас-

магорий в калейдоскопе мышления». Человек внутри себя выращивает осознание других вселенных, миров и сущностей, которые он создает в грезах. Что же касается духовного абсолюта, то он — греза внутри грезы, для которой нет конца. Человеческая эволюция не является ни абсурдным движением по кругу, ни движением к финалу, она — «приключение в Сознании»¹⁹. Голографическая гипотеза сознания в мистической интерпретации Талбота приводит к выводу о том, что Вселенная — это гигантский разум.

Иrrационализм в истолковании природы сознания просматривается и в области проблем, связанных с конструированием искусственного интеллекта. Это, по мысли авторов сборника «Метафоры сознания», проявляется в так называемых компьютерных метафорах сознания²⁰. Отмечая, что создание и развитие компьютера являются одним из знаменательных событий нашего времени, Пуран-хан Бэр указывает на то, какое влияние оказал компьютер на понимание природы сознания. Компьютер, считает Пуран-хан Бэр, внес такое серьезное изменение в понимание идентичности человека как мыслящего существа, которое подталкивает к открытию подлинной идентичности человека в сознании за пределами его мыслительного процесса. Исследуя процесс функционирования компьютера, можно получить громадное количество данных о функциях, операциях, организации и физической конструкции человеческого мозга и нервной системы. При этом Пуран-хан Бэр подчеркивает, что «знание о действующем мозге, которое было получено крупным мистиком нашего времени (речь идет о мусульманском мистике Инайят-хане. — В. П.), точно соответствует способу конструирования компьютеров». Исследование пути эволюционного развития компьютеров может, по мнению Пуран-хан Бэра, приоткрыть заслон над эволюцией рода человеческого и внести кардинальное изменение в понимание положения, что мышление является уникальной способностью человека²¹.

Проникнуть в глубины бессознательного, как утверждается в мистических концепциях, можно посредством медитации. С ее помощью, через нее обнаруживается якобы существование за пределами человеческого сознания «трансперсональной реальности». Человек же с этой точки зрения подобен механическому, хотя и очень умному, компьютероподобному устройству. Он функционирует на уровне, детерминированном трансцендентным

сознанием, следует в направлении, установленном эмоциями, и стремится достигнуть определенных целей. Если следовать этой позиции, выходит, что проблемы конструирования искусственного интеллекта невозможны решить без обращения к «мистическому опыту», зафиксированному в традициях религиозно-философских учений. И здесь в неадекватной, деформированной форме проявляется потребность человека выйти за пределы реальной жизни. Психофизиологической основой этой потребности служит способность человеческого мозга моделировать различные аспекты мира и человека, способность создавать грезы и мечты, что подчеркивает беспределность наших представлений о мире. Однако не следует забывать о том, что сейчас ученые столкнулись с реальными гносеологическими трудностями, связанными с особенностями современного этапа развития научного мышления.

Определенный вклад в иррационально-мистическое истолкование природы сознания вносит художественная и научно-фантастическая литература. Использующиеся в ней литературные метафоры позволяют описать человеческий опыт и интуитивно прозреть природу сознания в плане мистического мироощущения. Так, американская писательница Э. Экартсберг на основе изучения «психосинтеза» и поэтического творчества излагает в сборнике «Метафоры сознания» четыре стадии богосознания, обнаруживаемого якобы у поэтов-мистиков. По ее мнению, будущий человек, «оптимальный человек» (андрогин) должен культивировать чувство сознания бога, для которого характерны следующие черты: всемогущество, бесконечные метаморфозы, всезнание и вседесущность²².

В том же сборнике «Метафоры сознания» Д. Ливитт, анализируя жанр научной фантастики как лабораторию идей о человеческом сознании и искусственном интеллекте, усматривает удивительную, на его взгляд, аналогию между идеями произведения Ф. Герберта «Предназначение: Отсутствие» (1978) и голографической гипотезой Прибрама²³. В результате Ливитт приходит к выводу, что проблему создания искусственного интеллекта можно решить на основе положения о том, что «чувственные данные внедрены в человеческое сознание» как «тончайшие волны сознания». А это близко голографической гипотезе Прибрама о функционировании человеческого мозга и сознания. По мнению Ливитта, челове-

ческий мозг интерпретирует волноподобные нервные паттерны, стимулируемые ощущениями, чтобы продуцировать перцептуальные структуры подобно тому, как «ряды Фурье» используются математиками, физиками и другими естествоиспытателями для понимания структур, которые составляют сложные физические паттерны волновой интерференции. Основная структура сознания не ограничивается рамками сознания индивида. Иначе говоря, человеческое сознание относительно и производно-де от трансцендентного сознания. Как утверждает Д. Ливитт, «расстояние между восточной философией и научной фантастикой — между древними истинами и фантастическими технологиями — невелико»²⁴. Западная научная фантастика дает, таким образом, видение «внечеловеческих» форм сознания, в том числе и «транспersonального сознания».

Гипотезу о «галактическом разуме» выдвинул американский исследователь О. Рейзер²⁵. Он избегает использования термина «бог» и говорит о «космическом воображении» («космическом фокусе»). Используя данные эпистемологии, физики, астрономии, теории биологической эволюции, теории природы человека, этики и политической философии, Рейзер отвергает концепцию, согласно которой человеческое сознание идентично биоэлектрическим процессам («мозговым волнам»), генерируемым нервной системой. Вместо этого он предлагает биполярную концепцию человеческого сознания: «Человеческое сознание есть результат синергического круговорота обратной связи между полями, формирующими церебральными гемисферами и космическим полем — водородно-гелиевой плазмой галактического диска»²⁶. Здесь Галактика («космический фокус» или «космическая линза») трактуется Рейзером как целостный, «космический гештальт (образ)», который, находясь в резонансе с церебральными полушариями, и порождает якобы психосферу. Затем Рейзер высказывает предположение, что «квантовые спиновые состояния» протонов поля в биофизической системе являются источником информации. Поэтому в организме человека «сигнальная система детекции» может находиться на атомном (а не на молекулярном) уровне. Учет того, что упомянутые «квантовые спиновые состояния» протонов поля и их различные состояния в геометрических конфигурациях эквивалентны «фокусам космического воображения», позволяет, согласно Рейзеру, объяснить механизм воз-

действия Галактики на земные биологические системы. По мысли Рейзера, Галактика может использовать лазерные пучки, подчиняющиеся законам музыкальной гармонии, чтобы вызвать насыщенные космоплазменные («магнитогидродинамические») волны. Последние в свою очередь порождают динамические голограммы, которые, достигая Земли, конституируют, как утверждает Рейзер, платоновские архетипы человеческого мышления²⁷.

Распространяющиеся «магнитогидродинамические волны» («волны Альвена»*) погружают человека в океан космоплазмы. Рейзер постулирует существование импровизатора в «Космическом Храме Гармонии», где в роли дирижера космоплазменной симфонии у него выступает «галактический разум». «Я не вижу резона в том, — считает он, — что если разум человека представляет собой осознание его собственного тела, то Галактика как интегральное целое не может иметь разума»²⁸. Рейзер, таким образом, утверждает панпсихизм на уровне Галактики, т. е. поддерживает идеалистическое учение, согласно которому все в мире обладает жизнью и психикой.

Из гипотезы о «галактическом разуме» Рейзер делает далеко идущие выводы. По его мнению, человек создал искусство и науку, чтобы резонировать с галактической психосферой, и поэтому якобы может получать фундаментальное знание посредством «космической настройки». Для этого было сконструировано электронное устройство (устройство обратной биосвязи), которое способно генерировать альфа-волны человеческого мозга и которое можно будет использовать для преобразования сигналов мозга в воспринимаемые человеком гармонические музыкальные звуки. Эту «музыку гемисфер» человеческого мозга Рейзер идентифицирует с «музыкой космоплазмы». В этом случае, считает он, можно осуществить синхронизацию человека с галактической психосферой²⁹. Человеческий мозг в действии (как в памяти, так и в визуализации), согласно Рейзеру, выявляет параллелизм между областью материи, состоящей из частиц, атомов, молекул и макромолекул, и областью ума, содержащей перцепты, концепты, образы и высшие ментальные образования. Более того, резонируя с пульса-

* Альвен (Альвен) Ханнес (р. 1908) — шведский физик и астрофизик.

циями и ритмами обратной кибернетической связи, человек, как утверждает Рейзер, может получить знание о Галактике без астронавтических путешествий. В конце своего «духовного» путешествия человек имеет «архетипическую голограмму», которая появляется как визуализация «космического воображения»³⁰. И здесь просматриваются уже давно знакомые идеалистические мотивы «путешествия» «трансперсонального сознания» в необозримом космосе.

В рассмотренных выше концепциях и гипотезах (экзопсихология Т. Лири, концепция «эмержентного интеракционизма» Ч. Тарта, когнитивная карта сознания Х. Смита, голографическая гипотеза К. Прибрама, «релятивистская квантовая психология», компьютерные метафоры сознания, метафоры сознания в художественной литературе и научной фантастике, гипотеза о «галактическом разуме») в различных вариантах проводится мысль о существовании «духовного единства», которое лежит в основе многообразия мира. На основе этих квазинаучных концепций и гипотез происходит включение мистицизма в методологические основания современной науки Запада.

Фактически же перед нами в мистифицированном, извращенном виде представлены вполне реальные картины — соотношение человека и мира, соотношение художественного и научного творчества. Как считают, например, советские философы, индивид шаг за шагом, описывая феноменологию сознания, может прийти к «неописуемости видений», которая якобы служит признаком достижения состояния «сознания без объекта», «пустого сознания», «богосознания»³¹. По существу речь идет не о «богосознании», а о реальных проблемах науки, о необходимости их адекватного выражения в языке. Это — проблемы анализа языка науки и научного знания, исследования художественного творчества.

Рассмотрим подробнее рациональные моменты гипотезы о «галактическом разуме», которая в деформированном виде отражает соотношение Человека с Вселенной. Это универсальное соотношение зафиксировано в учении о микрокосме и макрокосме, в той или иной форме встречающееся как в восточных, так и в западных культурах³². Это учение выросло на почве древневосточной духовно-интеллектуальной традиции. Оно было известно в Древнем Египте и Вавилоне, Иране и Индии, Китае и Юго-Восточной Азии. Учение о микро- и макро-

косме зафиксировано на Западе, во всех натурфилософских системах греко-римской античности, в трудах средневековых алхимиков, в сочинениях гуманистов Ренессанса и натурфилософов Нового времени.

Идея единства микро- и макрокосма обладает большим запасом философской семантики. Она выражает внутреннее единство бесконечно малого и бесконечно большого. «В таком качестве она, как в фокусе, отражает в себе чуть ли не все космологические антиномии — часть и целое, единственное и множественное, конечное и бесконечное, — которые исстари имеют специфическое социокультурное звучание. Вот почему в концептуальном багаже современного естествознания нашлось место и для идеи единства микрокосма и макрокосма, которая, однако, как это часто бывает со старыми философскими представлениями, приобрела в ее контексте совершенно новые содержательные оттенки, что позволяет ей выйти на передний план научного поиска»³³

Оригинальный вариант концепции единства микрокосма и макрокосма (связанной с принципом антропности в космологии) выдвинут, например, в книге Ч. Мизнера, К. Торна, Дж. Уилера «Гравитация». Согласно этой концепции, возникновение жизни предполагает наличие химических элементов тяжелее водорода; образование тяжелых элементов невозможно без термоядерных реакций; для синтеза необходимого количества тяжелых элементов в процессе термоядерных реакций в недрах звезд требуется несколько миллиардов лет; радиус пространственно замкнутой Вселенной в релятивистском смысле максимального расширения должен быть равен или больше этих миллиардов световых лет. «Почему же с этой точки зрения Вселенная так велика? Потому что только в такой Вселенной возможно существование человека!»³⁴ Исследовательская программа такого рода во многом дискуссионна. В ней имеются некорректные в философском плане моменты: ссылки на идеалистические философские положения, преувеличение роли субъекта познания в космологии и т. д.

В плане наших рассуждений небезинтересно обратиться к концепции английского астрофизика П. Девиса. Согласно его точке зрения, Вселенная обладает «наблюдаемыми свойствами» потому, что только эти свойства допускают возможность существования человека. Девис подчеркивает, что «даже существование разумных су-

щества сильно зависит от структуры физического мира, который они изучают»³⁵. Поэтому нет ничего удивительного, что существует тесная связь между человеком и нашей галактикой, которая содержит около 10^{11} звезд, имеет форму линзы диаметром около 10^5 световых лет, толщиной около 10^4 световых лет в средней части³⁶. Более того, единство человека и Галактики обусловлено также генезисом Солнечной системы и разумной жизнью.

Действительно, Галактика представляет собой своеобразный космический водоворот вещества с несколькими спиральными ветвями, выходящими из центрального плотного ядра. Исследование динамики систем, аналогичных нашей Галактике, показывает возможность существования коллективных движений звезд, которые проявляются в виде волн «звездной плотности». Спиральные ветви Галактики представляют собой волны «звездной плотности», распространяющиеся по галактическому диску и имеющие спиралевидную форму. Из исследования динамики нашей Галактики как целого следует, что значение угловой скорости вращения спиралевидных волн имеет непосредственное отношение к происхождению Солнечной системы и жизни в ней. Иными словами, проблема происхождения разумной жизни связана с проблемами галактической астрофизики³⁷.

Единство человека и Галактики проявляется в их резонансной связи. Она объясняет природу обращения информации в системе «организм — внешний мир», а также в системе «человек — внешний мир», ибо человек на биохимической основе процессов мозга моделирует явления внешнего мира. Человек представляет своеобразный и сложный резонатор, настроенный на внешний мир и в конечном счете на Галактику. Рассмотрим это подробнее. Будем исходить из следующего факта, установленного в молекулярной биофизике: «Информация в организме передается молекулами и ионами, она имеет химическую природу. Рецепция информации сводится к узнаванию молекул молекулами, она определяется их взаимодействиями»³⁸.

Как известно, химическая форма движения материи содержит в снятом виде физическую, поэтому молекула способна быть рецептором изменений внешней физической среды. Электрические и магнитные поля, свет, звук, тепло и т. п., воздействуя на химическую молекулу, оставляют определенный след, который влияет в дальнейшем на ее физическое или химическое поведение. Не

теряя своей индивидуальности, она становится носителем информации о внешнем мире, фиксируя ее в виде возбуждения, поляризации, конформационного поворота. Эта информация затем передается в последующих взаимодействиях с другими молекулами. Физические поля дают возможность для дистантной передачи молекулярной информации.

Особую роль играет в этом процессе акцептирование состояния одной молекулы другой на расстоянии посредством различных форм резонансного возбуждения. Такое резонансное возбуждение может иметь, в частности, электромагнитную природу и лежать в основе фотохимического «восприятия» колебаний одной молекулы другой, т. е. фактически лежит в основе восприятия цвета. Адекватность восприятия цвета основана на том, что связанные с химической природой электромагнитные колебания излучателя *A* вызывают резонансный ответ в молекуле рецептора *B*, вызывая в ней и определенные химические сдвиги. Такой резонанс может иметь и акустическую природу³⁹.

Свойство молекулы отражать внешние физические и химические воздействия, сохраняя при этом свою индивидуальность, называется химическим кодированием. В основе формирования каналов связей, по которым может передаваться информация, лежит способность органических соединений образовывать полимерные цепи. Однако отсюда вовсе не следует вывод о существовании «галактического разума».

Вывод о существовании «галактического разума» не подтверждается также и доводом о том, что космоплазма в нашей Галактике генерирует лазерные пучки, несущие голограммы сознания. Ведь лазерные пучки генерируются космическими мазерами, представляющими собой либо протозвезды, либо холодные звезды — красные сверхгиганты, звезды с переменным блеском типа Мирры (Омикрон Кита) и компактные области нейтрального водорода, в центре которого должна находиться звезда класса *O*, создающая ионизацию⁴⁰. Другими словами, генерация лазерных пучков производится естественными космическими системами, а не каким-то «галактическим разумом». Наконец, сами голограммы отнюдь не обладают духовной природой. Ведь голография представляет собой новый метод получения объемных изображений предметов, который основан на явлении интерференции света. Голография принципиально

отличается от обычной фотографии и стереофотографии, так как на голограмме регистрируется не само изображение предмета, а структура световой волны, отраженной предметом. Трехмерная голограмма обладает уникальными возможностями для создания оптической памяти с колоссальной емкостью. По мнению американского исследователя ван Хирдена, сходство некоторых свойств голограммы и мозга является подтверждением гипотезы английского физиолога Берля о том, что «мозг хранит каждый бит информации не в одиночной пространственно-локализованной ячейке, а в виде одиночной пространственной гармоники возбуждения, заполняющей весь объем мозга»⁴¹.

Голографический способ хранения информации имеет ряд преимуществ. Повреждение одного или нескольких участков мозга не влечет полного исчезновения какой-либо части записанной в нем информации. Далее, вход в такую «нелокализованную» память весьма удобен, так как каждый элемент соединен только с ближайшими соседями, а не с входным устройством специальным нервным волокном. Потенциальная емкость такой памяти колоссальна. Трехмерная голограмма обладает свойством ассоциативной памяти. Наконец, голограмме присуще свойство, напоминающее «концентрацию внимания»⁴². Таким образом, данные свойства трехмерной голограммы моделируют некоторые функции головного мозга человека и высших животных.

Голограммы имеют следующие особенности. При «раскалывании» голограммы на части каждая из них при «просвечивании» светом от лазера дает ту же картину, что и целая голограмма. Это связано с тем, что на каждом небольшом участке голограммы в закодированном виде хранится все изображение. На одной фотопластинке можно последовательно зарегистрировать несколько изображений, и каждое из них потом можно восстановить без помех со стороны других изображений. Здесь мы сталкиваемся с понятием информации. Прежде всего необходимо отметить, что нет машинной, биологической, эмоциональной, человеческой и т. д. информации. Ведь информация — это ««мигрирующая структура», т. е. то, что придает форму»⁴³, а не субстанция.

Информация непосредственно связана с отражением как всеобщим свойством материи. Как известно, отражение не сводится только к переносу вещества и энергии, оно включает и воспроизведение «особенностей»

одного материального процесса в соответствующих «особенностях» другого материального процесса при их взаимодействии. А это значит, что информация имеет материальный носитель и ее количество не может в процессе передачи и хранения спонтанно расти. Информация как «мигрирующая структура» (гологramмы и несут подобного рода «мигрирующие структуры») дает возможность глубже осмыслить материальное единство мира. Голографический метод применим к любому волновому процессу, в том числе к звуковым и ультразвуковым волнам. На этом основано голографическое звуковидение: полученная звуковая голограмма при освещении пучком света от лазера дает объемное изображение предмета. Голографическое звуковидение позволяет видеть внутреннюю структуру непрозрачных тел, жидкостей, внутренние органы животных и людей⁴⁴. Более того, при помощи голографии сейчас предпринимаются попытки моделировать работу человеческого мозга и создания на этой основе систем оптической обработки информации. Одной из таких перспективных систем является так называемый «оптический мозг» — оптическая нейронная сеть с голографической памятью на основе матриц полупроводниковых лазеров. Вычислительная мощность «оптического мозга» — порядка 10^{20} операций в секунду (обычная вычислительная мощность ЭВМ — порядка 10^6 операций в секунду), и главное состоит в том, что его создание возможно в рамках современной техники и технологии⁴⁵.

В мировоззренческом и методологическом аспектах принципиальным является то, что голограммы, генерируемые космическими системами, и голограммы, используемые в искусственном «оптическом мозге», принципиальная схема которого создана на основе изучения человеческого мозга, в определенном смысле свидетельствуют в конечном счете о единстве человека и Вселенной.

И наконец, для понимания положения о том, что наука и искусство позволяют человеку осуществить «космическую настройку» важен тот факт, что существует такая величина, которая, отражая определенные пропорции в архитектуре, музыке, ряде химических элементов, движений планетарных орбит, в соотношении неопределенностей Гейзенберга и др., характеризует «музыкальную структуру» закономерностей материального мира. Эта величина связана с рядом фундаментальных

чисел, который выражает гармонию, основанную на нарушенной симметрии (асимметрия правой и левой руки, функциональные различия правого и левого полушарий мозга и др.). Указывается ее связь не только с фундаментальными биологическими закономерностями, но и с фундаментальными законами физики и механики⁴⁶. Это проливает свет на роль науки и искусства в получении фундаментальных знаний о мире и человеке, и нет необходимости прибегать к гипотезе «галактического разума», к мистическому суперсознанию, функционирующему якобы вне деятельности мозга.

Современная наука о сознании как свойстве мозга

Данные современных научных исследований функционирования человеческого мозга свидетельствуют о несостоятельности мистического толкования природы сознания. Исследования в области нейрофизиологии, эволюционной физиологии, нейрокибернетики, биофизики, психофармакологии, психиатрии, биофизики и других дисциплин на практике подтверждают положение В. И. Ленина о том, что сознание является свойством высокоорганизованной материи — мозга¹.

В рассмотрении проблемы соотношения сознания и мозга² целесообразно исходить из понимания сознания как субъективной реальности, включающей в себя не только абстрактно-логическое и понятийно-всеобщее, но и ощущение, чувственный образ, эмоциональное переживание. Такой подход дает возможность показать неправомерность мистического истолкования природы сознания.

Известно, что сознание обладает фундаментальным свойством «классифицировать» образы. Так, человек распознает различные напечатанные буквы, слова независимо от их размеров, цвета и т. д. Физические характеристики сигналов варьируются в широком диапазоне. Однако в коре головного мозга имеется механизм, позволяющий выделить нечто общее, лежащее за меняющимися зрительными, слуховыми и другими впечатлениями. Данное биологическое свойство мозга лежит в основе человеческого интеллекта.

Интеллект как способность рационального познания имеет две функции: функцию организации практических действий с непосредственно наличными объектами и функцию предварительного построения действия в уме

(в измерении представления, сознания). Интеллект, связывая отдельные акты мысленно, создает феномен «удвоенности» реальности, а именно наличной реальности, с которой человек взаимодействует непосредственно, и реальности только представляемой, мысленной. Это мир духовной деятельности, где человек манипулирует не самими вещами, а их образами и символами. Имению оперирование символами в идеализированном мире позволяет человеку осуществлять акт предвидения и приспособливать реальный мир к своим потребностям. Символы обозначают различные предметы, они являются абстрактными и обобщенными аналогами предметов. «Манипуляции этих символов в мозгу совместно с непосредственным зрительным *представлением* образуют человеческую *мысль*³. Символы репрезентируют понятия о материальных объектах и действиях.

Символ как форма понимания, символ как метафора, миф позволяет индивиду адаптироваться к реальности. Человек стремится объективировать свои идеи в мире материальных вещей. Эта объективизация происходит в процессе его предметно-чувственной деятельности, которая представляет собой ряд социальных действий. Символ необходимо рассматривать как продукт человеческой деятельности. В то же время нужно отметить, что генетически раньше символа возникает ощущение, чувственно-наглядный образ. Об этом свидетельствуют история человеческого познания и данные современной науки.

Значение ощущения, указывал В. И. Ленин, заключается в том, что оно «есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания»⁴. В последнее время идут интенсивные исследования средствами нейрофизиологии молекулярных механизмов деятельности нервной системы на разных уровнях — от физико-химической природы генерации нервного сигнала до анализа восприятия зрительных образов с последующим синтезом полученных результатов. Речь идет и о функциональной организации коры мозга, и о физиологических механизмах психики, и о принципах работы человеческого мозга, и о механизмах формирования ощущения⁵.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что мозг — это система распознавания образов, где образ рассматривается как синтез отдельных элементов, на-

пример светлых и темных точек, звуковых колебаний, давлений на нервные окончания. В работе мозга можно выделить ряд этапов. Мозг выделяет из огромного количества сенсорной информации элементы, имеющие существенное значение. Мозг производит сравнение сенсорных, а затем и «мысленных» образов с хранящимися в памяти образами. При совпадении возникает электрический разряд, указывающий на распознавание. Мозг хранит в своей памяти следы минувших событий. Мозг координирует работу различных мышц, желез и т. д. в соответствии с тем, что поступившей информацией и информацией, находящейся в памяти. Несмотря на то что биологические структуры весьма разнообразны, в основе их функционирования всегда лежит распознавание образов⁶. Это положение имеет существенное значение для решения центральной проблемы нейробиологии — как работает человеческий мозг.

Мозг представляет собой сложно организованное органическое образование. Оригинальную гипотезу о кодировании информации в нейронных функциях мозга человека и животных выдвинул американский нейрофизиолог В. Маунткасл. Он, сравнивая соматосенсорную, зрительную и слуховую кору, сформулировал принцип колончатой организации коры больших полушарий головного мозга. Суть этого принципа состоит в следующем: отдельные параметры внешнего сигнала представлены в коре вертикально расположенными мини-колонками; нейроны в составе колонки, селективно настроенные на определенный параметр сигнала, образуют элементарный модуль обработки информации; совокупность мини-колонок, в каждой из которых представлен определенный параметр сигнала, составляет макроколонку, соответствующуюциальному участку внешнего пространства⁷.

Благодаря колончатой организации коры больших полушарий мозг отражает огромное многообразие свойств внешней среды так, что для каждого участка внешнего пространства осуществляется параллельный анализ свойств представленного там сигнала. Колонки — это локальные нейронные цепи, содержащие сотни и тысячи нейронов. Связи внутри колонок и между ними весьма четки. В совокупности же они образуют «распределенные» системы, служащие соответствующим функциям. Принцип колончатой организации коры больших полушарий основан на том, что ее внутренняя струк-

тура однородна и состоит из повторяющихся элементов.

Рассматривая свойства таких «распределенных» систем, В. Маунткасл особо обращает внимание на свойство «повторного входа», благодаря которому головной мозг синтезирует сенсорные сигналы и находящуюся в памяти информацию, что приводит к формированию чувственного образа внешнего мира⁸.

В свою очередь на основе сопоставления физиологической концепции информационного синтеза и психологической теории обнаружения сигналов А. М. Иваницкий, В. Б. Стрелец и И. А. Корсаков показали, что образ внешнего мира (ощущение) возникает в мозгу на втором этапе сенсорно-перцептивного процесса. «Итак, сопоставление физиологических и психологических характеристик сенсорно-перцептивного процесса, — пишут они, — позволило подразделить этот процесс на три основных этапа. Содержание первого этапа заключается в анализе физических характеристик стимула. На втором этапе осуществляется синтез (возникает ощущение. — В. П.) сенсорной и несенсорной информации о стимуле. На третьем этапе происходит опознание стимула, т. е. его отнесение к определенному классу объектов»⁹.

Информационный подход к раскрытию физиологических механизмов восприятия показывает, что в создании субъективного образа (ощущения) стимула существенную роль играет механизм возврата возбуждений в проекционную кору мозга. Происходит процесс восприятия явлений и предметов внешнего мира, формирования ощущений, составляющих содержание аналитической и интегративной деятельности мозга. Вся информация, независимо от физической или химической природы носителя, в рецепторах организма кодируется нервными импульсами и поступает в мозг по специализированному сенсорному каналу. Конечным результатом функционирования этого канала является формирование сенсорного образа, который выступает необходимой предпосылкой ощущения. Этот образ можно рассматривать в виде сложной матрицы распределенных в пространстве и времени функционирующих нейронов, состояние которых зависит от потока сенсорной информации. С позиций нейрофизиологии об ощущении можно говорить лишь тогда, «когда сенсорный образ в виде нервного кода, т. е. зашифрованной копии внешних факторов и явлений, проецируется на сложноорганизованные реф-

лекторные центры и на память, являющуюся следствием развитой способности к индивидуальному научению, а у человека — и на сознание...». Мозг представляет собой интегратор сенсорных образов и информации, закодированной в памяти, что позволяет формировать чувственные копии и модели внешнего мира. «Язык нервных импульсов — универсальный язык для всех образований мозга»¹⁰.

Биохимические и электрофизиологические методы исследования помогают, стало быть, вскрывать молекулярные механизмы, лежащие в основе «ощущений». Рецепторы-анализаторы получают, отбирают, перерабатывают и накапливают информацию. Она передается в мозг. Центральная нервная система является своеобразным координационно-вычислительным центром, ежесекундно получающим громадный поток информации. Мозг эту информацию сортирует, кодирует, отбирает и сопоставляет с предыдущей. В результате возникает адекватное отражение внешнего мира в мозгу человека и животных в виде чувственных копий (ощущений).

В отличие от ощущений (т. е. образов внешнего мира), которые «существуют *в нас*, порождаемые действием вещей на наши органы чувств»¹¹, символы — рождение той или иной культуры. В каждой культуре имеется громадное число символов, в которых фиксируются научные знания, этические и эстетические ценности, философские понятия. Символический характер культуры представляет человеку абстракции и обобщения высокого уровня, которые являются предпосылками существования различных понятий. Некоторые символические системы, например устная речь, обеспечивают взаимопонимание людей в процессе практической деятельности. Другие системы символов, например в химии, математике, логике, физике, помогают человеку ориентироваться в эмпирической действительности.

Существование мира культуры, включающего разнообразные системы символов, требует целостного подхода к проблеме сознания, т. е. такого подхода, «который позволяет концептуально объединить ее «природный» и социокультурный планы»¹². А это значит, что субстрат сознания невозможно понять без взаимодействия между индивидом и чувственно-воспринимаемой им средой. Здесь два «полюса». Один из них — мозг, нервная система, другой — символические системы культуры. Согласно принципам философского материализма К. Маркса,

Ф. Энгельса и В. И. Ленина, анализ явлений природы требует учета взаимопроникновения общества и природы. Это означает, что, во-первых, природный и социальный моменты — различные аспекты такой целостности, как человеческое бытие; во-вторых, эти моменты взаимопроникают в сфере способа производства материальных благ; в-третьих, фундаментальным элементом бытия человека является труд плюс такие элементы этой онтологической целостности, как структуры сознания, язык и др. Именно трудовая деятельность является не только носителем, но и наиболее развитой формой человеческого отражения объективного мира, именно на ее основе вырастает мир культуры; структуры сознания и средства их манифестиации — системы символов, символические формы существования мыслительных структур и образований. Отсюда очевидна определяющая роль этого второго «полюса», играющего значительную роль в функционировании человеческого сознания.

В настоящее время установлено наличие специфического соответствия между импульсной активностью тех или иных клеток мозга и словесных сигналов. Схема обработки словесной информации такова: «Вначале слово шифруется в электрических импульсах мозга, независимо от смыслового его содержания, как сложные звуковые сигналы. Возникшая при этом импульсная активность нейронов (код) адресуется к долгосрочной памяти, накопленной в результате индивидуального опыта, активизируя ее. После активизации долгосрочной памяти возникает новый электрический шифр — смысловой код. Теперь услышанное слово, пройдя через стадию акустического кода, «оживает» в мозге и вызывает другие, уже более сложные психические процессы»¹³. Именно учение о работе первой и второй сигнальной системы дает нейрофизиологическое объяснение гипносуггестивных и других явлений в интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферах человека. Экспериментальные и клинические данные свидетельствуют о том, что посредством второй сигнальной системы можно регулировать дыхание и артериальное давление у человека¹⁴.

В связи с этим нельзя не согласиться с советским физиологом Л. А. Орбели, усматривающим задачу эволюционной физиологии в том, чтобы «теснейшим образом связывать физиологические исследования с психологическими, чтобы понять те физиологические механизмы, которые обеспечили человеку возможность превратиться

из биологического существа в существо одновременно биологическое и социальное, понять те физиологические механизмы, которые обеспечили возможность взаимоотношений между людьми...»¹⁵. В противном случае исчезает естественнонаучный аспект исследования в медицине, педагогике и искусстве, что в свою очередь способствует мистическому истолкованию недостаточно исследованных проблем функционирования человеческого мозга и психики.

Мозг человека состоит из двух полушарий, каждое из которых выполняет определенные специфические функции. Правое, управляющее левой половиной тела, ответственно за интуитивную, эмоциональную, художественную деятельность. С ним связаны также цветовосприятия, распознавание музыкальных тонов, мелодий и невербальных звуков, основным принципом работы этого полушария является голограммический принцип. В левом полушарии сосредоточены интеллектуальные функции логики, анализа, действия правой половины тела. Полушария ориентируются на разные шкалы ценностей, пользуются различными логиками, правое обращено в прошлое, левое — в будущее.

Советские ученые В. С. Ротенберг и В. В. Аршавский следующим образом характеризуют значимость левополушарного и правополушарного мышления в жизнедеятельности человека: «Левополушарное, логико-знаковое мышление так организует любой используемый материал (неважно, вербальный или невербальный), что создается однозначный контекст, необходимый для социального общения. При этом из всех бесчисленных реальных связей между многогранными предметами и явлениями активно отбираются только некоторые, наиболее существенные для анализа и упорядоченного отражения реальной действительности. Отличительной же особенностью правополушарного, пространственно-образного мышления является одномоментное «схватывание» всех имеющихся связей, что обеспечивает восприятие реальности во всем ее многообразии, принятие ее такой, какой она является сама по себе. Здесь отдельные свойства образов, их «границы» взаимодействуют друг с другом сразу во многих смысловых плоскостях, что и определяет многозначность образа (или символизирующего этот образ слова) в соответствующем контексте. Мозг, разумеется, функционирует как единое целое, интегрируя оба типа мышления как взаимодополняющие ком-

поненты»¹⁶. Таким образом, «правополушарная» и «левополушарная» психики, взаимодействуя между собой, дополняют друг друга.

В качестве другого примера можно привести данные из так называемой «химии эмоций». Патологические психические состояния человека, оказывается, имеют биохимическую основу. Такие заболевания, как, например, маниакально-депрессивный психоз, возникают в силу нарушения в круговороте медиаторов (веществ, при помощи которых передаются нервные импульсы). Исследования свидетельствуют о значимости медиатора ацетилхолина и его рецептора в появлении расстройств психики. Так, «при маниакально-депрессивном психозе нарушается согласованность в работе адренергической и холинэргической (парасимпатической и симпатической. — В. П.) систем: депрессия возникает из-за избытка ацетилхолина или его рецепторов, а маниакальное состояние — от аналогичных изменений в симпатической нервной системе»¹⁷. Таким образом, через патологию просматривается нормальное функционирование человеческого мозга и сознания. Оказывается, именно в патологии наиболее рельефно обнаруживается доминирующая роль мозга по отношению к сознанию.

Развитие науки значительно расширяет сферу рационального и экспериментального анализа природы, опровергает в союзе с марксистской философией представление о существовании некоей «трансперсональной (сверхъестественной) реальности», объемлющей вселенную, человека и его сознание. Исследования структур семантической памяти показывают, например, что даже самые абстрактные понятия («капитал», «судьба» и др.) имеют эмоциональную насыщенность, которая в зависимости от опыта, воспитания, знания и веры индивида определяет диапазоны субъективных оценок¹⁸. Последние же, как известно, направляют поведение человека.

Для объяснения этого феномена К. Прибрам выдвинул гипотезу, согласно которой положительное подкрепление в случае позитивной обратной связи о результатах действия вызывает в синапсах выделение норадреналина. Это вещество стимулирует освобождение рибонуклеиновых кислот, что облегчает белковый синтез в нервных клетках. Последовательность синтезированных белковых молекул представляет собой код, посредством которого записывается информация в долговременной

памяти. Отрицательное же подкрепление индуцирует цепь процессов, заканчивающуюся отказом от выбранного способа действия. Важным моментом этих процессов является выделение серотонина, оказывающего влияние на активацию тормозных клеток или снимающего их подавление¹⁹.

Человеческое поведение, стало быть, организуется посредством взаимодействия мотивационных и когнитивных компонентов. «Управляя динамикой поведения, определяя благодаря своей оценочной функции характер удерживаемой в памяти информации, аффективно-эмоциональная система остается исходным базисом мотивации не только в течение эволюции, но и в ходе общественной истории человечества. Ее развитие определяется дифференциацией когнитивных структур. Именно здесь, на пересечении мотивационных оценок и когнитивных процессов, впервые возникает потребность в рациональном объяснении окружающего мира»²⁰. Самые тонкие понятийные различия пронизаны эмоциональным содержанием, которое вносит определенный вклад в рациональное осмысление объективного мира.

Характеризуя в целом значимость научных исследований в рациональном подходе к миру, известный нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Д. Хьюбел писал: «Если Коперник показал, что Земля не является центром мироздания, а Галилей увидел в небе не ангелов, а звезды и планеты; если Дарвин установил, что человек состоит в родстве со всеми остальными живыми существами; если Эйнштейн ввел новые представления о времени и пространстве, о массе и энергии; если Уотсон и Крик показали, что биологическая наследственность объясняма в физических и химических понятиях, то наряду с этими открытиями, сужающими границы сверхъестественного, главное, что еще остается науке решать, — это, очевидно, проблема мозга и то, представляет ли он собой нечто большее, чем чрезвычайно сложную великолепную машину»²¹.

Дальнейшее развитие комплекса наук о мозге позволит человеку более глубоко постигнуть механизмы функционирования столь ультрасложной и утонченной системы и ее отношение к сознанию. Ряд ученых (Дж. Бернал, Г. Сибор, Дж. Юнг, Г. Путхофф, Р. Тарг и др.) считают, что в перспективе будет решена проблема внесловесной, непосредственной передачи мыслей, эмоций, воспоминаний от одного мозга к другому. Ход рассуж-

дений на данный предмет, например у Дж. Юнга, таков. По его мнению, мы пока еще не умеем анализировать мышление в рамках категорий нервного импульса и синапса. Вместе с тем в определенной степени можно исследовать электрические явления в мозгу, которые сопровождают процесс мышления. С самого начала применения электроэнцефографии было установлено, что форма мозговых волн изменяется под влиянием интеллектуальной или перцептивной деятельности человека. И в результате психофизиологических упражнений человек может произвольно стимулировать в своем мозгу определенного вида электрическую активность, а именно стимулировать появление альфа-волн. Удлиняя или укорачивая их, можно (в определенных пределах) получать элементы кода Морзе. «Таким образом, — считает Дж. Юнг, — человек способен передавать сообщения прямо из мозга, не пользуясь речью. На первый взгляд это кажется сенсационным. Однако прежде всего оно основано на том же самом принципе, что и выступление пальцами азбуки Морзе»²².

Представляет интерес исследование перцептивного канала, который позволяет некоторым людям «воспринимать и описывать удаленные от них явления, не воздействующие непосредственно ни на один из известных органов чувств». Данный канал подвергся исследованию в ряде экспериментов, выполненных в лаборатории электроники и биоинженерии Станфордского научно-исследовательского института (США). На основании экспериментов сделан вывод о том, что каждый человек обладает потенциальной способностью воспроизводить зрительно пространственно удаленные топографические и инженерные объекты (здания, дороги, техническое оборудование и т. д.). «Испытуемые обычно сообщали, что они воспринимают сигнал зрительно, как будто они смотрят на данный объект или данное место, находясь в непосредственной близости от него. При этом позиция, с которой испытуемые воспринимают информацию, мобильна: они могут перемещать ее, благодаря чему для них становится возможным описание деталей мишени, которые не может воспринимать наблюдатель, стоящий на земле и описывающий то, что он видит»²³. Речь здесь идет о парапротивной функции — «дальновидении» («аутоскопия» в медицине, «экстериоризация» в психологии, «ясновидение» в парapsихологии, «астральное пророчество» в оккультизме), которое представляет спо-

собность испытуемого воспринимать зрительные образы объектов, находящихся от него на расстоянии нескольких тысяч километров (испытуемому известно только лицо, на которое он должен «настроиться»).

Данный феномен не зависит от расстояния. Американские специалисты Г. Путхофф и Р. Тарг выдвигают гипотезу, в соответствии с которой «посредником в передаче информации в условиях полного отсутствия сенсорного контакта являются электромагнитные колебания очень низкой частоты (ОНЧ). Судя по всему, это предположение не противоречит ни одному из известных физических или биологических фактов»²⁴. Способность воспринимать удаленные раздражители вне связи с обычными сенсорными процессами требует для своего исследования определенных средств, выработанных в рамках таких дисциплин, как теория информации, квантовая теория, нейрофизиология.

Наблюдения показывают, что полученная от испытуемого информация имеет нелогичный, неаналитический характер и связана с видом, формой, цветом и материалом объекта, а не с его назначением или названием. Поэтому Г. Путхофф и Р. Тарг считают, что способность к « дальновидению » связана с « особенностями правого полушария головного мозга »²⁵. В мировоззренческом плане принципиально то, что в ходе проведения серии экспериментов по исследованию « дальновидения » (экстрасенсорного восприятия, телепатии) с самого начала были исключены мистические и оккультные истолкования механизма передачи информации на большие расстояния вне обычных сенсорных каналов²⁶.

Необходимо отметить, что эксперименты Г. Путхоффа и Р. Тарга были успешно воспроизведены во многих лабораториях мира²⁷. Возможно, что телепатия представляет собой «нелокальное» явление, ключ к которому содержит в себе квантовая механика. Так, известный американский физик Е. Вигнер, обсуждая вопрос о влиянии сознания наблюдателя на результаты измерений в квантовой физике, писал: «Уравнения движения допускают описание процесса измерения лишь постольку, поскольку состояние объекта, над которым производится измерение, находится в соответствии с состоянием измерительного прибора. Тем самым проблема производимого над объектом измерения превращается в проблему наблюдения, производимого над измерительным прибором»²⁸.

Представления об упорядоченности в пространстве и времени связаны с возможностью существования нелокальной корреляции или «квантовой взаимосвязи» (термин американского физика Д. Бома) между отдаленными частями квантовых систем макроскопических размеров. Западные ученые Е. Х. Уокер и О. Коста де Боргар (независимо друг от друга) выдвинули теории паранормальной функции, использовав при этом понятия квантовой теории. Они считают, что «эффекты наблюдателя» позволяют установить нетривиальную связь между сознанием и внешним миром, что принцип нелокальности дает возможность этой связи преодолевать пространственные и временные границы²⁹.

Данный феномен «экстрасенсорной перцепции» (перцептивное восприятие удаленных объектов) признается не всеми специалистами³⁰. Это объясняется отчасти тем, что данные современной науки о человеческом интеллекте, психофизиологических феноменах, механизмах запоминания, интуиции, межполушарной асимметрии человеческого мозга, разнообразных формах чувствительности подвергаются различным интерпретациям, в том числе мистическим и антинаучным. В настоящее время все чаще высказывается мысль о том, что исследование феноменов человеческого мозга и интеллекта необходимо требует новых способов мышления и научного познания³¹.

Вопрос о природе отношения мозга к сознанию известен в науке и философии как психофизическая проблема. В XVII в. были сформулированы два варианта ее решения. Речь идет о психофизическом взаимодействии (Декарт), когда сознание испытывает влияние живого тела при ощущениях, аффектах и вместе с тем воздействует на него, и о психофизическом параллелизме (Лейбница), т. е. принципе параллельного протекания психических и физических процессов.

Открытие закона сохранения энергии свидетельствует о том, что сознание не является особой силой, которая способна произвольно изменять телесное поведение организма. Вместе с тем дарвиновское учение показывает, что психика представляет собой активный фактор регуляции жизненных процессов. Проблема соотношения мозга и сознания может быть раскрыта только при использовании фундаментального принципа марксистской методологии. Этот принцип состоит в том, что генезис мозга и сознания человека обусловлен длитель-

ным взаимодействием биологической и социальной эволюций. Иными словами, данная проблема решается на основеialectико-материалистического понимания психики как активного отражения реальности, реализуемого при помощи нейромеханизмов мозга.

Концепция человека и психофизиологическая проблема

Психофизиологическая проблема соотношения между психическими и физиологическими процессами и сегодня является ключевой в теории отражения. Основная сложность естественнонаучного исследования психофизиологической проблемы состоит в объяснении специфических особенностей психических процессов отражения (предметность восприятия и его проецируемость во внешнее пространство, целостность, активность и недоступность психических процессов прямому человеческому наблюдению) на основе механизмов деятельности нервной системы¹. Трудность исследования проблемы «тело и психика», как подчеркивается в одной из недавно опубликованных работ, состоит в том, что «далеко не всегда можно отделить влияние психического на соматическое от влияния соматического на психическое»².

Психосоматический принцип жизнедеятельности человеческого организма, исходящий из значимости психического фактора в телесных изменениях и их влияния на психику, связан с кругом вопросов «тело и психика», без решения которых невозможно дальнейшее совершенствование и самосовершенствование человека. В свою очередь методологической и мировоззренческой основой решения данного круга вопросов служит та или иная концепция человека. При этом следует учитывать тот немаловажный факт, что человек больше знает Вселенную, чем самого себя, свое «я».

В современной западной и восточных культурах существуют разные концепции человека, каждая из которых определяет свой подход к решению психофизиологической проблемы. Суть восточной концепции человека состоит в следующем: человек является духовным существом, которое представляет собой результат эманации бога³. Эта концепция человека сформулирована в таком индийском религиозно-философском течении, как веданта. Согласно веданте, все должно рассматриваться как проявление сущности бога, а человек сверх того

как высшее выражение божественной сути, как абсолют. Или, как сказано в «Бхагавадгите» *:

Ты — цель познания, Ты — вечность бессмертья,
Ты — высочайшая мири обитель!
Ты — вечной дхармы хранитель нетленный!
Ты — вечносущий пуруша!

(Бхагавадгита 11.18).

Согласно восточной религиозной философии, бог является высшим пределом человеческой мысли. Восточное мышление, идентифицируя человека с богом, делает его равным богу. Отсюда следует и определенное решение психофизиологической проблемы, связанной с идеей реинкарнации. Действительно, индийскую версию человека определяют четыре основные категории: дхарма как набор норм и правил; карма как определение, судьба; майя — иллюзия реального знания и причинности; атман — личность, но не как индивидуальное и отдельное «я», а как часть космического разума или духовного абсолюта. Новорожденный младенец, рассматриваемый в индуизме как результат предыдущих жизней (душа переселяется из одного тела в другое), уже имеет определенное «я» и черты характера, которые после его смерти трансформируются в будущие жизни. В этом суть догмы о множественности жизней человека, заключенных якобы в одном космическом «я» ⁴.

Западная концепция человека в ее различных вариантах исходит из того, что человек — поступательно развивающееся животное, считающее свою жизнь в обществе конкурентной борьбой за выживание и верящее в неограниченный материальный прогресс на основе экономического и технологического роста. Под напором реальных проблем данная классическая парадигма европейской культуры обнаружила свою ограниченность. Поэтому современная западная философская антропология во всех своих разновидностях — субъективно-антропологических, сциентистских, объективно-идеалистических и религиозных — начала менять свою ориентацию ⁵. В условиях современного буржуазного общества

* Бхагавадгита (санскр. песнь богов) — это входящий в состав «Махабхараты» трактат, в котором излагаются основы брахманизма и индуизма. Согласно этим основам, каждый человек обязан выполнять свой долг (дхарму): борьба со злом удел не человека, а бога; лишь служение богу (Брахме) может привести к слиянию с ним («спасение»). Пуруша — либо «индивидуальная душа», либо «Всевышний Господь».

все большее распространение получают иррационально-мистические концепции человека, которые оказывают влияние на сознание и поведение индивида, выполняя апологетическую функцию.

Сегодня на Западе своеобразный ренессанс переживает учение немецкого мистика Р. Штейнера. Им в начале XX в. было основано мистическое учение — антропософия. Согласно этому учению, человек является носителем «тайных» духовных сил. Психофизиологическая проблема здесь решается следующим образом: «Все тело человека построено так, что в органе духа, в мозгу, оно находит свой венец. Лишь тогда можно постичь строение человеческого мозга, если рассматривать его в отношении к его задаче, состоящей в том, чтобы быть орудием мыслящего духа». Физическое тело человека разрушается, дух же вечен и, как утверждает Штейнер, подчиняется закону перевоплощения, или реинкарнации. Этот дух принадлежит «иному», сверхчувственному, миру и проявляется в человеке при помощи физических механизмов мозга⁶.

Названные положения Штейнера, высказанные им в начале XX в., в последнее время снова стали объектом внимания некоторых западных ученых, проповедующих мистические идеи и претендующих в то же время на научность. Так, в уже упоминавшемся сборнике «Метафоры сознания» П. Ли приходит к аналогичным построениям, что и Штейнер, но, так сказать, с другой стороны, со стороны анализа такого органа человеческого организма, как вилочковая железа (тимус). Короче говоря, «биодинамика» системы, развиваемая Р. Штейнером, просматривается в аналогичном рассмотрении П. Ли вилочковой железы как «биopsихическая метафора». Механизмом, который ведает деятельностью «витальных корней» человеческого сознания, и является якобы вилочковая железа. В итоге тимус у Ли есть и «витальная реальность», и биopsихическая метафора, которая дает не только ориентацию в жизни, но и указывает на существование «иного» (сверхъестественного) мира⁷.

Каково же истинное положение дел с тимусом, тем более что в настоящее время считается, что начался «золотой век тимологии»⁸? Вилочковая железа — парный орган, по форме напоминающий вилы или лист растения тимиана, используемого в религиозных культурах. Вилочковая железа — главный орган иммунной или лимфоидной системы, он в какой-то мере аналогичен ги-

пофизу в эндокринной системе. Советские ученые установили связь деятельности вилочковой железы с эндокринной системой⁹.

Недостаточная сопротивляемость организма ускоряет процессы старения, подавляет его регенеративную способность, содействует развитию опухолей. Вилочковая железа вместе с другими лимфоидными органами обеспечивает гомеостаз организма, а сама же лимфоидная система вместе с нервной и эндокринной системами определяет биологический статус человеческого организма. Не случайно ученые уделяют внимание гормону вилочковой железы, который нормализует клеточный состав иммунной системы, оказывая тем самым не только лечебное, но и профилактическое действие¹⁰. Вилочковая железа имеет не только иммунорегуляторную, но и лимфотворную функцию, в которой и намека нет на существование «иного» (сверхъестественного) мира.

Религиозно-мистическое вероучение Р. Штейнера и его современный модернизированный вариант, осуществленный П. Ли в концепции «тимос как биopsихическая метафора», оказываются при анализе по своей сути антинаучными и не отражающими действительное положение дел. Это подтверждает и диалектико-материалистическое положение о сознании как функции высокоорганизованной материи.

Взаимосвязь того или иного взгляда на человека с той или иной психофизиологической концепцией имеет немалое значение и в подходе к проблеме бессознательного. Ведь границы познания и самопознания человеком своего «я» зависят также и от психофизического порога его сознания, который у разных людей неодинаков, он постоянно изменяется в связи с уровнем развития органов чувств. Отсюда могут следовать неоднозначные выводы, в том числе и мистического характера. Так, в конце XIX в. считалось, что «если человек есть существо, раздвоенное порогом сознания, то мистика возможна; а если вдобавок порог его сознания и подвижен, то мистика даже необходима»¹¹. На этом основании была развита концепция человека как субъекта с «двумя лицами», т. е. человек рассматривался как земная форма проявления мистического, высшего «я»¹². Таким образом, в принципе признавалась определенная тождественность «тела» и «психики».

Такой подход разделял и К. Юнг, который указывал на неестественность и на умозрительность проведения

различия между психикой и телом. «Для западного человека, — писал он, — характерно, что с целью изучения он разделил физическую и духовную стороны жизни. Однако они тесно связаны в душе, и психология должна признать тот факт, что «психическое» — это одновременно и физическое, и умственное»¹³. В центре мысли К. Юнга человек (антропос духовного космоса, так называемый психоид), который в душе актуализирует свое потенциальное единство как синтез сознательного и бессознательного. Иначе говоря, эта актуализация происходит в процессе «индивидуации», совершающейся космическим «я» («психоидом») при помощи и при участии «исторического человека», известного всем религиям и всем культурам всех времен. В христианстве протагонистами этого «космического процесса» являются следующие архетипы: «бог в единстве трех лиц», Логос (Христос) как символ души, Яхве как модель человеческого «я» (эго), Иисус как каждый «актуальный человек»¹⁴. Таким образом, юнговская мысль теоцентрична, она показывает путь развития человека к его божественному прообразу, который скрыт в глубинах человеческого бессознательного.

В настоящее время делаются попытки с материалистических позиций проанализировать бессознательное и квазинаучные идеи об реинкарнации, о трансперсональной природе сознания. В этом плане заслуживает внимания вероятностная модель бессознательного, предложенная советскими учеными В. В. Налимовым и Ж. А. Дрогалиной, которые исходят из того, что сознание человека «погружено» в «семантическую реальность», не охватываемую естествознанием¹⁵. Как утверждают эти ученые, бессознательное целостно, хотя его проявления многообразны и многосторонни. Конкретно, считают они, это «подсознательное» З. Фрейда, «коллективное бессознательное» К. Юнга, «потоки сознания» Джемса, «космическое сознание» Р. Бёкка, «интуиция» А. Бергсона, «трансцендентная феноменология» Э. Гуссерля, «категория вечных объектов» А. Уайтхеда, «третий мир, мир интеллигибелей» К. Поппера, «субперсональность» Р. Ассаджоли, «саморазвивающийся дух» Гегеля, «мир идей» Платона. Все эти различные проявления бессознательного можно описать, введя представление о многомерности психологического (семантического) пространства. Это, разумеется, метафора, но при ее помощи различные аспекты бессознательного выступают как его

проекции. «Семантические поля» (бессознательное) связаны не только с каждым человеком, но и сопричастны всему человечеству. В результате перед нами представление о «реальном существовании семантической вселенной»¹⁶.

У каждого человека, по мнению Налимова и Дрогалиной, имеется свое собственное психологическое время. Гипноз, аутотренинг, медитация, специальные дыхательные упражнения, различного рода ритмические ритуальные процедуры, позволяющие достичь измененного состояния сознания, представляют собой и изменение собственного психического времени. Сон тоже в определенном смысле связан с бессознательным. Психические заболевания также приводят к иному восприятию времени. «Семантическая вселенная» (мир бессознательного) входит в сознание человека посредством образов (геометрических символов типа «круг», «треугольник», «крест», разноконечные «звезды»). Эти символы присущи природным формам: листьям растений, цветам, формам беспозвоночных и т. д. Древним был известен эзотеризм геометрии, воплощенный в архитектуре храмов. Слова нашего языка имеют символический аспект, связанный с входом в бессознательное, и дискурсивный аспект, позволяющий строить логические конструкты, т. е. эти аспекты выражают дискретность и континуальность сознания. «Семантическая вселенная» не подчиняется обычным пространственно-временным отношениям, о чем свидетельствуют неупорядоченность сновидений, измененные состояния сознания («реинкарнационные» воспоминания), а также «воспоминания утробной жизни». «Семантическая вселенная» архетипична, т. е. инвариантна с процессом, происходящим в нашем времени¹⁷.

Рассуждая таким образом о «семантической вселенной», Налимов и Дрогалина дают свое представление о вероятностной модели бессознательного. Исходя из нее, они вводят аналогично понятию физического вакуума понятие «семантический вакуум», под которым понимается непроявленное «семантическое поле». Известно, что представление об изначальном и потенциально всесодержащем «ничто» имеется как в восточной традиции, так и в западной философии (гностики, Экхарт, Бёме, Шеллинг, Сартр, Хайдеггер, Юнг, Тиллих). В состоянии глубокой медитации происходит деперсонализация мEDITирующего, его слияние с целостностью мира. Про-

цесс медитации свидетельствует о неустойчивости «эго», позволяет человеку ощутить континuum своих индивидуальностей, «задаваемых непрерывным множеством функций распределения, с каждой из которых в какие-то моменты временной шкалы он был идентифицирован»¹⁸.

Индивидуальность каждого человека, по мнению Налимова и Дрогалиной, описывается функцией распределения, которая построена над общим всем людям «полем признаков». Она может быть «иглоподобной», «размытой» или асимметричной — в соответствии с типами людей. В случае отождествления «эго» с функцией равномерного распределения на всем «поле признаков» происходит потеря привязанностей, т. е. растворение в целостности мира. Это аналогично тому, что adeptы мистицизма называют «сжиганием кармы», исчезновением «эго», достижением нирваны¹⁹.

Наиболее интересно в данной модели бессознательного то, что «семантические поля» слов выражают не paradigmатический опыт нашей культуры, а «сознание» глубокого прошлого, не выраженного явно в нашей культуре, т. е. речь идет о древних символах, элементах мифов прошлого и т. д. Отсюда Налимов и Дрогалина выводят гипотезу о том, что «сама культура содержит не только сознательное, но и бессознательное, оттесненное в ее подполье»²⁰. Однако именно то, что «оттеснено в подполье культуры», и остается нераскрытым.

Поэтому советский ученый Ф. Бассин, отдав должное вероятностной модели бессознательного Налимова и Дрогалиной, считает, однако, более плодотворной иную схему в русле представления «коллективного бессознательного». Эта схема включает следующие моменты. Во-первых, «коллективное бессознательное» (и это бесспорный исторический факт, подтверждаемый историей культуры) в своем историческом развитии проходило у всех народов через фазу предпочтения мистико-магических, спиритуалистических, фиденстических толкований окружающего мира. Во-вторых, как известно, есть фаза, когда нормальный ребенок обладает «магическим» стилем мышления. В-третьих, в условиях аутогипноза (медитации) у взрослого человека проявляется тяга к мистицизму и магическому мышлению как отзыв регресса к инфантальным особенностям психики²¹.

На значимость физиологических механизмов названных выше психических феноменов указывает и фран-

цузский психотерапевт Л. Шерлок. Исходя из гипотезы принципиального единства человеческой личности, понимаемой как нерасторжимое психофизиологическое целое, он подчеркивает, что, «находясь под гипнозом, человек как бы отступает к более примитивным формам коммуникации, к «чисто аффективному» регистру, соответствующему функциям наиболее архаических структур нервной системы, палеокортекса»²². Дифференциация между психическим и соматическим на таком уровне развития ЦНС человека исчезает тогда, когда содержание психики тождественно физиологическим процессам. Данный факт эмпирически зафиксирован в ряде явлений культуры. Так, заслуживают внимания особенности танцевального искусства в ритуалах «исцеления» народов Тропической Африки. Важно то, что в ходе танцевального действия человек выступает в качестве творца, создателя своеобразного «произведения», когда «рождается гармония соотношения физиологической и эмоционально-психической сути человека»²³. Вместе с тем необходимо учитывать, что танец по своему происхождению представляет одну из форм социального наследования²⁴. Иными словами, сам танец не просто физиологическое и психологическое явление, но и социокультурный феномен.

Проблема бессознательного — одна из наиболее сложных и наименее разработанных проблем современной науки. Изучение бессознательного путем «вхождения» в измененные состояния сознания (опыты с гашишем, ЛСД и другими наркотическими веществами), по мнению некоторых исследователей, имеет познавательное значение, ибо оно неразрывно связано с проникновением в глубины человеческой памяти. Разумеется, здесь непросто дать достаточно полное научное объяснение феномена памяти, зато легко можно прийти к его мистическому истолкованию. В упоминавшемся сборнике «Метафоры сознания» Э. Экартсберг утверждала, что психodelические вещества «сохраняют голоса богов в веках болееочно, чем другие природные соединения»²⁵. Психоделики представляют как бы «банк памяти богосознания», реактивируя глубоко скрытую память внутри мозга человека.

Э. Экартсберг указывает, что некоторые поэтические и прозаические произведения были созданы ею в состоянии, вызванном принятием различных психodelических веществ во время психологических экспериментов.

Эти состояния «богосознания» квалифицируются другими исследователями как «пост—земное существование» (Т. Лири), «космическое сознание» (Р. Бёкк), «архетипическое, трансперсональное измерение» (К. Юнг), «политеистическая сфера психики» (Дж. Гильман), «сверхчеловеческое сознание» (С. Гроф) и др.

В 1976 г. в США вышла книга американского врача, чеха по происхождению, С. Грофа «Сфера человеческого бессознательного», представляющая собой синтез многолетних исследований по клиническому применению ЛСД в психотерапевтических целях. Пациент, принимавший серию доз ЛСД, с каждым разом раскрывал все более глубокие уровни своей бессознательной памяти. В ходе действия ЛСД он испытывал галлюцинации, о которых тут же рассказывал врачу. Все это регистрировалось, и Гроф вместе со своей группой собрал около 4 тыс. отчетов, что и составило основу данной книги²⁶.

Анализ многолетних исследований по клиническому применению ЛСД явился эмпирическим основанием для холистского подхода к психике человека, которую уже нельзя редуцировать к «эго», разуму и чувствам. Психика, стало быть, подобна пирамиде, причем доступна исследованию только вершина, а «основание» теряется в глубинах Космоса. Существующая до сих пор концепция разума человека — *tabula rasa* — тем самым окончательно рушится. Открываются как бы новые возможности понимания некоторых неясных аспектов психики, обычно зачисляемых наукой в разряд аберраций и патологий, таких, например, как стремление некоторых индивидов к достижению шизоидных и экстатически-виционерских состояний.

В данном случае нельзя не принимать во внимание такой фактор, как культура, которая располагает многообразием средств для управления психическим миром человека. Культура вырабатывает целую систему институтов и обычая, назначение которых либо культивировать и развивать, либо тормозить и ограничивать определенные черты личности. У североамериканских индейцев широко был распространен, например, обычай достижения индивидом сверхъестественной силы в состоянии транса. Нелегко достигнуть такого состояния. Необходимо поститься, воздерживаться от питья, находиться в одиночестве в диких местах и там ожидать целыми днями «откровения». Сам момент «видения» —

это момент необычного, драматического переживания. Оно настолько глубоко индивидуально, что его невозможно описать. И именно на этом духовном потрясении, каковым является «видение», индивид основывал свои притязания (например, быть вождем племени) и др. Обычай достижения «видения» является одной из основ индивидуализма и культа сильной личности среди индейских племен²⁷.

У индейцев пуэбло, напротив, нет обычая достижения «видения». Они не используют широко распространенные среди остальных индейских народов способы достижения бурных и необычных переживаний (алкоголь, наркотики). Алкоголь, который привел к исчезновению многих племен американских индейцев, здесь никогда не был проблемой. Индейцы пуэбло испытывают отвращение к наркотикам и алкоголю²⁸.

Психоделическое «приключение» дает иллюзию контакта со всеобъемлющей Вселенной, уничтожает чувства вместе с их основой — человеческой личностью, атрофирует способность к любви и сопереживанию. В крайних формах оно приводит к уничтожению человека, наделенного самосознанием. Об этом говорят все доступные нам мифологии, системы оккультного знания и религиозные тексты. Психоделические вещества обладают коварной способностью вызывать галлюцинации, они раздвигают границы сознания и дают якобы возможность увидеть контуры невидимого мира. Вместе с тем попытки «расширения сознания» при помощи психотропных веществ обычно кончаются возбуждением, и об этом свидетельствуют проведенные Грофом исследования матриц глубокой памяти, в которых запечатлен набор негативных эмоций. Это в свою очередь приводит не только к разрушению психики, но и в конечном счете к гибели человека²⁹.

Человеческое тело (и психика) неразрывно связано с объективным миром и в определенном смысле отражает его историю. Действительно, тело человека есть многоклеточный организм, а «любая живая клетка несет в себе опыт экспериментирования ее предков на протяжении миллиарда лет»³⁰. Существенными компонентами живой клетки являются белки и ДНК, причем ее «двойная спираль» возникла, как предполагается, в процессе охлаждения изначально горячей Вселенной. Сначала при достаточно высокой температуре вещества начали образовываться отдельные молекулы, потом в свя-

зи с дальнейшим охлаждением молекулы стали образовывать нити, существование которых невозможно при более высокой температуре. В конечном счете молекулы собираются в строго определенном порядке: звено нити с «неправильным» расположением молекул имеет меньшую энергию, чем звено с «правильным» их расположением. Оно разрушается под воздействием теплового движения. Энергия «разрушения» нитей в двойной спирали в несколько раз меньше энергии «разрушения» одной нити. При дальнейшем охлаждении нити начинают свиваться в «двойную спираль» с «правильным» расположением молекул. К тому же исследования химических реакций в биополимерах при температурах, близких к абсолютному нулю, указывают на то, что белки и ДНК можно рассматривать как своеобразные «гетерогенные стекла»³¹, т. е. структурно-разупорядоченные вещества.

Заслуживает внимание то, что поведение атомов и молекул в структурно-разупорядоченных веществах («гетерогенные стекла») похоже на «коллективное поведение» магнитных «моментов» (спинов). Это так называемые «спиновые стекла». Представляет значительный интерес тот факт, что сложное конфигурационное пространство «спиновых стекол» может быть использовано для «запоминания» и обработки информации, причем «запоминание» здесь аналогично памяти человека. В отличие от «памяти» ЭВМ «память» «спиновых стекол» нелокальна и нечувствительна к дефектам.

Западногерманский исследователь В. Кинцель в своих работах исходит из того факта, что в первые годы жизни человека многие синапсы мозга отмирают и что именно в этот период запоминается много информации (и весьмаочно). Он рассматривает модель «нейронной сети» (подобную модели «спиновых стекол») — модель Хопфилда, которая имеет ряд примечательных свойств. Кинцель называет шесть таких свойств: обучение и распознавание образов — спонтанный и коллективный процесс всей системы в целом, даже случайная сеть имеет некую память; «хранение» информации осуществляется сразу во всей сети и одновременно в каждой ее части, т. е. память нелокальна; система нечувствительна к дефектам, выключение части сети влечет только некоторое уменьшение емкости памяти; процесс распознавания происходит весьма быстро, так как обращение к хранимой информации происходит по ее со-

держанию, а не по адресу в памяти (как в компьютере); точность воспроизведения информации зависит от значимости данного «образа» среди других, поэтому возможно и «забывание» старого «образа» в ходе обучения новому; качественные свойства модели весьма мало чувствительны к ее деталям, т. е. даже «зашумленные» образы весьма быстро распознаются³². Таким образом, модель «нейронной сети» (модель «спиновых стекол») в свете вышесказанного фактически фиксирует одну из граней единства биологических систем, в том числе и мозга человека, и истории космоса. И тогда открывается принципиальная возможность постижения «космических основ» (о культурных основах уже шла речь) человеческой психики.

И наконец, нельзя не учитывать данных физиологии высшей нервной деятельности, свидетельствующих о том, что разум человека не есть *tabula rasa*. Оказывается, верхние части ствола человеческого мозга образуют центры функций и возможного реагирования. Функции этих частей мозга можно грубо определить следующим образом: эта область является своеобразным компьютером, в котором хранится в виде программ опыт бесчисленных прошлых накоплений. Эти программы имеют форму тесно связанных (подобных отдельным картинам, сценам) поведенческих актов, которые могут быть вызваны определенными внутренними и внешними стимулами³³.

С феноменом «память» и отношением «тело — психика» тесно связана и проблема клонирования, которую можно соответственно рассматривать в естественнонаучном и социально-психологическом аспектах³⁴. Прежде всего следует обратить внимание на то, что клонирование существует в природе. По словам французского биолога Ж. Ростана, «когда простейшие делятся, они образуют клоны, сами того не зная»³⁵. Следует вспомнить, что клоны являются также следствием партеногенеза у некоторых червей, пауков. В случае партеногенеза зародыш развивается из неоплодотворенного яйца. На научном языке клон означает ансамбль генетически идентичных индивидов, происходящих из соматических клеток одного организма или из одной половой клетки — без оплодотворения.

Естественные, спонтанные клоны у животных других видов (особенно у млекопитающих) в принципе не существуют, однако теоретически человеческий клон воз-

можен. Дело в том, что ядро каждой клетки человеческого организма (за исключением ядер половых клеток) содержит 46 хромосом (23 пары). Эти 46 хромосом построены из ДНК, в которой зарегистрирована в форме кода вся генетическая информация, заложено все генетическое основание человека. Когда яйцеклетка соединяется со сперматозоидом, чтобы дать начало зародышу, из которого возникает человеческий организм, тогда происходит связь ядра яйцеклетки, содержащего 23 хромосомы, с ядром сперматозоида, также содержащего 23 хромосомы. Оплодотворенное яйцо имеет их 46, т. е. полную генетическую информацию, и начинает делиться³⁶.

Понятно, что по мере дальнейшего деления клеток происходит все большая их дифференциация. В общем все клетки делятся на половые и соматические клетки. Последние становятся либо клетками кожи, либо нервной системы, либо желудка, кости и т. д. Но каждая из этих уже специализированных соматических клеток содержит 46 хромосом, которые являются точными копиями 46 хромосом, необходимых для начала деления яйцеклетки и возникновения целостного человеческого организма³⁷.

В действительности, однако, по мере нарастающего деления оплодотворенной яйцеклетки эта способность воспроизведения всего организма становится заторможенной, подавленной. В результате остается полностью активной та информация, которая необходима для выполнения клеткой функции, связанной с ее характером как частицей всего организма. Таким образом, из деления клетки кожи возникают только клетки кожи, а не целый организм, из костных клеток — только клетки кости. И так далее, несмотря на то что ядра всех этих клеток содержат информацию, необходимую для воспроизведения всего организма человека. До сих пор мало что известно относительно механизма торможения или подавления этих 99,9% генетической информации, содержащейся в хромосомах. Известно, что эту роль выполняют некоторые белки, которые французские ученые, лауреаты Нобелевской премии Жак Моно и Франсуа Жакоб назвали супрессорами. Последние представляют собой специфические регуляторные элементы, которые направляют экспрессию структурных генов³⁸.

Пока никто еще не обосновал невозможности применения техники клонирования у человека, решающее сло-

во здесь принадлежит генной инженерии. В ней фундаментальное значение имеет ДНК, которая в закодированной форме несет наследственную информацию о поведении клеток растений, микробов и животных. Длинная цепь молекулы ДНК может быть разделена на гены, отвечающие за формирование конкретных признаков. При искусственном соединении фрагментов ДНК двух разных организмов возникает рекомбинантная ДНК, которая нашла широкое применение в биотехнологии и открывает невиданные до сих пор перспективы³⁹.

Сейчас биологи научились переносить в бактерии гены других бактерий, растительных и животных клеток, относящихся к иному виду. Сначала определяется местонахождение нужного гена среди сотен тысяч генов в ДНК одного организма, затем при помощи ферментов «вырезают» этот ген и «вшивают» его в вектор-вирус (кусочек ДНК, воспроизводящий себя независимо от ядра, главного хранилища ДНК). Вектор позволяет транслировать «вырезанный» участок ДНК в вещество реципиента. Оказавшись в новой клетке, инородный ген при делении клетки тоже делится, и таким образом получается клон клеток, каждая из которых содержит точную копию данного гена⁴⁰.

В ряде случаев можно клонировать фрагменты ДНК в качестве вектора для создания «библиотек генов» того или иного организма. Для их формирования в векторные молекулы «встраивают» полученные случайным образом крупные фрагменты изучаемого генома⁴¹. Благодаря наличию «библиотеки генов» можно конструировать организм с заранее заданными свойствами.

На основе достижений генной инженерии шведскому исследователю С. Пёбе при помощи метода клонирования удалось в лабораторных условиях осуществить размножение генетического человеческого материала. Им было исследовано 23 мумии из гробниц фараонов Древнего Египта на содержание ДНК. Только одна из этих мумий, мумия маленькой девочки (2400 г. до н. э.), содержала генетический материал, который после выделения, очищения и клонирования удалось размножить. Это открывает, по мнению Пёбе, возможности для сравнительных исследований (для получения информации относительно династий фараонов, датирования мумий и т. п.)⁴².

Освоение техники клонирования, овладение ею дает в перспективе возможность (пока исключительно гипо-

тетическую) появления на основе этой техники множества индивидов с идентичным генотипом (однояйцевых близнецов). Результаты, которые получили социальные психологи, исследуя проблему однояйцевых близнецов, рано отделенных друг от друга, не являются однозначными. Сомнительно, чтобы два даже не знающих друг друга близнеца жили бы идентичной жизнью. Современная биология совершенно однозначно высказывается в пользу биологической уникальности. И это не во имя некоей этической традиции или философской традиции. Каждый человек единственный и неповторимый, и это для сохранения человеческого рода является важнейшим. Чтобы человеческий род состоял из индивидов, весьма различающихся друг от друга, к этому вели как эволюция, так и естественный отбор. Разнородность человеческих индивидов такова, что за исключением однояйцевых близнецов нет на земном шаре и никогда не будет (до времени возможного создания человеческих клонов) двух индивидов, обладающих идентичным генетическим набором. Если предположить, что генетические основания человека состоят, по меньшей мере, из 10 тыс. структурных генов, управляющих синтезом белков и энзимов, то число комбинаций или связей, которые возможны между этими генами, составляет 10^{200} , значительно превышающее число атомов в Космосе, равное 10^{80} ⁴³.

Благодаря этой разнородности, а вовсе не унификации человеческая популяция очень пластична и легко адаптируется к изменяющимся условиям окружения. Именно с уникальностью каждого индивида связана способность вида трансформироваться, приспособливаться к каждой новой ситуации. Вместе с тем утратившие свою разнородность человеческие группы, состоящие из генетически подобных индивидов, при какой-либо неожиданной смене условий жизни (климат, эпидемии и т. п.) не смогут быстро адаптироваться, результатом чего может стать их гибель. В целом же мировоззренческая и методологическая значимость проблемы клонирования состоит в том, что она показывает несостоятельность мистических концепций человека и свидетельствует о сложности проблемы соотношения «тело — психика».

С психофизиологической проблемой тесно связан дуализм «тела» и «психики», который глубоко укоренился в человеческом сознании и который дает основания для обоснования религиозно-мистической идеи реинкарна-

ции. В истории европейской философии были концепции соотношения «тело — психика», обусловливающие эту идею. Когда Л. Витгенштейн отмечает, что «человеческое тело является лучшим образом человеческой души»⁴⁴, а Ж.-П. Сартр провозглашает, что «я — тело во всей протяженности моего существования»⁴⁵, то в этих высказываниях западных философов просматривается идея, характерная для мышления эпохи древнего Ближнего Востока. Ведь для такого типа мышления, как известно, было существенно восприятие человека как двуединства физического и психического начал. «Тело» и «сердце», «голова» и «лицо», «глаза» и «рот», «уши» и пр. считаются вместе сущим души (человеческой психики), а не просто телесными органами. Нельзя не согласиться с советским ученым И. Вейнбергом, который показывает, что в древневосточной модели мира человек, даже будучи личностью-индивидуальностью, нераздельно связан со всей данной человеческой общностью, воспринимается и осмысливается в сочлененности «я — мы»⁴⁶.

Вместе с тем нельзя забывать, что, утверждая идею богосотворенности человека, апологеты мистицизма подтверждают представление о богоподобности человека⁴⁷. В библии эта идея выражена в словах апостола Павла: «Прославляйте бога в своем теле» (I Кор. 6, 20). Идея реинкарнации порой отбрасывалась как иллюзия, но в то же время она сменялась другой иллюзией — мистицизмом каббалы⁴⁸. Согласно этому религиозно-мистическому учению, считается, что раз люди созданы по образу бога, то у них по меньшей мере должно быть три разных «души»: дух — высшая часть; собственно душа — обитель добра и зла; «жизненная сила», непосредственно связанная с телом и приводящая его в движение. В самом начале XX в. такая троичность трактовалась следующим образом: «В этих трех, т. е. в духе, душе и теле, мы находим верный снимок с того, что происходит в высшей сфере, ибо эти три образуют лишь одно существо, где все связано в единство»⁴⁹.

Проповедники каббалы говорят о существовании у человека кроме этих трех «душ» многих других «душ». Это положение о множестве «душ» в одном теле как раз и привлекло внимание западных ученых. В настоящее время философы, социологи, психологи обсуждают вопрос о том, сколько «я» существует в одном теле: одно или множество. Одни считают, что «я» едино, т. е.

личность и тело жестко связаны. Так, исходя из христианской концепции человека в ее модернизированном истолковании, американский теолог К. Браатен настаивает на психосоматическом единстве человека⁵⁰.

Некоторые ученые считают, что «множественная личность» представляет собой не что иное, как умственное расстройство, связанное с тем, что в одном теле является две или более интегрированные системы поведения. В свете этого интересна гипотеза, согласно которой человек является потенциальным носителем множества «я», которые, кроме одного «я», подавлены в сознательной жизни, находятся в сфере бессознательного и проявляются в определенных условиях.

Наиболее ярко данный феномен обнаруживается в сценическом искусстве, которое представляет собой школу «согласования тела с душой и души с телом как независимых миров»⁵¹. В этом состоит отличие актерской игры от действий обычного человека. Последний представляет собой единство «духа» и «тела», его «я» — сращенное «тело» и «дух», существующее «здесь» и «теперь». Человек в жизни подчиняется требованиям и нормам этики, чтобы телесные волнения и страсти регулировались умом. Актер на сцене, наоборот, вживается в роль. При этом он способен «войти» в любую плоть, перевоплотиться в другое «я»⁵².

Характер отношения актера к перевоплощению в тот или иной образ зависит от той культуры, к которой он принадлежит. Ведь европейский актер в отличие от китайского испытывает определенные трудности в «проигрывании» роли, ибо между жизнью и сценой существует некий барьер, который должны были преодолеть его фантазия и интуиция. Не случайно К. С. Станиславский предлагал молодому актеру пожить, скажем, жизнью дерева, глубоко вросшего корнями в землю, почувствовать внутри себя столетний дуб⁵³. Китайскому актеру для создания сценического образа не нужен тот сложный ход, который предлагал Станиславский. Ведь в Китае «театр, накрепко сросшийся с религией и системой ее символов и условностей, позволял актеру свободно и естественно переходить из состояния просто человека в другое — актерское»⁵⁴. Для китайской культуры была характерна театрализация жизни: в жизни и на сцене существовали единые принципы игры в различных ситуациях. Актер должен забыть свое «я» и при помощи «физических действий», системы тренинга акте-

ров избавить тело от привычных движений, походки, улыбки и т. д. В итоге тело актера на сцене — своего рода «космическая плазма, способная мгновенно принять любую форму»⁵⁵.

В пользу гипотезы множественного «я» свидетельствует сама социальная практика современного капитализма. Здесь люди становятся товаром на «рынке личностей». Их цель — максимальная эффективность деятельности, они не задаются вопросом: «Для чего живет человек?» У них, считает Э. Фромм, свое гипертрофированное, постоянно меняющееся «я». Отсутствие чувства идентичности — это кризис современного общества. Он вызван тем фактом, что члены этого общества стали безликими инструментами, чувство идентичности которых зиждется на участии в деятельности корпораций или иных гигантских бюрократических организаций. Люди с «рыночным характером», как полагает Фромм, не умеют ни любить, ни ненавидеть. Любовь, ненависть — эти «старомодные» эмоции не соответствуют структуре характера, функционирующему почти целиком на рассудочном уровне и избегающем любых чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что они служат помехой для достижения основной цели людей «рыночного характера» — продажи и обмена, а точнее, для функционирования в соответствии с логикой «мегамашины», частью которой они являются. «Они не задаются никакими вопросами, кроме одного — насколько хорошо они функционируют, а судить об этом позволяет степень их продвижения по бюрократической лестнице»⁵⁶.

У личности с «рыночным характером», по мнению Фромма, нет своего собственного «я», у нее преобладает рассудочное, манипулятивное мышление и почти атрофированы эмоции. «Я» находится в постоянном изменении согласно принципу «я такой, какой я вам нужен». Общей структуре такого рода личности «соответствует» и кибернетическая религия «рыночного характера»⁵⁷. Бюрократический характер буржуазного общества определяет поведение и мышление человека с «рыночным характером», уподобляет его компьютероподобному устройству с набором программ — ролей.

Вопрос о том, является ли «я» единственным или множественным, — один из центральных вопросов и философии, и психологии, и социологии, и других научных дисциплин. К данному вопросу нужно подходить с

точки зрения марксистской методологии. Сущность человека — это вовсе не абстракт, присущий ему изначально, а совокупность, ансамбль общественных отношений. Раскрывая единство элементов структуры человеческой природы, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Если вырвать Я из всех его эмпирических жизненных отношений, из его деятельности, из условий его существования, отделить его от лежащего в его основе мира и от его собственного тела, то у него не останется, конечно, другого призыва и другого назначения, кроме как представлять собою Кая логических суждений...»⁵⁸ Здесь Маркс и Энгельс выделяют три основных элемента, образующих структуру родовой сущности человека: «я», «тело», «мир человека».

«Я» есть внутренний, духовно-психический мир человека, который характеризует отношение человека к внешнему миру. Телесное бытие реального человека «есть такая природная предпосылка, которая не им создана»⁵⁹, но благодаря своей включенности в мир человека постоянно воспроизводится и развивается. В этом процессе тело человека сталкивается с самыми различными общественными потребностями. За всю человеческую историю оно испытало на себе влияние громадной, весьма разнообразной массы потребностей. Именно историческая природа человеческих потребностей привела к тому, что «тело» человека пластично к любому социальному развитию. Общество — ваятель человеческого «тела». Искусство ваятеля обусловлено производительными силами и характером общения, которые сами постепенно выковываются в процессе трудовой деятельности многих поколений. Благодаря социальной пластичности человеческого «тела» содержание мира перерабатывается в содержание «я». Вместе с тем человеческое «тело» превращает содержание внутренней духовной жизни человека в материальные отношения «я».

Человек — это целое, в котором слиты телесное и психическое, сознательное и бессознательное, биологически унаследованное и социокультурно обусловленное, причем целое, находящееся в динамике, в развитии, в выполнении роли, «порученной» ему в составе «ансамбля» общественных отношений. Только такой подход, выработанный в марксистско-ленинской методологии, позволяет нашупать ключ к решению психофизиологической проблемы в ее различных аспектах и отсечь иррационально-мистические концепции человека.

Глава III

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНИ И ЕГО КРИТИКА

Религиозно-мистическая интерпретация феномена человеческой жизни

К фундаментальным проблемам человеческого бытия относятся проблемы жизни и смерти. Человеку присуще стремление жить вечно, ему не хочется умирать. Вполне закономерно, что идея бессмертия, согласно которой душа отделима от тела и неуничтожима, выступает в качестве фундаментального принципа религиозных систем и верований.

В современную эпоху, когда возникает угроза уничтожения жизни на Земле (в случае ядерной войны или экологической катастрофы), проблемы жизни и смерти приобретают особую значимость. В рассмотрении этих проблем у ряда буржуазных мыслителей, теологов, ученых обнаруживается религиозно-мистический подход.

Важное место в современной картине мира все больше начинает занимать феномен жизни, неразработанность ряда аспектов которого служит источником мистико-религиозных интерпретаций жизни и смерти. Так, Д. Икеда, японский религиозный и политический деятель, в своей книге «Жизнь» анализирует проблему жизни, сочетая методы научного описания с мистической традицией буддизма¹. Икеда рассматривает проблемы «тела» и «духа», «человека» и «природы», «времени» и «пространства», «космоса». Он стремится доказать, что «жизнь» не ограничивается рамками биологического, что в ее фундаменте лежит якобы некоторая «жизненная сила», составляющая основу неорганической материи и порождающая гармонию и ритм Вселенной. «В буддизме, — проповедует Икеда, — эту всепронизывающую силу называют по-разному, но лучше выбрать название «мистический закон». Эта деятельная сила, необходимая для жизни, творит и воссоздает духовное и физическое бытие. В физическом мире эта сила выступает в виде законов, управляющих неорганическим миром... и контролирующих физические ритмы Вселенной. Иными словами, законы физики, химии и астрономии являются ча-

стным проявлением мистического закона в космосе... Это не сила вне космоса, это — космос. Истинная природа космоса и жизни состоит в слиянии на существенном уровне физических и духовных законов жизни»².

В буддийском взгляде на «жизнь» можно вычленить «десять миров», или состояний, духа. Описывая эти состояния, Икеда использует при этом данные естественных наук, пытается тем самым придать своей по сути религиозно-мистической классификации научообразный вид. Икеда начинает с описания отрицательных состояний («ад», «алчность», «животность», «злость»), потом переходит к положительным («человечность», «восхищение», «ученость», «озарение», «альtruизм» (бодисатва), «будда»). Итак, «ад» в интерпретации Икеды — это состояние обреченности в безвыходном положении; отчаяние, вызванное бессилием; все мысли и чувства сосредоточены на физической или душевной боли; время растянуто до бесконечности; жизненное пространство отсутствует. Алчность — состояние ненасытного голода, жажды обладать недоступным, вызывающая зависть и ненависть к другим. Животность — некоторые люди превращают естественную потребность есть, пить и спать в единственный смысл жизни: обжорство, пьянство, разврат и лень разрушают тело и душу. Злость примыкает к первым трем «дурным путям», но отличается от них присутствием ума и воли: сильные пожирают слабых по закону джунглей; демагогия прикрывает агрессивную волю к власти; эгоизм коварен, лжив и разрушителен, но трусив и тревожен. Человечность — состояние покоя и мира с самим собой и со всем миром; тело здоровое, дух ясен, образ жизни хороший; человек борется с трудностями, идет вперед, но этот мир неустойчив, так как зависит от внешних условий. Восхищение, или восторг, вызванный успехом, — удовлетворенность трудом, легкость, радость жизни. Ученость — идеал хинаяны, но приверженцы махаяны не считают ее состоянием самым высоким; слушание речей Учителя, изучение буддийских текстов о единой реальности и медитации ведут к разумному пониманию и частичному просветлению, но на пути может встать гордыня и сбросить человека в состояние алчности. «Озарение» — яркая вспышка интуиции, освещивающая феномен в его целостности. Хотя это состояние относится к высокому уровню, сутры в определенном смысле ставят его даже ниже трех «дурных путей»: одаренные люди, не свободные от эгоизма, могут

принять великое научное открытие за откровение истины и, обладая могуществом, причинить огромное зло (например, ядерное оружие изобрели очень эрудированные ученые). Бодисатва — состояние, достигнутое человеком в практике альтруизма — самого эффективного средства самоусовершенствования, когда он отождествляет себя с чужим горем, а его мудрость соединена с энергией сострадания, этой центральной ценностью буддизма. Будда — высшее состояние в «десяти мирах»: «мудрость Просветленного охватывает основные принципы Вселенной, она неотделима от космической жизни... Работая на земле, он должен приносить счастье людям. Его пространство беспредельно, его время заключает вечность в одном моменте»³.

В полном соответствии с принципами буддийского мировоззрения «миистический закон» Икеды содержит в себе суть религиозно-миистического подхода к жизни, которая якобы неуничтожима и тянется из бесконечного прошлого в бесконечное будущее. В рамках этого «закона» не существует разделения на «прошлое — настоящее — будущее». Прошлое и будущее сплавлены в мгновении в «одно великое единство», причем вечность представляет собой «непрерывный ряд мгновений, а мистический закон является мгновением и вечностью»⁴.

Самое глубокое в мудрости буддизма, по мнению Икеды, — это отрицание одностороннего взгляда на жизнь. А это, подчеркивает он, свойственно и современной науке: есть евклидова и неевклидова геометрия, теория относительности, теория множеств; одни ученые отстаивают циклизм, другие видят внутренние изменения в стабильном целом. Согласно буддийской теории, все состоит из комбинации текущих элементов (дхарм), все проходит стадии рождения, роста, разрушения и смерти. Но исконное человеческое «я» неизменно, оно является частью мирового «Я»⁵.

Д. Икеда различает объективное (физическое) и субъективное (психологическое) время. Первое связано с ритмами земной природы, с биоритмами живых существ и с соматическими ритмами отдельных организмов. Второе способно сокращаться и удлиняться в зависимости от активности или пассивности человека. Икеда вступает в спор с философами, которые утверждают, что настоящее мгновение равно нулю или математической точке субстанции и протяженности. Не соглашаясь с ними, он говорит, что миг настоящего до краев

полон субстанцией, так как в нем сосредоточена вся физическая и духовная память о прошлом и все возможности будущего, эту информацию человек должен использовать интенсивно. Икеда придает особую важность надеждам, уверяя, что надежды генерируют и гарантируют будущее, которое должно питать настоящее и превращать его в богатое прошлое. Это прошлое в свою очередь должно питать настоящее, чтобы созидать новое будущее — вплоть до совершенного слияния с «мистическим законом», где миг содержит вечность⁶.

Пространство, как и время, объективно и субъективно. Оно может стать узким или широким в зависимости от состояния человека. «Жизненное пространство» людей, лишенных внутреннего мира и знаний, крайне ограничено. Индивид, по мысли Икеды, должен работать над собой, добиваться расширения сознания и «жизненного пространства», чтобы достичь «космического сознания» и слиться с «мистическим законом». «Не бог, — проповедует Икеда, — создал нас и поместил в космос — мы возникли в нем как часть целого, живем в нем и уходим в него»⁷.

Исходя из постулата «вечной космической жизни», Икеда рассматривает смерть как периодический уход индивидуального «ядра души» в латентность «ку»*. Согласно буддийским взглядам, «я» после смерти либо погружается в полную бессознательность и бесчувственность фазы «ку», либо (долго или недолго, в зависимости от нравственного уровня) испытывает там ужасы и страдания, обусловленные кармой. «Я» уходит в «ку» на том из десяти уровней земного бытия, на котором его застала смерть, и со временем возрождается на том же уровне, поскольку в «ку» нет никакого движения. Рождение есть конденсация «космической жизни» в одном «я», смерть — рассеяние этого «я» в универсальном континууме: жизнь и смерть сосуществуют в мире⁸. Икеда

* В интерпретации Икеды жизнь представляет собой проявление творческой энергии Вселенной — «жизненной силы», которая имеет латентное состояние «ку». Это состояние «мистического закона», согласно Икеде, есть ничто, пустота; оно есть, и его нет; небытие, бытие особого рода; то и другое вместе (небытие и бытие); ноумен — потенция, субстрат всех вещей; праматерия, физическая сущность космоса; хаос бессознательного; информация ДНК, примитивный разум; духовный закон жизни. «Ку» соединяет в себе жизнь и смерть, хаос и дух, бессознательное и разум, но, поскольку оно стоит превыше всех дилемм, его нельзя ничему противопоставлять и определять однозначно.

привлекает множество научных данных, чтобы доказать существование единой «космической жизни» под эгидой «мистического закона», управляющего якобы эволюцией.

Итак, согласно необуддистскому мировоззрению Икеды, общим источником всей человеческой духовной деятельности является некая «жизненная сила», имманентная космосу. В отличие от К. Юнга, который на основе «коллективного бессознательного» как источника жизни всех людей строит мост между психологией и религией, Икеда считает, что развитие науки все более приближается к буддистским идеям и в конечном итоге «медики должны будут первыми согласиться с тем, что господству смерти наступит конец и, вероятно, ее не будет в будущем»⁹. Данный вывод принципиально ничем не отличается от библейского положения: «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая» (Откр. 20, 14).

Согласно религиозной концепции жизни, человек живет и умирает как психофизиологический организм на нашей планете, он выступает бренным проявлением «вечного духа». В Коране говорится: «Истинно принадлежим Аллаху и к нему возвратимся» (21, 151). Человек в религиозной картине мира — это «водяной пузырь», который возникает и распыляется по поверхности «бессмертного моря». Отсюда следует и мистический мотив призрачности человеческой жизни. Этот мотив пронизывает духовную культуру современного буржуазного мира. Неудивительно утверждение А. Швейцера, что жизнь — это вечная игра, что человек влечит жалкое существование, поэтому «мистика становится миро- и жизневоззрением поглощенного бытия, конечного бытия в бесконечном или превращается — как это было у брахманов — в гордую мистику бытия, бесконечного бытия в конечном»¹⁰.

На Западе широко распространены представления о том, что человеческое существование является переходной формой «вечного духа», что человек, который живет и умирает как психосоматический организм, является проявлением этого «духа». К аналогичным представлениям, обоснованным «научно», приходят и западные коллеги Д. Икеды (например, А. Тойнби, А. Кестлер, Р. Муди и др.), исследующие состояния угасающего сознания у лиц, находившихся в состоянии клинической смерти и затем реанимированных, а также измененные

состояния сознания человека, вызванные приемом психо-деликов. В этих измененных состояниях сознания человека совершенно иначе переживается время. За несколько минут объективного времени человек бывает способен прожить несколько жизней. В опыте клинической смерти человек за 5—10 минут способен не только заново пережить свою жизнь, но и совершить грандиозное космическое путешествие. Западные исследователи, используя в своих целях информацию о «видениях» сотен реанимированных, о переживаниях, возникших в результате приема препарата ЛСД, пришли к тем же выводам относительно «новой жизни после смерти», что содержатся в древних религиозных книгах, трактующих кардинальные проблемы человеческого бытия¹¹.

С древних времен существуют две полярные точки зрения на смерть. Первая — полное уничтожение сознания, вторая — после смерти тела «душа» переходит в иную сферу существования. Обоснованию второй точки зрения и посвящена книга Р. Муди «Жизнь после жизни. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела». Он анализирует рассказы людей, побывавших в состоянии клинической смерти. Те переживания, которые люди ощущают в этом состоянии, Р. Муди подробно описывает в своей книге¹².

Муди отмечает, что переживания и впечатления человека, перенесшего клиническую смерть, не всегда могут быть выражены адекватными наличными средствами языка. Многие из перенесших клиническую смерть слышали слова врачей или других лиц, находящихся около них, причем такие сообщения, по словам Муди, подтверждались и врачами; многие говорили о разного рода необычайных слуховых ощущениях в момент клинической смерти или перед этим: об ощущении быстрого полета через «темное пространство» (туннель, труба, колодец, шахта, пещера, дымоход, долина, аллея) или через вакuum в темноте. Далее Муди говорит о «внелесных ощущениях». Он поясняет это так: в современной цивилизации распространилось представление о сознании как о чем-то более эфемерном и менее реальном, чем физическое тело. На «дух», сетует он, начали смотреть как на простое выражение электрохимических процессов мозга, поэтому многие, никогда не переживавшие явлений экстаза, вообще не могут представить себе возможность какого-либо иного существования вне тела. Муди пишет об удивлении этих «многих», когда, преодо-

лев «темное пространство», они вдруг «осознают» себя пребывающими «вне тела» и «видящими» свое физическое тело со стороны, как посторонний наблюдатель. Вскоре, по словам Муди, человек начинает замечать, что, хотя он отчетливо видит и слышит, сам он невидим и неосозаем для окружающих. Некоторые, как отмечает Муди, сообщали не о восприятии голосов окружающих, но о непосредственном восприятии их мыслей без передачи в словах. Муди описывает «встречу с другими», т. е. в какой-то момент появляются другие лица, обычно ранее умершие друзья или родственники умирающего, которые стремятся помочь ему в этом переходном состоянии.

Также Муди говорит о самом, по его словам, невероятном явлении — встрече со «светом», который воспринимался как некое живое одухотворенное существо, излучающее любовь и тепло, хотя и не обладающее человеческой формой. «Световое существо» якобы вступало в контакт с вновь пришедшим, задавая ему вопросы (путем прямой мысленной связи): «Готов ли ты умереть?» и «Что значительного ты сделал в своей жизни, что можешь показать?»

Муди описывает и такой феномен, о котором рассказывали побывавшие в состоянии клинической смерти, как «образы прошедшей жизни». Прошедшая жизнь заново переживалась за несколько мгновений с поразительной ясностью в виде четких зрительных образов вплоть до самых мелких деталей и впервые начинала восприниматься как осмыщенное целое. После реанимации пациенты были в состоянии вспомнить массу деталей из прошедшей жизни, которые они до этого совершенно забыли.

По свидетельству Муди, некоторые пациенты отмечали, что в один момент они ощущали приближение к какой-то границе, незримой черте. Это был «предел», «граница». Муди подчеркивает, что они рассказывали и о том, что в какой-то момент испытывали «отчаянное желание вернуться назад». Однако по мере углубления в «новый опыт» происходили интересные перемены — «желание вернуться» исчезало, и они даже начинали сопротивляться возвращению. Это отмечали все, кто имел встречу со «световым существом».

Подытоживая рассказы побывавших в состоянии клинической смерти, Муди пишет, что все, кто пережил «опыт умирания», нисколько не сомневаются в его ре-

альности. Те из пациентов, кто ранее испытывал галлюцинации, говорили, что во всем пережитом не было ничего похожего на них. Пережитое, по их свидетельству, оказывает определенное воздействие на всю последующую жизнь. Одни говорили о своем духовном обновлении, о возросшем чувстве ответственности, об изменении представления о смерти, исчезновении страха перед ней. Другие сообщали о своих резко возросших интуитивных способностях¹³.

Вышеописанный Р. Муди «опыт» необычен. Однако о такого рода эффектах писалось и прежде. Заслуживает внимания наличие в древних (или эзотерических) текстах описаний, поразительно близких к рассказам современных пациентов. Так, в Писании в двух местах (Исаия 26, 19; Даниил 12, 2) говорится о посмертном существовании, причем в обоих случаях имеется в виду воскресение физического тела.

Проблемы жизни и смерти интересовали и Платона. Он рассматривал смерть как акт отделения внутренней части живого существа от ее физической оболочки. Он замечает, что, отделившись от тела, «душа» способна якобы мыслить более ясно. В диалоге «Государство» Платон приводит рассказ о некоем солдате Эре, которого преждевременно посчитали убитым в битве. Кончилось тем, что он очнулся на погребальном костре. Эр рассказывает, что его «душа» вышла из тела, присоединившись к группе других «душ» и что они прошли через «тропы», ведущие от земли к «будущей жизни». Однако на пороге они были остановлены и судимы некоторыми священными существами, которые были способны мгновенно видеть все, что «душа» совершила за время земного существования. Эр, однако, был послан этими существами обратно на землю, чтобы передать людям то, что он увидел. Эр говорит только, что ничего не помнит о своем обратном пути на землю, что согласуется с приводимыми выше рассказами¹⁴.

«Тибетская книга мертвых» составлялась в течение нескольких веков мудрецами древнего Тибета и передавалась ими устно. Наконец, около VIII в. н. э. она была записана, но и после этого тщательно скрывалась от непосвященных. В этой книге умирание рассматривается как нечто могущее принять должный или недолжный вид в зависимости от уровня подготовки человека. Книга имела двойную цель — помочь умирающему пережить необычайные явления в момент смерти и создать у жи-

вущих правильное представление о смерти, чтобы они не мешали умирающему выражением своего горя и он мог бы уйти из жизни в подобающем духовном состоянии. «Книга» содержит подробное описание различных стадий, через которые проходит «душа» после физической смерти. Ранние из этих стадий напоминают то, о чем рассказывают лица, пережившие клиническую смерть. Так, в ней описаны мгновения, когда «душа» отделяется от тела, будто бы тогда умирающий начинает осознавать, что он обладает каким-то новым, нематериальным телом, которое способно почти мгновенно перемещаться, восприятие же приобретает якобы невиданную остроту. Если в физической жизни он был глух, слеп или искалечен, то теперь все его утерянные способности возвращаются к нему. Потом перед умершим предстает нечто вроде «зеркала», в котором отражается вся его жизнь и все хорошие и дурные дела¹⁵. «Тибетская книга мертвых» содержит и описание более поздних стадий смерти, о которых ничего не могли сообщить Р. Муди его информаторы, живущие в XX в.

Анализируя вышеприведенные «примеры», их невероятные совпадения, человек, совершенно естественно, задается вопросом: а не так ли это и есть все на самом деле? Проверить такой опыт экспериментальным путем ведь невозможно. Человек вольно и невольно подпадает под притягательность иллюзии извечного стремления людей к бессмертию и отвращения к смерти. Естественные науки здесь должны сказать свое веское слово, да и не только они.

На основе обширного фактического материала современного естествознания западногерманский психиатр Х. фон Дитфурт пытается дать интерпретацию феномена жизни. В ряде своих книг («Вначале был водород», «Мы не только от мира сего. Естествознание, религия и будущее человека» и др.) он стремится обосновать тезис о том, что новейшие достижения точных и естественных наук дают якобы реальные подтверждения идеалистическому истолкованию мира и религиозному философству¹⁶. «На сегодняшний день, — считает Дитфурт, — уже имеются примеры того, что открытия в области естественных наук и применяемые ими модели мышления неожиданным образом подтверждают верность древних постулатов веры»¹⁷. Как видим, естественнонаучные изыскания Дитфурта носят религиозно-мистический характер.

Дитфурт исходит из положения, что не может быть доказательства материального, небожественного происхождения материального мира в целом, а также общества и человека, так как материалистическая аргументация в силу бесконечного характера процесса познания не может быть завершена. Каждое новое открытие влечет за собою цепь других открытий, поэтому вопрос о «первопричине» остается актуальным, несмотря, как он полагает, на «ухищрения» естествоиспытателей-материалистов.

Дитфурт начинает свою аргументацию с правильно-го положения о том, что «началом начал» был водород и история Вселенной является одновременно «естествен-ной историей водорода». Нельзя не согласиться и с тем утверждением, что венцом «эволюции водорода» стало появление существ, обладающих сознанием и разумом. Следующим же этапом развития, по словам Дитфурта, будет объединение всех культур Млечного Пути «в один мощный галактический надорганизм, обладающий соз-нанием». Это «супергалактическое» сознание должно быть необходимым результатом «всего того, что проис-ходило в прошедшие тринацать миллиардов лет». Од-нако в полном противоречии с данными естествознания последовательно и настойчиво Дитфуртом проводится следующая основная идея: «Природа потому могла соз-дать не только жизнь, но также мозг и наше человечес-кое сознание, что дух, воображение и стремление к цели выступали в этом мире всегда, с первой минуты его существования»¹⁸.

Свои представления о «духовной первопричине» Дит-фурт иллюстрирует на примерах «ископаемой молекулы» и «первоклетки». «Прежде чем человек смог позво-лить себе роскошь создания крыльев, антенн и других специальных приборов, необходимо было обеспечить сначала элементарные функции поддержания жизни, на-пример обмен веществ. «Генеральные моменты жизни» должны быть воплощены в реалии прежде, чем все спе-циальные дополнительные атрибуты, выходящие за рам-ки самого необходимого»¹⁹.

Дитфурт считает, что постоянными носителями эле-ментарных жизненных процессов являются энзимы — биологические катализаторы, присутствующие во всех живых клетках и осуществляющие превращение веществ в организме. Сложное строение энзимов делает каждый из них уникальной «молекулярной индивидуальностью»,

идентификация которой с абсолютной точностью может быть произведена в самых различных организмах. Таким образом, подобие всего живого отмечается здесь на молекулярном уровне. Тот факт, что это молекулярное подобие охватывает, очевидно, все существующие формы жизни, доказывает, что все они родственны между собой²⁰.

Дитфурт старается соединить иррациональный фидеизм и рациональное естествознание на основе того, что представляет постулаты религии некими эмоциональными концепциями, получающими дальнейшее-де развитие в системе рационального естествознания. «Поскольку, — пишет он, — понятия и иллюстрации, посредством которых мы описываем мир сегодня с позиций естественных наук, являются правомерными как язык нашей культурной эпохи, точно так же правомерны понятия и иллюстрации, посредством которых люди в прошедшие времена в соответствии со своим уровнем понимания и знаний пытались сформулировать и описать те же самые явления в религиозной форме»²¹.

Для обоснования иррационально-мистической интерпретации феномена жизни, по мнению Дитфурта, используется также и проблема смысла разумной жизни. Оказывается, «смысл жизни» обусловлен духовным якобы родством множества цивилизаций, не имеющих-де возможности общения друг с другом, но, по его версии, стремящихся к такому общению. «Это означает, — делает вывод Дитфурт, — что имеются миллиарды планет с живыми существами на уровне ниже достигнутого на Земле, равно как существуют миллиарды других планет, заселенных уже в настоящее время существами, значительно обогнавшими в своем развитии земную цивилизацию»²². Наряду с этим, как утверждает Дитфурт, существуют области, которые называют трансцендентными, ибо они полностью недоступны, но существование их будто бы несомненно. Из нарисованной картины космической и биологической эволюции Дитфурт делает соответствующее концептуальное заключение о завершающей стадии эволюции и смысле разумной жизни во Вселенной. «Естественный конец эволюции, — провозглашает он, — представляется идентичным тому далекому мгновению, когда посюсторонний мир и потусторонний дух совершенно откроются друг другу»²³.

Место земной цивилизации во Вселенной Дитфурт представляет в сопоставлении с двумя направлениями

современной космологии и философии. Согласно первому направлению, в огромных пространствах Космоса число цивилизаций, аналогичных земной, только в пределах Млечного Пути может достигать 1 тыс. Согласно второй точке зрения, вероятность «случайного» возникновения цитохрома *C*, необходимого для регулирования процесса обмена веществ в живых организмах, весьма мала — 1 из 10^{130} , т. е. практически равна нулю, так как наряду с цитохромом *C* в организме имеются еще около 1000 ферментов, столь же необходимых для нормальной жизнедеятельности. Таким образом, число различных вариантов возможного расположения 20 аминокислот, из которых состоит цитохром, в 104 позициях, образуя молекулу фермента, значительно превосходит число атомов во Вселенной. Это исключает, по мнению Дитфурта, возможность «случайного» возникновения жизни, аналогичной земной, в других мирах, но дает основание полагать, что земная жизнь возникла не случайно, а имела определенную трансцендентную предысторию своего развития. По глубокому убеждению Дитфурта, уникальной во Вселенной является не разумная жизнь, а ее конкретная земная форма «Гомо сапиенс», а что же касается других форм, то они не только могут, но и обязательно должны иметь место в космосе²⁴.

Останавливаясь на вопросе о смысле разумной жизни, Дитфурт считает, что если разумная жизнь на Земле и есть уникальная случайность в пределах мироздания, то существование человека действительно не имеет смысла. Этот смысл якобы придает ему концепция неизбежного возникновения разумной жизни в различных точках Вселенной в различных формах ее эволюции. «Эволюция может быть определена как процесс развития, — считает Дитфурт, — в ходе которого космос (материя. — В. П.) начинает сливаться с определенным принципом, являющимся предпосылкой и для его возникновения, и для порядка, формирующегося в историческом процессе развития космоса»²⁵.

Рассматривая концепцию Дитфурта с позицийialectического материализма, можно наглядно составить себе представление, как происходит включение религиозно-мистического подхода к проблеме человеческой жизни в основания объективного научного исследования. Не следует при этом забывать о том, что в основе эсхатологии, представленной в работах Д. Икеды, Х. фон Дитфурта, в Библии, Коране, «Тибетской книге

мертвых», лежит вера человека в бессмертие, желание жить вечно, что эсхатология стремится дать человеку соответствующую иллюзорную картину.

Несостоятельность религиозно-мистической интерпретации феномена человеческой жизни

Достижения современной науки адекватны принципам диалектико-материалистического мировоззрения и показывают несостоятельность религиозно-мистического подхода к проблеме феномена человеческой жизни, раскрывают иллюзорный характер различного рода эсхатологических мотивов. Ведь религиозно-мистическая интерпретация фундаментальных проблем жизни и смерти человека своими корнями уходит в такую архаическую систему верований, как шаманизм. Благодаря выработанным психотехническим приемам шаман способен погрузиться в сферу сновидений и галлюцинаций, его путешествие в «стране духов» — это фактически путешествие по скрытым слоям человеческой психики. Вне поля сознания, которое активизировано в условиях нормальной социокультурной деятельности человека, существует эта скрытая сторона психики — сфера бессознательного.

В позитивном аспекте бессознательное является специфическим отражением действительности, выражением потребностей организма и переживанием определенной модальности¹. Естественно, что оно является одним из моментов человеческого творчества, однако особым моментом. Не случайно советский ученый П. Симонов отмечает, что «неосознаваемость определенных этапов творческой деятельности мозга» связана с консерватизмом сознания и тенденцией человека необдуманно использовать полученное знание. «Диалектика развития психики такова, — утверждает он, — что коллективный опыт человечества, сконцентрированный в сознании, должен быть защищен от всего случайного, сомнительного, не подтвержденного практикой, подобно тому как природа оберегает генетический фонд наследственности от превратностей внешних влияний»².

Важным для понимания бессознательного является факт его структурности. К структурным компонентам бессознательного относятся: ощущения; автоматизмы психической деятельности; импульсивные действия; информация, накапливаемая в течение всей жизни; уста-

новка как психический феномен. Сфера бессознательного — это также и иллюзорный мир сновидений³. Именно «путешествие» в глубины иллюзорного мира сновидений и галлюцинаций представляет неотъемлемый элемент любых мистерий-культов, начиная от элевсинских, орфических, самофракийских в Древней Греции и кончая практикой современных мистиков. Через участие в разного рода мистических действиях адепт якобы постигает тайну «бессмертия», подготавливается к будущей смерти, учится преодолевать страх перед ней и укреплять веру в существование вечного внеземного существования.

Обрядовое путешествие неофита в страну смерти означает не только его метафорическое обновление. Оно является также средством достижения того, что находится как бы «по другую сторону» обычной человеческой жизни. Это — мистическая попытка создания полного образа бытия, обогащенного всем тем, чего не дает обыденный жизненный опыт: углубление в вечность, прикосновение к будущему, достижение глубин бессознательного. Особенно рельефно это стремление проявляется в эзотерических практиках медитационного характера, которые развиты на Востоке. Например, религиозная практика адептов тантризма: тот не может стать тантристом, кто не установил связь с богиней смерти (в индуизме это богиня Кали).

Мифологизированная смерть перестает быть только дорогой в никуда. Фантастика смерти в определенных социальных условиях порождает фантастику «иных», загробных, миров, которая сейчас культивируется на Западе различными религиозно-мистическими направлениями и философским иррационализмом. Именно в условиях жестокой действительности современного буржуазного общества происходит распространение такого древнего явления, как мистицизм континентального Востока, когда провозглашается примат духа над материей, когда преодоление природы совершается посредством редуктирования сознания индивида к духовной «пустоте», т. е. слияния сознания с универсумом, сутью которого является небытие. Ведь «с традиционной восточной точки зрения подлинная реальность есть небытие, отсутствие форм, но где все уже есть и время от времени выплывает в феноменальный мир»⁴. Необходимо отметить, что в рамках буржуазной цивилизации данная концепция служит теоретической основой для идеалистич-

ческих и религиозно-мистических интерпретаций природы мира и человека.

Осознание человеком конечности своего существования порождает драматизированное представление о времени. Не случайно время является средством психологизированного представления человека и его бытия в литературе и искусстве Запада, а также объектом размышления экзистенциалистов. Последние абсолютизируют значимость субъективного времени, интерпретируя время в духе «потока сознания». Для экзистенциалистов время «состоит... из небытия»⁵. Такого рода истолкование временной природы человека весьма близко к восточным религиозно-философским концепциям человеческого существования. Из неадекватности идеалистических и мистических концепций мира и человека данным науки следует несостоительность религиозно-мистического толкования проблемы жизни и смерти человека. Прежде всего это касается вселенской «жизненной силы», которую Д. Икeda возводит в ранг фундаментального мировоззренческого принципа, определяющего стратегию научного поиска.

Начатые советскими учеными исследования индивидуального развития живых систем показывают ненужность принципа вселенской «жизненной силы». В нем отражается изоморфность структур и явлений живых систем физическим структурам и явлениям. Действительно, организация индивидуального развития отражает некоторые более общие принципы организации материи, что следует из универсальной роли генома (т. е. ДНК), который определяет в конечном счете как план развития, так и план регуляции развития. Достигнутые результаты в области исследования общих логических принципов «организации мира заставляют рассматривать поведение развивающихся живых систем как некий частный случай этой организации, в связи с чем привлекательна аналогия между поведением таких систем и поведением элементарных частиц, описываемых в квантовой механике соотношением неопределенностей и волновой функцией»⁶.

Обнаружение в живых системах структур и элементов, изоморфных известным физическим явлениям, дает возможность использовать в биологии математический и логический аппарат современной физики, чтобы описать и формализовать процессы онтогенеза, а также выявить новые, неизвестные закономерности морфогенеза. Более того, наличие общих черт структур живых и фи-

зических систем в методологическом плане позволяет на основе знания специфики генетического кода выдвинуть физическую гипотезу о природе закономерностей Вселенной. Генетический код представляет собой некоторый вид символической активности, т. е. язык. «Ограничение концепции языка только рамками человеческой коммуникации означало бы по сути дела отказ от генетического подхода к изучению многочисленных этапов эволюции систем функционирующих символов, ответственных за возникновение самого языка»⁷. Важно то, что обычная молекула, которая подчиняется известным физическим законам, приобретает специфическое качество быть сигнальной молекулой, несущей сообщение. Имеется идея, согласно которой глобальная динамика развития системы детерминирована взаимодействием интегрированных в ней уровней структуры и уровней описания. Существенную роль в координации и развитии сложной системы играет соответствующий язык.

По сути, когда Р. Муди измененные состояния сознания, вызванные клинической смертью, интерпретирует в мистическом духе, речь идет о нащупывании наукой эмпирических, досознательных оснований различных религиозных и мистических систем и веры в бессмертие. Агонизирующее сознание необходимо исследовать серьезно и всесторонне. В разных странах мира люди, которые перенесли клиническую смерть, вспоминают картины, воспроизводят образы, во многом сходные между собой. Советские реаниматологи считают в связи с этим, что процесс угасания функций центральной нервной системы (ЦНС) зависит от степени устойчивости тех или иных структур мозга к гипоксии. Этот процесс имеет свою последовательность (хотя бывают и исключения), характерную для процесса умирания вообще⁸.

Здесь в результате активации следов, хранящихся в долговременной памяти человека, происходит субъективное переживание заново всей жизни, а также «путешествие души», о котором повествуется обычно в эсхатологических текстах. Действительно, в последнее время в науке все больший вес приобретает биохимическая теория памяти. Суть ее заключается в следующем: различные виды обмена веществ, и прежде всего рибонуклеиновой кислоты (РНК), под воздействием биоэлектрических потенциалов, вызванных анализаторами, лежат в основе образований белка, который несет закодированную информацию. Когда в мозг поступает информация,

аналогичная предыдущей, происходит резонанс тех нейронов, в которых сохранился след. Нарушение нуклеинового обмена, и в первую очередь РНК, вызывает расстройства памяти⁹. К тому же следует учитывать тот немаловажный факт, что информация, записанная в ДНК, РНК и белках, выражается химическим языком. Такой принцип записи информации гораздо эффективнее принципа, используемого в нынешних электронно-вычислительных машинах¹⁰. В момент клинической смерти и происходит извлечение информации в виде зрительных образов, накопленной индивидом в течение всей его жизни и записанной в ДНК, РНК и белках. Эксперименты показывают, что аналогичные визуальные образы прошлого можно вызывать пропусканием тока через вводимые в мозг тончайшие золотые электроды.

С материалистических позиций, не впадая в спиритуализм и мистицизм, можно объяснить и то, что в состоянии клинической смерти субъективное время человека резко удлиняется. Известно, что психика нормально функционирующего человека слагается из слоя сознания и сферы бессознательного. Последняя выполняет, как указывалось выше, консервативную, охранительную функцию, ибо предохраняет сознание от информационных перегрузок. Сама сфера бессознательного формируется у индивида при освоении им мира культуры, в котором накоплены и спрессованы знания, навыки, умения и опыт, приобретенные обществом в течение длительного развития. В состоянии клинической смерти разрушается барьер между слоем сознания и сферой бессознательного, так как предохранительная функция сферы бессознательного уже не нужна. Происходит изменение сознания за счет подключенной сферы бессознательного, несущей колоссальное количество информации об окружающем мире. Благодаря этому подключению на уровне сознания индивида происходит замедление субъективного времени.

Что же касается эффекта самонаблюдения, «оторванности» от себя, то он представляет собой не путешествие в «неземной мир», а галлюцинаторное действие. Подобное ощущение возникает в результате приема психохеликов, т. е. наркотических веществ. Специальными исследованиями установлено, что ЛСД и другие психотомиметические средства создают условия для накопления дофамина, способствуют увеличению чувствительности к нему рецепторов. Кроме того, оказалось, что в

мозгу человека существуют специфические места связывания для ЛСД и психотомиметиков. Наличие этих механизмов и объясняет появление у человека галлюцинаций под воздействием наркотических веществ¹¹.

Действительно, введение ЛСД даже в весьма малых дозах вызывает у нормального человека характерную картину психоза, которая достигает максимума через 3 часа после приема. В самом начале происходит нарушение зрительных восприятий, цвета становятся необычайно яркими и как бы выходят за рамки предмета; предметы приобретают большую рельефность, лица — выразительность, жесты — театральность. Происходит нарушение «схемы тела», появляется необыкновенная легкость, ускоряется (иногда замедляется) течение времени. «На этом фоне затем развиваются яркие зрительные галлюцинации, нередко фантастического содержания, которые могут сочетаться со слуховыми, обонятельными, тактильными галлюцинациями»¹².

Перед нами характерная картина деперсонализации, утрата личностной определенности. У человека возникает впечатление отчужденности от собственного тела, как если бы он глядел на своего двойника в зеркале. Деперсонализация представляет собой один из механизмов повышения резистентности организма к стрессу, возникающему у человека во время необычных или травматических переживаний. Можно сказать, что эффективность функционирования деперсонализации как защитного механизма психики происходит за счет проявляющихся в измененных состояниях сознания явлений дестабилизации функций сознания и переструктурирования личностных систем. Если проанализировать проблемы «социологии умственных расстройств», то феномен деперсонализации будет свидетельствовать о том, что «в различных обстоятельствах человек может отделять себя от Я-концепции»¹³.

Необходимо отметить, что возникающие в состоянии измененного сознания различного рода галлюцинации обусловлены существованием межполушарной асимметрии человеческого мозга. В нейрофизиологии подобного рода галлюцинации объясняются постепенным переходом информации из кратковременной памяти в долговременную. Речь идет о так называемой гипотезе консолидации, подтверждающейся многочисленными клиническими данными¹⁴. Таким образом, многие разнообразные галлюцинации имеют физиологический эквивалент

в существовании межполушарной асимметрии человеческого мозга. Данные психологии измененных состояний сознания вполне укладываются в рамки научного,ialectико-материалистического мировоззрения и не нуждаются в идеалистической и религиозно-мистической интерпретации. Иное дело, что эта наука, психология измененных состояний сознания, находится в стадии становления, поисков уравнений, описывающих трансформации между объективным и субъективным пространством — временем.

В свое время В. И. Ленин отмечал, что в живом нет ничего, кроме тех же атомов, которые составляют основу неживого. Дело лишь в их особой организации, в особой форме движения. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин писал, что «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи...». Дело заключается в том, чтобы «исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к... дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути...»¹⁵. Современные научные исследования подтверждают эти слова Ленина и позволяют с позиций материализма очертить место феномена жизни в рамках формирующейся квантово-релятивистской картины мира.

В последнее время в релятивистской космологии идет интенсивная разработка «сценариев» раздувающейся Вселенной. Основная идея «сценария» состоит в том, что «Вселенная на самых ранних стадиях своей эволюции могла находиться в неустойчивом вакуумно-подобном состоянии, обладающем большой плотностью энергии». Затем в результате развития неустойчивости вакуумо-подобное состояние распадается, вся его энергия превращается в тепловую и во всей Вселенной температура сильно повышается. С этого момента эволюция Вселенной описывается стандартной теорией горячей Вселенной. Изменение температуры сверхплотного вещества вызывает целый ряд фазовых переходов, в результате которых резко меняются и свойства элементарных частиц, и вещества. Эти фазовые переходы должны возникать при охлаждении расширяющейся Вселенной¹⁶.

Еще в 50-х годах советские ученые писали о том, что свойства нашей Вселенной удивительно «приспособлены» к развитию в ней жизни¹⁷. Однако, «оставаясь на материалистической позиции, конечно, нельзя считать, что Вселенная была специально создана для того, чтобы на каком-то этапе ее развития в ее крохотных пространственно-временных областях возникла жизнь, даже разумная жизнь. Какой же вывод остается сделать? Только один: считать, что наблюдаемая нами Вселенная не существует, так сказать, в единственном числе, а имеется огромное, скорее всего бесконечное, множество разных вселенных (с маленькой буквы). В своем подавляющем большинстве эти вселенные «пустые», т. е. безжизненные. И лишь невообразимо редко, с ничтожнейшей вероятностью среди них попадаются объекты, более или менее похожие на нашу удивительную и прекрасную Вселенную (с большой буквы)»¹⁸.

Для возникновения жизни во Вселенной необходимо выполнение ряда условий: наличие нуклеосинтеза, звездообразования, трехмерного пространства, в котором только и могут существовать атомы, планетные системы и др. Открытия в области космологии дают основания для утверждения, что «жизнь есть результат естественных процессов, происходящих во Вселенной»¹⁹. В связи с проблемой жизни наиболее существенным элементом химической эволюции, разыгрывающейся во Вселенной, является трансформация углеродных соединений, лежащих в основе возникновения земной жизни.

Углерод относится, бесспорно, к наиболее распространенным элементам в космосе, ибо для своего нуклеосинтеза он не требует (подобно таким легким элементам, как гелий, азот или кислород) никаких необычных источников энергии, например в виде вспышек «сверхновых» звезд. Присутствие углерода обнаружено в спектрах всех классов звезд. Правда, в звездах, температура поверхности которых составляет около 25 000°C, углерод выступает только в ионизованном состоянии или в виде атомов. Но уже в звездах класса A с температурой поверхности около 10 000°C имеются условия, способствующие возникновению соединений углерода с водородом. Количество этих соединений возрастает по мере уменьшения температуры звезд. В случае Солнца, температура поверхности которого составляет около 6000° С, установлено наличие простейших углеводородов и циана²⁰. Наиболее интересными в этом плане яв-

ляются углеродные звезды, называемые также «красными гигантами». Они характеризуются значительным избытком углерода относительно кислорода, что позволяет предполагать существование в их атмосферах значительного количества различных углеродных соединений.

Согласно результатам исследований английского астрофизика Ф. Хойла, в атмосфере углеродных звезд постоянно возникают зерна графита размером порядка нескольких сот ангстрем, которые под влиянием давления света выталкиваются в межзвездное пространство, образуя там облака графитовой пыли и становясь в этой среде источником разнородных углеродистых соединений. В настоящее время имеются указания на то, что частицы космической пыли обладают сложным строением — силикатное ядро, окруженное оболочкой из органических веществ, в которой, очевидно, протекают различные химические процессы²¹. Многочисленные звезды являются местом первичного синтеза исходных углеродных соединений, которые могут быть рассматриваемы как предвестники более сложных органических соединений. «Известный афоризм, что и мы и звезды сделаны из одного материала, — не пустые слова. Атомы, из которых состоят различные молекулы атмосферы, земной коры, рек, озер и океанов, растений и животных, возникли при рождении Галактики»²².

В Галактике непрерывно происходит процесс формирования новых звезд из межзвездной материи, но одновременно возникшие звезды отдают часть своего вещества окружающей их среде, обогащая ее углеродными соединениями. Таким образом, в космическом пространстве возникают условия, благоприятные синтезу различных органических соединений. В межзвездных газопылевых облаках могут развиваться сложные химические процессы, в результате которых в космическом пространстве накапливается все больше простых и более сложных органических субстанций. Так, радионаблюдения показывают, что в нашей Галактике звездообразующие облака включают в себя такие органические межзвездные молекулы, как муравьиная кислота, формальдегид, этанол и др.²³, что в некоторых участках туманности Андромеды имеются молекулы циана и формальдегида²⁴.

Источником возникающих в Космосе углеродных соединений являются не только горячие атмосферы звезд, но и ледяные зерна межзвездной пыли. Это означает,

что углеродные органические соединения могут возникать, существовать и эволюционировать в весьма широком интервале температур в границах от 3000°К (атмосферы углеродных звезд) до 2°К (газопылевые облака). Это является главной причиной того, что и атмосферы звезд, и образования газопылевой материи, и небесные тела типа комет, а также и все межзвездное пространство насыщены большим обилием углерода и его соединений²⁵.

Исследования в области квантовой химии холода показали, что благодаря специфически квантовому явлению, так называемому «туннельному эффекту», химические реакции могут идти даже при температурах, близких к абсолютному нулю²⁶. Из экспериментов следует, что реакции полимеризации твердых органических веществ происходят непосредственно в ходе облучения вещества ультрафиолетом уже при температуре жидкого гелия (-269°C). Значимость этих исследований состоит в том, что они показывают возможность синтеза органических молекул, которые составляют основу живой материи, в условиях космического холода под действием космической радиации. Очевидно, «туннельный эффект» играет достаточно важную роль в функционировании биомолекул, он «работает» как в области глубокого холода, так и в области температур выше 200°К²⁷.

Одним из основных процессов, лежащих в основе функционирования реальных биосистем, является перенос (с помощью «туннельного эффекта») электрона в белке²⁸. В результате этого происходит перестройка ядерной конфигурации макромолекулы, которая оказывает влияние на биоэнергетику клетки. Имеются данные о том, что «туннельные эффекты» в многоатомных системах определяют формирование таких биологических свойств, как раздражимость и возбудимость²⁹.

Важность квантовомеханических методов исследования в биохимии заключается в том, что основную роль в жизненных процессах играют делокализованные электроны. Их источниками являются те природные элементы, которые составляют основную часть биохимических веществ. Известно, что живые системы на 99% состоят из водорода, углерода, азота и кислорода, причем последние три элемента наиболее легко образуют кратные связи. Сюда же относятся и такие весьма важные для биохимических процессов элементы, как сера и фосфор. Эти пять элементов даже в случае одинарных связей

располагают «неподеленной парой электронов», способной делокализоваться и связывать сопряженные участки. Поэтому неудивительно, что все «наиболее важные биохимические вещества, связанные с основными функциями живой материи или осуществляющие эти функции, представляют собой полностью или по крайней мере частично сопряженные системы»³⁰.

К соединениям с сопряженными связями, составляющим основные структурные и функциональные единицы живой клетки, относятся нуклеиновые кислоты, белки, богатые энергией фосфаты и большинство ферментов. Так как эти соединения относительно сложны, а природа не прощает излишеств, то они обладают некоторой существенной особенностью, позволяющей им участвовать в жизненных процессах. Этой особенностью является делокализация электронов, придающая молекуле дополнительную устойчивость (т. е., например, может определять устойчивость молекул к действию излучений и представлять основу для отбора на молекулярном уровне) и обеспечивающая возможность таких реакций, которые не характерны для молекул других типов. Динамичность жизни согласуется с динамичностью «электронного облака» в сопряженных молекулах. Следовательно, такие системы можно рассматривать и как исходную структуру, и как главную основу жизни³¹. Таким образом, оказывается, что для объяснения основ жизни нет необходимости привлекать концепцию «духовной причины» Дитфурта или концепцию вселенской «жизненной силы» Икеды, об иррациональности и мистичности которых у нас уже шла речь. Более того, в «модельной теории» М. Эйгена просматривается возможность самоорганизации живой материи на основе существующих принципов физики³².

Научные исследования подтверждают ложность идеи о том, что земная жизнь имеет «трансцендентную предысторию своего развития». Данная идея аргументировалась тем, что «вероятность «случайного» возникновения цитохрома С... практически равна нулю». Однако в действительности цитохром С, который переносит электроны, необходимые для биологического окисления, является одной из самых маленьких белковых молекул. Его молекулярный вес равен 13 000, а полипептидная цепь состоит из 100 аминокислотных остатков. Молекула цитохрома С может иметь $20^{100} \approx 10^{130}$ различных последовательностей аминокислот. Для реализации всех этих

возможностей потребовалось бы в невообразимое число раз больше вещества, чем можно найти на всем «небесном своде»³³. Действительно, все вещество во Вселенной, если пересчитать его на атомы водорода, составляет 10^{78} атомов водорода, масса же Земли равна 10^{51} атомов водорода. Из сравнения порядка величин: 10^{130} , 10^{78} , 10^{51} — следует, что «не имеет смысла уходить во Вселенную, чтобы реализовать концепцию, для которой «нет места» на Земле»³⁴.

Еще более ошеломляющий результат получается в аспекте времени. Возраст Вселенной равен 10^{17} с. Ферментативному аппарату, чтобы разорвать или образовать одну пептидную связь, необходимо время порядка 10^{-3} — 10^{-2} с. Для реализации альтернативных последовательностей 10^{130} не хватит и времени существования Вселенной. В организме же около тысячи ферментов, которые ускоряют биохимические реакции в десятки тысяч и даже миллионы раз³⁵. В этом случае вероятность спонтанного возникновения жизни, а также дальнейшей ее эволюции практически равна нулю³⁶. Однако это противоречит принципу «эволюционной непрерывности», согласно которому эволюция совершилась постепенно и последовательно.

Против иррационально-мистического истолкования природы жизни, в пользу ее естественного происхождения свидетельствуют данные современной науки. Действительно, в наблюдаемой Вселенной существуют фундаментальные взаимодействия всего лишь четырех типов: гравитационные, электромагнитные, «сильные» и «слабые». Эти четыре взаимодействия представляют значительный интерес в философском плане³⁷. Именно гравитация «скрепляет» скопления галактик, галактики, звезды, планеты на солнечных орbitах, удерживает нас самих на земной поверхности. Электромагнитное взаимодействие обусловливает относительную стабильность атомов и молекул, образующих человеческий организм. «Сильное» взаимодействие, связывая вместе протоны и нейтроны, приводит к существованию большого числа различных атомных ядер, а значит, и атомов и химических элементов, лежащих в основе множества разнообразных молекул, без которых невозможна жизнь. «Слабое» взаимодействие инициирует процесс «горения» звезд, в результате которого образуются элементы, необходимые для возникновения жизни. Более быстрые ядерные реакции, зависящие от «сильных» и электромаг-

нитных взаимодействий, в результате дают альфа-частицы. В этом процессе освобождается значительное количество энергии, примером чего является энергия Солнца. «Слабое» взаимодействие, вызывающее взаимопревращения протона и нейтрона в процессе бета-распада, приводит к возникновению в недрах звезд более массивных ядер (тяжелых элементов). Без таких фундаментальных взаимодействий, как гравитационное, электромагнитное, «сильное» и «слабое», не смогла бы возникнуть жизнь, в том числе и человек.

Одним из существеннейших условий нашего существования является баланс между веществом и излучением всех длин волн во Вселенной $1 : 10^9$. В противном случае «нас просто не существовало бы»³⁸. Не случайно становится актуальной дискуссионная проблема существования внеземной жизни и множественности обитаемых миров. В некоторых наших источниках эта проблема рассматривается как пограничная проблема естествознания³⁹.

Каково место и значение феномена жизни и человека во Вселенной? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ, поскольку существует несколько точек зрения. На основе эволюционной теории может быть дано три ответа. Во-первых, возникновение земной жизни (а следовательно, и происхождение человека) является абсолютным случаем в истории всей Вселенной (Ж. Моно), т. е. проблема внеземной жизни вообще не имеет смысла. Во-вторых, основные этапы биологической эволюции аналогичны таковым земной эволюции, и в некоторых случаях могут возникнуть разумные существа гуманоидного типа. В-третьих, реальная эволюция земной жизни и ее гипотетические формы в космосе представляют собой вероятностные и уникальные процессы⁴⁰.

Последнюю позицию один из западных ученых комментирует так: «Процесс развития жизни у нас на Земле может быть более или менее типичным для эволюции во многих других мирах; но в таких узких областях биологии, как белковый состав и нейрология мозга, история жизни на Земле, возможно, уникальна во всей галактике Млечного Пути»⁴¹. Иначе говоря, земная биологическая эволюция уникальна, однако это не исключает существования внеземных форм жизни, а значит, и внеземных цивилизаций⁴².

Одиночко ли человечество во Вселенной? Или где-нибудь другие разумные существа смотрят на свое ночное

небо из разных миров и задают тот же самый вопрос? Существуют ли более развитые, чем наша, цивилизации, которые достигли межзвездной коммуникации и установили сеть связанных между собой обществ в нашей Галактике? Такие вопросы, рожденные глубочайшими проблемами природы и судьбы человечества, долгое время находились в компетенции теологии и спекулятивной фантазии. Теперь эти проблемы не нуждаются в идеалистических и религиозно-мистических интерпретациях, сегодня они начинают входить в сферу научных исследований, данные которых вполне укладываются в рамки научного, диалектико-материалистического мировоззрения. Ведь ничто не вечно в природе, кроме материальной субстанции, проявляющейся в изменчивых формах вещей и явлений.

Рассмотренные выше вопросы с особой остротой подчеркивают необходимость принципиальной постановки проблемы смысла человеческой (разумной) жизни. Анализ постановки этой проблемы в истории человеческой мысли показывает, что ее решения в различные эпохи, несмотря на свое разнообразие, в основном были иллюзорными и ограниченными, поскольку тогда еще не могли познать реальные механизмы функционирования общества, закономерности его развития.

Проблема смысла жизни — это проблема генеральной линии жизни, ориентация человека на определенную систему ценностей, регулирующую его жизнедеятельность. Смысл жизни является одной из специфических ориентировочных человеческих потребностей, он закрепляет формы поведения человека⁴³. Как свойством птицы является потребность летать, так и человеку присуща потребность иметь смысл жизни. Стремление человека осознать свое место в мире, установить «что он есть», стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой, является одной из высших социальных потребностей. Вопросы «для чего жить?», «во имя чего жить?» связаны с вопросом «как жить?». Проблема смысла жизни на социально-нравственном уровне выражает проблему соотношения конечного бытия человека и бесконечного бытия мира в целом, соотношения смертности и бессмертия, которая по-разному звучит в зависимости от социально-исторического контекста, от условий человеческого бытия.

Экология, «этическая революция» и уфология

Феномен жизни в современную эпоху нельзя рассматривать, не учитывая сложившейся экологической ситуации, которая затрагивает самые основы существования цивилизации. Вопрос стоит о загрязнении окружающей среды, истощении природных ресурсов. Обстановка обостряется не только сверхнагрузками на природные системы вследствие НТР, усиления и роста масштабов деятельности человека, но и игрой рыночных сил в странах капитализма, угрозой термоядерной войны, гонкой вооружений и т. д. Понятно, почему экология выдвигается на передний план в системе наук. В мировоззренческом и методологическом аспектах значимость экологии состоит в том, что именно она «формирует самосознание цивилизации, составляет исходный пункт научного отношения человека к природе»¹.

Экологические проблемы в современном мире носят глобальный характер. Вокруг них развернулась острые мировоззренческая борьба идей. И в этой борьбе для философов-материалистов встает задача отстоять научные способы решения экологических проблем.

Сейчас теологи и философы-идеалисты Запада и Востока утверждают, что для преодоления глобального экологического кризиса необходимо возродить древние религиозно-мистические учения о единстве человека и природы. Поэтому неудивительна тенденция к возрождению пантеистических взглядов на природу, окрашенных в мистические тона. Такого рода пантегионизм, растворяющий природу в боге, есть пантегионизм — религиозно-философское учение, согласно которому мир пребывает в боге, а бог проявляет себя в мире.

Современные пантегионисты, а также буржуазные учёные-идеалисты (С. Х. Наср, А. Тойнби, Э. Фромм, У. Р. Джекобс, Б. А. Леви и др.) усматривают ключ к преодолению экологического кризиса в суфизме, даосизме, буддизме, синто и пр.² Так, С. Наср считает, что «необходимо признать ограниченность западной науки в сфере «освоения природы» и обратиться к традиционным учениям Востока, наукам великих восточных цивилизаций, прежде всего китайской и японской, индийской и исламской». Хотя они и различаются между собой, рассуждает Наср, их объединяет метафизический принцип исследования природы как сферы бытия, пронизанной «разумным высшим светом»³.

Китайская традиция, особенно даосизм, считает С. Наср в книге «Человек и природа», понимает Землю не как «профаническую природу», а как «образ божественного прототипа». Созерцание этого «образа» приводит к реальности, именуемой «небо». Цель мудреца в том, чтобы быть «в гармонии с природой, так как эта гармония ведет к гармонии с людьми и к гармонии с небом. Следует принять ритмы и нормы природы, а не стремиться к господству над ней». Но вместе с тем «таже самая китайская цивилизация, — подчеркивает Наср, — в которой культивировалось созерцательное отношение к природе и где препятствовали прикладному использованию естественных наук, развивала физику, математику, астрономию и естественную историю. Эта же самая цивилизация известна истории и благодаря своему технологическому умению и гению»⁴.

Для даосизма природа в определенном аспекте является сакральной: все космические явления обладают таинственным значением, выступают символами реальности более высокого порядка, одновременно скрывая и обнаруживая ее. И структура космоса, и религия — проявления всеобщего разума, логоса. Наср указывает, что развитие науки и техники в европейской цивилизации сорвало покров сакральности и духовности с отношения к природе. В итоге, по его мнению, нарушилась гармония между природой и человеком, между человеком и богом⁵. Опасность воцарения хаоса на Земле существует потому, считает Наср, что западный человек всегда стремился и стремится оставаться исключительно земным существом. Современные экологические исследования могут преодолеть некоторые препятствия, вызванные фрагментарным и специализированным исследованием природы, но не в состоянии решить более глубоких проблем, касающихся человека. Сам человек нарушил экологическое равновесие, он внес элементы небиологического происхождения в природу. Как говорит Наср, «духовный мятеж человека против неба заразил землю»⁶. Только синтез научного познания мира с мистическим пантеизмом суфииев, по мнению Насра, и дает возможность найти выход из экологического кризиса. Для этого он советует обратиться к Корану, который якобы дает полное истолкование природы, к исламу, который-де в состоянии установить гармонию между человеком и землей (но прежде между человеком и небом), а затем сменить потребительское отношение к при-

роде созерцательностью и благоговением⁷.

Дальнейший ход размышления Наср сосредоточивается на противопоставлении характера западной и восточной наук. Западная наука, рассуждает он, на своем пути отбрасывала малейшую возможность существования других (восточных) наук о природе, объявляя их «ложными науками». Принципы отвергнутых наук не исследовались, однако на их основе китайцами, японцами, персами, арабами были сделаны великие открытия. Одним из источников их значимости является качественный и духовный элемент, которого, как считает Наср, и недостает современной западной науке, сфокусированной на количественных аспектах. Восточная наука, по его словам, основывается на единстве и внутренней связи предметов, западная же игнорирует рассмотрение взаимоотношения различных компонентов природы, исследуя каждую часть отдельно. Западная наука якобы пренебрегала изучением всеобщей связи в живой и неживой природе вследствие ею самой установленного ограничения. Насколько велико это упущение, видно из того, что современные экологи, как считает Наср, все-таки приходят к представлению об окружающей природе как едином целом. «Только сейчас, — отмечает он, — экологи видят, насколько научны были представления поэтов, обращающихся к «духовному» аспекту природы и взаимоотношению между ее частями; однако эти поэтические представления до сих пор остаются лишенными научной основы, поскольку ученым недостает... живой непрерывной традиции знания»⁸.

Представления о природе как едином организме пронизывают и ислам, и иудаизм, и даосизм, и дзэн-буддизм. Ислам якобы занимает особое место, ибо ему исторически принадлежит роль посредника между философской мыслью Востока и Запада. Наср выдвигает идею о том, что исламская культура может внести большой вклад в синтез западной и восточной наук, в создание такой науки, которая должна основываться на древних религиозно-мистических верованиях⁹. Такой подход к решению экологической проблемы является в своей основе реакционным и утопическим, так как противоречит магистральному пути развития человечества — пути общественного прогресса, развития культуры, науки и техники.

Такой же по сути ход мысли, как у Насра, свойствен и Э. Фромму. Выход из экологического кризиса он так-

же видит в обращении к восточным религиозно-мистическим учениям. Он исходит из того, что причины экологических проблем коренятся в сущности христианской религии, чуждой, по его мнению, природе. Христианский способ мышления будто бы привел в итоге к тому, что «индустриальному обществу присуще презрение к природе как ко всем вещам, которые не являются продуктом машинного производства, и ко всем людям, которые не занимаются производством машин (представителям цветных рас, исключение делается с недавних пор лишь для Японии и Китая)»¹⁰. Для преодоления этого отчуждения Э. Фромм предлагает использовать в качестве духовного средства «нетеистический мистицизм» дзэн-буддизма или новую «религию любви». Фроммовский рецепт утопичен, так как в его основе лежит необходимость психологических изменений в человеке как альтернатива экологической (и экономической) катастрофе: «Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца»¹¹.

Различие подходов к экологической проблеме на Западе и на Востоке Фромм иллюстрирует на стихах английского поэта XIX в. Теннисона и японского поэта XVII в. Басё¹². Так, у Теннисона говорится:

Возросший средь руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь — вот корень, стебелек,
здесь на моей ладони.
Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек,
и в чем вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.

Трехстишие Басё звучит так:

Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнем!

Желание Теннисона — обладать цветком. «Теннисона, каким он представляется в этом стихотворении, можно сравнить с типичным западным ученым, который в поисках истины умерщвляет все живое... Басё же хочет просто созерцать, причем не только смотреть на цветок, но стать с ним единым целым — и оставить его жить». Отношение Басё к цветку выражает принцип бытия, со-

гласно которому человек не стремится к обладанию вещами, а счастлив в раскрытии своих способностей и «единении со всем миром»¹³.

Различие между бытием и обладанием Фромм относит прежде всего к фундаментальному различию между типами обществ — «одно ориентировано на человека, другое — на вещи». Западное индустриальное общество стремится к обладанию, главный смысл жизни видит в погоне за деньгами, славой, властью. К обществу, которое не заражено идеями буржуазного «прогресса», Фромм относит средневековое общество, индейцев зуны, некоторые африканские племена. Современный западный человек, по мнению Фромма, не может понять дух общества, не ориентированного на собственность и алчность. В конечном счете, по Фромму, только фундаментальные изменения в ценностях и установках человека приведут к формированию новой этики, ориентированной на новое отношение к природе¹⁴.

На необходимость создания новой этики указывает французский философ-гуманист, врач и теолог, прогрессивный общественный деятель Альберт Швейцер. В своей книге «Культура и этика» он проводит идею о том, что «этика должна родиться из мистики»¹⁵, причем мистика не является самодовлеющим явлением. Мистика существует только ради этики «благоговения перед жизнью». А. Швейцер провозглашает «этическую мистику» единственно глубоким мировоззрением, путем к жизни-неутверждению. Он на место христианского принципа «любви к ближнему» ставит моральный императив «благоговения перед жизнью»¹⁶.

Суть «этического мистицизма» состоит в следующем: жизнь как таковая священна; этика — безграничная ответственность индивида. Этика «благоговения перед жизнью» нацелена на повышение чувства ответственности человека. Собственность Швейцер рассматривает как имущество общества, которое находится в суверенном владении индивида. Такая этическая позиция личности может быть, по мнению Швейцера, только следствием «этического мистицизма». Мистика, считает Швейцер, имеет свое оправдание только в этике и через этику. Таким образом и происходит якобы поселение бога в человеке и его растворение в его делах и поступках. Швейцер дополняет свою этику принципом «человек и природа»: все человеческие действия в отношении к земной природе, к природе вообще являются объектом эти-

ческой оценки. Основной недостаток данного аспекта этики Швейцера состоит в том, что она рассматривается вне социального контекста¹⁷.

Более широкий подход к экологическим проблемам разрабатывают Д. Икеда и А. Печчеи. Они считают, что «важнейшие нынешние проблемы остаются духовными и этическими и что вся совокупность научных и технических средств не в состоянии разрешить их». Выход из кризиса они усматривают не в изменении реальной действительности, а в уничтожении внутренних, духовных истоков кризиса — в «этической революции» (ЭР) или «революции в человеке».

По мысли Икеды, в результате «этической революции» наступает преображение самого человека, у него появляется новое отношение к природе. Главное — будут исключены «внешние революции», предполагающие «насильственное изменение существующих социальных структур». Не понимая, что реформы должны начинаться в самом человеке, указывает Икеда, «народы свергают репрессивные политические режимы только для того, чтобы обнаружить себя под пятой еще более жесткой системы»¹⁸.

Экологические проблемы тесно связаны с проблемой социальной стабильности. Печчеи считает, что предпосылкой «этической революции», решения глобальных проблем служит стирание национальных границ. Важнейший ее компонент, по мнению Печчеи, — это будущая «новая этика жизни», которая основана на «признании того, что всякий ущерб системе поддержания жизни на планете бумерангом обрушивается на нас самих». Единственной гарантией выживания человечества является «просвещенный консерватизм» (термин Печчеи), противостоящий мифу «безудержного и неограниченного роста»¹⁹.

Икеда считает, что «этическая революция» связана с буддизмом, что разрешение современного кризиса заключается «не в технических и материальных революциях, развертывающихся вне человека, а в преобразовании самого человечества изнутри. В последний период своей истории человек был уверен в том, что дорога к счастью лежит через преобразование внешнего мира. Следствием этого стало игнорирование или даже полное забвение внутренних духовных процессов, необходимости подавлять одни духовные импульсы и поощрять другие. Самой настоящей задачей современного человека яв-

ляется пробуждение всей его внутренней духовной жизни. Именно это и называется революцией в человеке»²⁰. Согласно такой точке зрения, «этическая революция» предполагает осуществление двух этапов. Первый этап — под воздействием религии (буддизма) человек перерождается в этическом плане. Люди, испытавшие внутреннюю революцию, несут свои убеждения в мир, в практику социальной жизни. Второй этап — через обучение и воспитание они революционизируют других, а это в конечном счете приводит к трансформации общества изнутри. «По мере того как этическая революция затрагивает все больше и больше людей, социальные отношения, отношения человека с природой становятся все более гармоничными. Таким образом будет создана, — уверяет Икеда, — основа для решения наиболее серьезных проблем загрязнения среды, гонки вооружений, истощения природных ресурсов и т. д., стоящих сегодня перед человечеством»²¹.

В отличие от Икеды у Печчеи возникают серьезные сомнения в устойчивой связи «этической революции» с религией. «Когда я утверждаю необходимость человеческой революции, — пишет он, — не следует связывать это с какой-либо религиозной верой; я имею в виду глубочайшую культурную революцию, вдохновляемую новым гуманизмом, который способен просветить и воодушевить нас в эту материалистически ориентированную технологическую эпоху. Наша дискуссия, однако, обнаруживает, что хотя вы руководствуетесь буддийским мировоззрением, что делает наши позиции отличными друг от друга, мы, исходя из различных предпосылок и используя различные формы выражения, говорим об одном и том же изменении человеческого сердца»²². Таким образом, единственное условие «этической революции» — осознание того факта, что преобразование общества начинается с самого человека. Формирование этого осознания возможно как на религиозной основе (христианской, буддийской и т. п.), так и на чисто секулярной основе. Для «этической революции» не нужно ничего, кроме волевого усилия отдельных людей: «Она возможна — если только мы этого пожелаем»²³.

Несомненно, последствия «этической революции» для выхода из экологического кризиса имеют определенное значение, но не решающее. Таковым является социализм и коммунистическое будущее всего человечества — единственный реальный способ решения всех глобальных, в

том числе и экологических, проблем. Действительно, анализ различного рода концепций экологического кризиса в современной зарубежной немарксистской литературе позволяет сделать вывод о том, что истоки экологического кризиса находятся не в характеристиках европейской культуры (в антропоцентризме, иудейско-христианской традиции, философской рефлексии и др.), а в закономерностях развития социально-экономической жизни. «Экологическая и социальная кризисность развивается везде, где происходит вторжение капитала и сопутствующей ему социально-экономической практики,— во всех регионах, где по мере «модернизации» и «вестернизации» укореняются сформированные на Западе образцы социальной организации, технико-экономического воздействия на природу и образ жизни вместе с массированным искусственным стимулированием псевдопотребностей, интенсивного использования продукции промышленного производства»²⁴.

Подход к экологическим проблемам, развиваемый в работах С. Насра, Э. Фромма, Д. Икеды, А. Печчини и других не разделяющих марксизм ученых, неприемлем для марксистской методологии. Причина в том, что подход этих западных мыслителей необходимо требует мистического видения мира, основанного на антропоцентризме, религиозно-идеалистическом представлении о том, что человек является центром Вселенной и конечной целью мироздания²⁵.

В древних культурах Греции, Китая, Индии мир выступал как живой организм. В науке же Нового времени мир — это механические часы. В первом случае отношение к миру более экологично и ответственно, чем во втором, — ведь механизмом можно манипулировать, другого отношения требует живой организм²⁶. Экологическая культура будущего может использовать ряд не реализованных экологических потенций различных культур, вошедших в сокровищницу всего человечества. Многое в этом плане можно почерпнуть из кладовых Востока, издавна практиковавшего уважение к природе как живому организму (для восточных культур характерно отсутствие антропоцентризма), а не только к людям, как в европейской этике.

Вместе с тем следует учитывать религиозно-мистическую окрашенность восточных культур. Поэтому из них нужно брать то, что соответствует магистральной линии развития современного общества, отсекая при этом ре-

лигиозно-мистические интерпретации подходов к решению экологических проблем. Существенную роль в этом должен сыграть социальный строй и духовная культура общества. Так, многие западные ученые и мыслители пытаются извлечь из «тонкой мудрости» Востока и относительно «экологичных» классических культур Японии, Индии, Китая и других стран идеи и способы мышления для решения проблем гуманизма, экологии, футиологии и т. д. «Западные интеллектуалы, — пишет Л. Василенко, — часто воспринимают Восток как некий далекий идеал, видя в нем в основном только то, что сами хотят найти»²⁷. В действительности же необходимо, отказавшись от восточной экзотики, учитывать реальную историю развития классических культур Востока, в которой обычно выделяются две культуры. Одна, построенная на принципах даосизма, традиционно освещается в литературе, поэзии, философии, искусстве создания садов. Другая же — это обыденная, повседневная культура масс. Она не менее реальна и представляет собой «горы, где вырублены леса, засоренные потоки, переполненные города и политические интриги»²⁸.

В условиях кризисной экологической обстановки японский ученый М. Ватанабе указывает на то, что японцы «все еще погружены в созерцание природы и не могут по-настоящему понять, что же теперь происходит с ними и с природой, и они беззащитны и беспомощны перед лицом надвигающегося экологического кризиса»²⁹. Современная обстановка аналогична той ситуации, что складывалась относительно землетрясений до появления в Японии сейсмической науки, созданной на Западе.

Сложившуюся ситуацию в диалоге культур Востока и Запада можно обрисовать следующим образом. Европейская культура является неповторимой, имеет свою специфику. Она прошла драматический и сложный путь от античности через средневековые к эпохе «человека» и стала для всего человечества своеобразной «лабораторией» свободы и творчества. Вот почему восточные культуры «не могут удовлетворить всем духовным нуждам и надеждам современного человека»³⁰. Человек западной культуры, конечно, должен преодолеть свой духовный кризис и найти выход из критической социальной и экологической ситуации. Поэтому просто «вложить» в его сознание новое сколь угодно «правильное»

восточное видение реальности не имеет смысла. Преодолев себя, «западный» человек не превратится в «восточного» человека — он будет иным. Поэтому речь должна идти не о приобщении к восточной культуре, а о создании подлинно новой — гуманистической и экологической — культуры будущего.

Реальной основой возникновения культуры будущего является конструктивное сотрудничество в общемировом масштабе, тесное равноправное взаимодействие большинства стран, подразумевающее уважение суверенитета каждой из них. Без этого невозможно решить глобальные экологические проблемы, обеспечить рациональное использование ресурсов планеты как общечеловеческого достояния, сохранить культуру, защитить ее от пагубных воздействий.

В современных условиях все больше и больше возникает потребность в наукоемких технологиях и способах получения энергий, основанных на новых, немеханических принципах³¹. Это в свою очередь влечет за собой экологизацию естествознания. Уже сейчас можно говорить об экологизации современной науки в условиях выхода человечества в Космос³².

Начавшееся освоение космоса означает не просто крупное технологическое и научное достижение человечества. Данное эпохальное событие указывает, по мнению Т. Лири, на то, что «человечество начало свою миграцию к межпланетарному и возможному межзвездному существованию»³³. Это положение Лири необходимо прочитывать в контексте его экзопсихологии, в которой он на иррационально-мистической основе рассматривает взаимоотношение экологии и уфологии³⁴.

Логика рассуждений у Лири такова. Три миллиарда лет тому назад на Земле высадились якобы панспермические УФО и положили начало земной биологической эволюции, вписав в ее основание закодированное сообщение: «Пространство. Миграция. Разум. Увеличение. Жизнь. Распространение». Жизнь в своей эволюции проходит будто бы 8 мутационных фаз: 4 земные (развитие «личиночного типа» в условиях земли-колыбели) и 4 «внеземные», более развитые фазы, предназначенные для существования и миграции в межзвездном пространстве. Человеческий вид, как полагает Лири, в своей эволюции также проходит через те же самые 8 фаз и до недавнего времени находился в «личиночном состоянии», когда усилия направлены на выживание в биоло-

гическом, социальном, технологическом и политическом планах. Проблемы осознания «личиночного» характера земного существования человека были в ранних цивилизациях, которые временами достигали необходимого уровня биологической, социальной и репродуктивной устойчивости. Для того чтобы выйти за пределы «личиночного существования», элитарные круги Древнего Китая, Индии, Вавилона, Крита, Греции, Египта, арабского Востока, Европы эпохи Ренессанса культивировали гедонизм, эrotику, эстетику, искусство садов и фантастику³⁵.

Развитие нервной системы человека, как отмечает Лири, также имеет 8 фаз, причем каждой из них соответствует активизация определенной цепи ЦНС. 4 «личиночных» цепи нервной системы человека предназначены для выживания в земных условиях, 4 других — для адаптации к межзвездному существованию. К последним относятся: нейросоматическая цепь, с которой связано сознание тела; нейроэлектрическая цепь, которая принимает, интегрирует и передает нервные сигналы одновременно из других цепей и мозга; нейрогенетическая цепь запечатлевает код ДНК, принимает, интегрирует и передает сигналы РНК, оперируя временем жизни вида, делает якобы возможным биологическое бессмертие и симбиоз человека с формами «высшей жизни»; с нейрогенетической цепью сращено сознание ДНК; метафизиологическая — нейроатомная цепь, которая активизируется, когда нервная система реагирует на субъядерные, квантово-механические и гравитационные сигналы, выходя таким образом за рамки биологического существования; эта цепь немыслима без квантового сознания³⁶. Так трактует Лири развитие нервной системы человека.

Человеческий вид, указывает Лири, находится теперь в точке генетического расщепления. Он выдвигает предположение, что 93% представителей человеческого вида, достигших постчеловеческого существования, должны адаптироваться к жизни на планете. И вот в этом случае экология позволяет осуществить эту адаптацию. Остальные 7% представителей человеческого вида, которые способны воспринимать сигналы, посылаемые сознанием ДНК и квантовым сознанием атомно-субатомного мира, согласно гипотезе Лири, могут покинуть планету-колыбель. В этом случае они становятся «галактическими» гражданами и соединяются с «высшими

(сверхъестественными) межзвездными» существами, т. е. человеческий вид представляет переходную fazу в эволюции разумной жизни³⁷. Именно таким путем, согласно Лири, осуществляется цель жизни, закодированная в виде сообщения: «Пространство. Миграция. Разум. Увеличение. Жизнь. Распространение». Под все это Лири, как видим, подводит «теоретическую» базу в виде межзвездной нейрогенетической телеологии — философскую систему, включающую в себя нейроатомную эсхатологию, о которой будет идти речь ниже.

Приведенные наукоподобные рассуждения Лири пытаются обосновать ссылкой на ряд открытых и гипотез современного естествознания. Открытие способности нервной системы к импринтингу, билатеральной и темпоральной асимметрии в неокортексе человеческого мозга, вероятность существования развитых форм жизни на миллионах планет в нашей локальной Галактике, обнаружение «вечных» значений неиспользованной половины кода ДНК, обусловленного мутационным квантовым скачком в ходе эволюции человека, — все это подготавливает, как сообщает Лири, человеческий вид к миграции с планеты в межзвездное пространство. В ДНК за- кодирован якобы стандартный образ бога, который транслируется от поколения к поколению и потенциально воспроизводится в организме человека³⁸. Отсюда программа ДНК, пред назначенная будто бы для выхода человеческого вида в космос и поиска сверхъестественного космического разума, оказывается у Лири интерпретируемой в духе иррационализма и мистицизма.

Мистицизм отражает проблемы человеческого бытия в искаженном, деформированном виде. Этот процесс значительно обостряется в связи с существованием мистически ориентированных проблем экологии и уфологии. Особо важно отметить негативную роль и влияние социobiологических и биократических идей, порожденных деятельностью правящей элиты Запада. Так, шведский астрофизик Х. Альвен предлагает свой вариант «цивилизации удовольствия». Каждый человек при помощи специальной микроэлектронной и биоэлектронной аппаратуры подключается к гигантскому компьютерному мозгу. Этот компьютерный мозг насыщает жизнь человека стандартными удовольствиями, лишая его, однако, творческой инициативы. Американский кибернетик Дж. Маккарти считает, что вживление в мозг мини-компьютера «ознаменует новый эволюционный скачок в раз-

витии человеческого вида». Американский генетик М. Барнет ставит цель коренной переделки человека как биологического вида³⁹.

В физиологии были осуществлены опыты на животных, которые показали, что наряду с синаптической связью между отдельными участками мозга существует электромагнитная связь. Вполне вероятно, что электромагнитная связь имеется между разными органами живой системы. Более того, открывается возможность «извне управлять каким-либо органом животного или человека так, как сделал бы это его собственный мозг...»⁴⁰.

Из проектов изменения природы человека исходит программа ЦРУ «МК-ультра», нацеленная на исследование способов искусственного управления поведением человека⁴¹. Здесь применяются как электронное манипулирование мозгом с помощью ультразвука и микроволнового излучения, так и наркотические препараты как средство расслабления воли при допросах и идеологических «промываниях мозгов». Использование компьютерной техники в сочетании с гипнозом и другими средствами воздействия на психику предназначено для создания целых программ человеческого поведения. Психопрограмма — своего рода «телепатический терроризм». Для ее осуществления применяются технические достижения — методы генной инженерии, вживление в мозг мини-компьютеров и электродов, обеспечивающих прямую связь с ЭВМ, микроволновое излучение, гипноз, биохимическое воздействие. На Западе эти возможности стремятся использовать для создания «контролируемого психоцивилизационного общества», для выведения на основе синтеза человека и компьютера породы «парачеловека» — расы мутантов, во всем послушных своим господам⁴². По своей сути перед нами идея фашизма в одеждах современной науки.

Совершенно иное дело, когда разработка биоэлектронных систем нацелена прежде всего на применение для протезирования различных органов человека. Уже сейчас известны работы по созданию искусственного сердца, биоэлектронных органов зрения, слуха и т. д. К тому же развитие микроэлектроники, биоэлектроники, генной инженерии и других наук следует учитывать в прогнозировании возможных «сценариев» будущего земной цивилизации. Здесь стоит весьма трудная, даже не техническая, а этическая задача — сохранение лич-

ности и раскрытие ее творческих потенций. Эту проблему в условиях машинного конструирования экологического оптимума биосферы и ноосфера: ученые связывают с грядущим этапом в развитии человеческой жизни — с возникновением «единого планетарного разума». В рамках данной гипотетической модели советский ученый Л. В. Лесков предлагает, например, идею «нообионта» — новой формы самоорганизации разумной жизни⁴³. Речь идет о творческой и преобразующей функции цивилизации, когда осуществляется тесная связь личности с коллективным интеллектом. Идея нообионата принципиально отличается от социобиологических и биократических идей западных ученых (Х. Альвена, Дж. Маккарти, М. Барнета, Т. Лири и др.), сущность которых заключается в унификации человеческих индивидуумов, подавлении их творческого своеобразия. Идея же нообионата исходит из максимального раскрытия и обогащения творческих потенций человека в интересах цивилизации.

В начавшемся процессе «космизации» и «экологизации» современной науки привлекает внимание новая комплексная научная дисциплина — «биосфера», изучающая условия жизни и деятельности живых организмов. По мнению английских ученых М. Нельсона и Дж. Аллена, сотрудников Института экотехники (международной исследовательской организации), биосфера вместе с космонавтикой «открывает экотехнические возможности и, более того, делает исторически неизбежным распространение земной жизни в Солнечной системе и даже в межзвездной среде, а затем со временем и в галактиках, причем продвижение по этому пути не исключает вероятности построения взаимосвязей с биосферами другого происхождения»⁴⁴. Нельсон и Аллен, таким образом, прогнозируют: сначала переход к «телеосфере», а затем и к «космосфере». Суть их идеи — в том, что необходимо в дальнейшем ориентировать человеческий разум как на сохранение биосферы на планете Земля, так и на содействие распространению разумной жизни с Земли в космосе.

В адаптации человека к межзвездной среде⁴⁵, несомненно, будут использованы достижения микроэлектроники, биоэлектроники, химии полимеров и других научных дисциплин. Ведь биоэлектронные средства используются уже сейчас, как уже говорилось, для протезирования не только органов человека, но и кожи. Кожа,

покрывающая тело человека с ее разнообразными специализированными клетками, образует сложные структуры и подсистемы. Она, оказывается, обладает способностью включать в действие мощные защитные силы, т. е. кожа является активным элементом иммунной системы⁴⁶.

Не исключена возможность, на первый взгляд она кажется фантастической, что полимерная химия и техника получения новых материалов раскроют тайну эластичности кожи, смогут делать ее искусственным способом, придав ей необходимые специальные свойства. Скафандр из такой искусственно созданной кожи защитит тело человека и от холода, и от огня, и от гибельной космической радиации⁴⁷. В таком скафандре «человек космический» сможет без риска для жизни отправиться куда угодно: в кратер вулкана, в ядерный реактор и в глубокий вакуум Космоса.

Процесс «космизации» мышления охватывает все сферы общественного сознания. В свете этого понятны попытки ученых увязать законы эволюции Вселенной с законами человеческого мировосприятия, образного мышления и подсознания⁴⁸. Этого требует современная космология, исходящая из древней идеи единства человека и Космоса.

Однако попытки такого рода чаще всего носят умозрительный характер, а в методологическом плане исходят, как правило, из идеализма или мистицизма. Например, уже упоминавшийся Дитфурт считает, что « тот » (потусторонний) мир существует вечно, хотя и вне пространства и времени. Момент « большого взрыва », момент возникновения « этого мира является моментом креации из ничего » материи, пространства и времени. Точнее говоря, фактически креация относится только к материи. Абсолютный же дух, по мысли Дитфурта, только приходит в мир, становящийся по его образу и подобию, проникает в этот мир и по мере « течения » времени заполняет его собой. Таким образом, Дитфурт живописует « зародыш » Вселенной, в котором заключена якобы вся закономерно эволюционизирующая природная реальность, начиная с атома водорода через формирование галактик и звезд и кончая разумной жизнью, т. е. все, что было запрограммировано « абсолютным духом »⁴⁹.

Вопрос возможности потенциального существования человека в « зародыше » Вселенной — гипотетический вопрос. Можно предположить, что в « исходном моменте »

есть некоторый «космический код», который содержит всю информацию о дальнейшей эволюции Космоса. Однако о существовании «космического кода», не считая теологических и иррационально-мистических спекуляций, науке пока ничего неизвестно. Иное дело генетический код, без которого невозможна земная биоэволюция. Как было установлено, несмотря на удивительное разнообразие живых существ (от вирусов до млекопитающих), генетический код универсален. Но в последнее время экспериментальным путем обнаружено нарушение этой универсальности генетического кода и ныне идут поиски механизмов его происхождения⁵⁰.

Общепринято представление, что ген, содержащий ДНК, несет информацию, которая затем проявляется в виде последовательности аминокислотных остатков в соответствующем белке. Возможность передачи генетической информации в поколениях обеспечивается способностью нуклеиновых кислот к саморепликации. В каждом поколении клеток генетические структуры, которые содержат ДНК, удваиваются, поэтому при делении каждая дочерняя клетка получает точную копию генетического кода.

Основу теории генетической информации составляет представление о том, что она закодирована в структурных различиях молекул ДНК, состоящих в порядке последовательности расположения оснований: аденина, тимины, гуанина и цитозина. Экспериментальные факты свидетельствуют о том, что в линейной последовательности оснований ДНК содержится информация, которая определяет генетические потенции организма. Отсюда следует, что, очевидно, «расположение структурных единиц в нуклеиновых кислотах (или каких-то иных макромолекулах) может иметь прямое или косвенное отношение к кодированию поведенческого опыта»⁵¹.

Исследованием генетических механизмов обеспечения психической сферы деятельности организма занимается молекулярная психобиология, которая исходит из модели структуры молекулы ДНК, предложенной Дж. Уотсоном и Ф. Криком. Эта модель объясняет известные свойства гена: его способность к точному самовоспроизведению, способность к передаче информации и мутации. С увеличением уровня эволюционного развития организма количество содержащегося в клетке генетического материала возрастает с 10^4 до 10^{10} пар нуклеотидов. Биологическая роль нуклеотидов следует из структурных осо-

бенностей. Нуклеотиды и нуклеозиды взаимодействуют с белками на всех стадиях их метаболизма и в процессах регуляции, требующих специфического узнавания двух или большего числа реагентов. Следовательно, взаимодействующие соединения имеют строго детерминированную трехмерную пространственную структуру, которая относится к атомному уровню. Поэтому только на атомном уровне можно понять механизм функционирования нуклеотидов, т. е. объяснение необходимо искать не в изменении его электронной структуры, а в организации пространственного порядка⁵².

Иными словами, уже на атомном, а затем и на молекулярном уровне живых организмов проявляется внефизический феномен в виде «порядка». Последовательности нуклеотидов и нукleinовых кислот имеют отношение к целостности организма в том смысле, что они транслируются генетически (допустимы изменения при рекомбинации). На пространственном «порядке» нукleinовых кислот основана целесообразность живых организмов. Именно на молекулярном уровне посредством ДНК у животных — от насекомых до человека — передаются по наследству сложнейшие формы поведения, т. е. транслируются низшие бессознательные слои животной психики. Не случайно сейчас внимание обращается на возможность того, что некоторые информационные процессы в биосистемах находятся за «порогом сложности». Действительно, сложность тонкой структуры ДНК человека — порядка 10^{10} пар нуклеотидов, которые сами как системы обладают довольно сложной структурой — примерно того же порядка, что и его мозг, содержащий 10^{11} нейронов. В этом плане молекулу ДНК называют «мозгом клеток». Содержащаяся в ней информация определяет природу и количество практических всех молекул. Поэтому молекула ДНК как бы предопределяет микроструктуру мозга, причем нужно учитывать тот факт, что мозг человека функционирует на клеточном, модульном и макроанатомическом уровнях⁵³. Возможно, ДНК обладает аналогом сознания (не самим сознанием) в том смысле, что она представляет собой кибернетическую саморегулируемую сложную систему.

Достижения в области молекулярной биологии наряду с новейшими экспериментальными и теоретическими успехами других естественнонаучных дисциплин обогащают и углубляют принципы научного познания мира, делают ненужным и некорректным обращение

к силам сверхъестественного порядка. Мировоззренческая значимость научных достижений состоит в том, что в связи с выходом человека в Космос встает вопрос о возможности существования там разумной жизни. С этой проблемой неразрывно связано одно из массовых увлечений второй половины XX в. — поиск космических «братьев по разуму» — уфология, которая служит источником множества мистических спекуляций, особенно по вопросу посещения Земли «богами-астронавтами», желающими взглянуть на сотворенный-де ими мир.

Такого рода измышления бытуют издавна. Нужно не забывать, что и библейские «Книги бытия», и их талмудические толкования вобрали в себя мифы и легенды Месопотамии. Так, К. Саган в своей книге «Разумная жизнь во Вселенной» утверждает, что древние шумеры могли иметь контакт с космическими пришельцами. Шумерские мифы, произведения изобразительного искусства и глиняные печати, по его мнению, подтверждают, что «в районе Персидского залива, возможно на месте древнего города Эриду, в 4 тыс. до н. э. или раньше между человеческими существами и нечеловеческой цивилизацией произошел контакт огромной мощи»⁵⁴.

В западной литературе содержатся и более подробные данные об этом и других внеземных контактах, где на основе обращения к археологическим фактам из многих древних культур делаются выводы о том, что «люди имели контакт и получили инструкцию от тех, кто был более развитым и великодушным на эволюционной ступени»⁵⁵. Эта инструкция будто бы содержала «секрет бессмертия», который передавался от поколения к поколению посредством оккультных традиций и мистических учений и который заключался в том, что человек может-де построить «тело из света», свободное от смерти и не нуждающееся в пище. Перед нами религиозно-мистическая идея бессмертия человека, на которой всегда и везде спекулировали религиозные адепты.

Уфология — мифотворчество XX в., облаченное в одежду квазинаучной терминологии (иное дело исследование «аномальных явлений» природы). Сама же гипотеза космических «палеоконтактов» не противоречит фундаментальным законам естествознания, она вытекает из идеи множественности обитаемых миров, т. е. идей существования внеземных цивилизаций (ВЦ), говоря современным языком. Гипотеза «палеоконтакта» опирается на ряд моментов, зафиксированных в памятниках

древних культур Востока. Речь идет, например, о странных пришельцах, основавших цивилизацию шумеров, о знаниях африканского племени догонов относительно строения звездной системы Сириуса и других сведениях такого рода.

Представляют интерес и сообщения древнекитайских текстов о «сынах неба», гуманных и мудрых существах, стоящих у истоков китайской цивилизации. «...Самым удивительным во всей деятельности «сынов неба», — пишет И. С. Лисевич, — все же был ясно прослеживающийся по текстам мифов некий технологический аспект, создание и использование сложных и непонятных нам аппаратов и приспособлений»⁵⁶. Эти «сыны неба» владели якобы технологией, превосходящей общий уровень развития производства древности. Однако гипотеза «палеоконтакта» пока не подтверждена. Более того, некоторые наши синологи квалифицируют работы И. С. Лисевича как научно-фантастические и указывают на иное истолкование мифологических текстов Древнего Китая без обращения к гипотезе «космического палеоконтакта»⁵⁷.

Проблема «палеоконтактов» требует в своем изучении материалистического подхода. Исходя из данных, содержащихся в нашей научной литературе, написанной на основе накопленного материала о культуре древних цивилизаций, напрашивается мысль о случавшихся в древности контактах с весьма высокой культурой, возможно имеющей космическое происхождение⁵⁸. Что же касается мифа о «богах-астронавтах», то его рациональное содержание становится понятным с точки зрения концепции, согласно которой «боги должны были пройти через человеческую эволюцию (нет бога, который бы раньше не был человеком)»⁵⁹. Посещение «богами-астронавтами» в прошлом нашей планеты можно в какой-то мере рассматривать как аргумент в пользу возможности существования во Вселенной высокоразвитых существ.

В изучении проблемы внеземных цивилизаций (ВЦ) западные ученые предлагают ряд гипотетических подходов. Во-первых, предполагается, что высокоразвитые ВЦ используют биологический канал связи — они могут встраивать информацию в структуру определенных организмов. Во-вторых, информацию о деятельности ВЦ в закодированной форме содержат природные явления типа звездной или галактической активности. В-третьих,

регулируемая «система Гея» возникла не спонтанно, а привнесена извне на Землю⁶⁰.

Проблема поиска ВЦ имеет и гносеологический аспект: если, допустим, существуют внеземные разумные существа, то могут ли быть их формы понимания мира сравнимы с нашими, быть им конгруэнтны, включая и моральные ценности? Обязательно ли внеземная разумная жизнь должна иметь «земные» формы? Поиск ВЦ — не умозрительная проблема, она неразрывно связана с осознанием земной цивилизацией своего единства перед лицом глобальных проблем и с перспективами ее будущего развития. Одна из таких перспектив исходит из тенденции безграничного освоения Космоса в русле идей К. Э. Циолковского. Современные темпы развития, нарастающая скорость технического прогресса приводят к выводу, что земная цивилизация в будущем освоит, вероятно, всю Галактику и перерастет в суперцивилизацию. Другой подход исходит из предположения малой теоретической вероятности такого безграничного роста земной цивилизации. Реальнее исходить из того, что наша цивилизация изменит направление развития и придет к «осознанию бесперспективности дальнейшего роста и территориальной экспансии»⁶¹. В этом случае цивилизация получит безграничное духовное развитие.

Это, однако, не исключает возможности существования множества цивилизаций. Ведь контакты между различными очагами разумной жизни возможны на основе представлений о макро- и микросимметричной Вселенной, когда реальные масштабы времен для взаимодействующих цивилизаций могут быть весьма неравносильными. Вполне возможно, что миллиард лет для одной цивилизации эквивалентен секунде для другой цивилизации. Во всяком случае можно предположить, что человек при помощи искусственного интеллекта сумеет проникнуть когда-нибудь на структурные уровни материи с иными пространственно-временными параметрами и моделировать там те или иные земные аспекты мышления и сознания⁶².

Какими возможными путями ни развивалась бы наша цивилизация, ей, несмотря на разного рода гипотезы о фантастических ВЦ, необходимо разрешить стоящие перед ней глобальные проблемы. Единственный здесь выход — социальное переустройство мира, основанное на научном мировоззрении.

Глава IV

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВОСТОЧНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ

Картина мира современной физики и восточное миропонимание

Одна из тенденций в развитии зарубежной науки проявляется в интересе западных физиков, занимающихся проблемами элементарных частиц и космологией, к традициям древних восточных культур, к традициям восточного миропредставления. «Основное, что специфично для восточного миросозерцания и что в особенности привлекает в последнем внимание западных физиков, — отмечает советский ученый А. И. Панченко, — это ощущение целостности мира, его единства и взаимосвязи, признание наличия некоей «абсолютной» истины, которая в то же время носит глубоко личный характер. Западные физики полагают, что древнее холистическое миросозерцание имеет аналоги в полевой картине мира материи и сознания и потому оно (это миропредставление) неспецифично только для восточных мудрецов»¹.

Однако растущий интерес к аналогиям между идеями современной науки и идеями «восточной мудрости» у современных западных физиков вызван не только их творческими поисками, но и стремлением обосновать религиозно-мистическую картину мира. Так, американский ученый С. Рестиво пишет: «Тезис о существовании параллелизма между физикой и мистицизмом... стал важным интеллектуальным течением на стыке науки и религии, богословия и мистицизма»². Если раньше считались слишком экстравагантными утверждения типа, что все основные идеи современной науки уже присутствовали в древнекитайской философии, то теперь некоторые американские физики стараются «коррелировать и дополнять» современную физику Ведами и поэзией Уильяма Блейка, обнаруживают параллели между квантовой механикой и учением тибетского ламы У. Трунга, формулируют принципы физических теорий в свете трансцендентной медитации индуизма³.

В последнее время большую известность на Западе

получили работы американского специалиста в области физики высоких энергий Ф. Капры, в которых рассматриваются параллели между современной физикой и восточным мистицизмом. Капра считает, что «существует фундаментальная гармония между духом восточной мудрости и западной наукой»⁴. Под «восточной мудростью» он имеет в виду ряд уточненных теологий, духовных упражнений и философских систем (индуизм, буддизм, таоизм, дзэн). Капра пытался обосновать наличие параллелей между картиной мира, созданной мистиками Востока, и картиной мира, которая сложилась в современной физике, и на этой основе показать будто бы мистическое видение мира более глубоко и совершенно, чем научная картина действительности.

Духовные традиции религиозных систем Востока, по мнению Капры, хотя и отличаются друг от друга многими деталями, однако созданные в рамках этих систем картины мира в основном совпадают. Капра считает, что можно говорить о восточной религиозно-мистической картине мира, основой которой является «мистический опыт». Речь у Капры идет о непосредственном, внеинтеллектуальном переживании действительности. Этому переживанию присуще определенное число характерных черт, которые не зависят ни от того, где живет мистик, ни от исторической, ни от культурной традиции. Индуист, поясняет Капра, может акцентировать определенные аспекты такого опыта, которые кажутся ему важнее других. Аналогично действует таоист. Японский буддист может интерпретировать свой собственный опыт, используя понятия и термины, значительно отличающиеся от тех, которые использует индийский буддист. Однако, как подчеркивает Капра, основные элементы картины мира, содержащиеся во всех этих традициях, остаются неизменными. Эти самые элементы являются также, делает вывод Капра, основными чертами картины мира, выработанной современной физикой⁵.

В религиях Востока все материальные предметы трактуются как компоненты единой неделимой «действительности». Согласно восточным традициям, неделимая «действительность» проявляется во всех предметах материального мира. В индуизме эту «действительность» называют «браман», в буддизме — «дхармакайя», в даосизме — «дао». Речь, собственно, идет о некоем духовном единстве, лежащем якобы в основе всех вещей и охватывающем всю Вселенную.

В обыденной жизни люди не осознают единства всех вещей, так как бессознательно членят окружающий мир на отдельные предметы и события. Такое членение, очевидно, необходимо и полезно с точки зрения повседневных потребностей. Однако понятия предметов и событий не являются основной чертой действительности. Это — определенная абстракция, продукт деятельности человеческого интеллекта. Вера в то, что эти абстрактные понятия отдельных «вещей» и «событий» есть сущностное отражение истинной природы мира, — иллюзия. Индуисты и буддисты учат, что эта иллюзия (майя) происходит от незнания (авидья) и является порождением разума. Поэтому главной целью мистических традиций Востока является переориентация разума, достигаемая с помощью медитации. Санскритский термин «самадхи» (транс, медитация) означает буквально «умственное равновесие» — уравновешенное и ничем не нарушающее состояние, в котором находится разум. Получаемый в таком «состоянии» опыт рассматривается Капрой как «опыт», подтверждающий единство Вселенной.

Переживание этого принципиального «единства» Капра пытается представить не только главной чертой «мистического опыта», но и одним из наиважнейших законов, открытых современной физикой. Это единство схватывается в плоскости атомной структуры, проявляется во все большей степени по мере углубления в структуры материи — до элементарных, субатомных частиц. Согласно Капре, значимость понятия единства всех вещей и всех событий возрастает во много раз, когда данные современной физики начинают сравнивать с философией древнего Востока.

Подробное исследование различных моделей физики элементарных частиц, по мнению Капры, свидетельствует о том, что они выражают различными способами одни и те же истины: элементы материи и важнейшие процессы, управляющие ими, взаимосвязаны между собой; эти элементы и процессы нельзя считать отдельными, ибо они создают единую структуру, являются частями определенной целостности⁶.

Капра, таким образом, подводит к тому, что квантовая механика и теория относительности заставляют якобы нас видеть мир способом, близким восточному способу видения. Эта близость будто бы усиливается при построении релятивистской теории «субъядерного мира»⁷. Исходя из этого, Капра проводит аналогию между идеей

бутстрата в адронной физике и мистической восточной концепцией о «единстве и взаимопроникновении всего сущего».

Согласно идеи бутстрата, «все состоит из всего». Капра считает, что это аналогично «буддийскому бутстрапу» махаяны, по которой каждый отдельный объект в себе содержит все остальные объекты и по сути «является всем». Эту идею Капра сравнивает с «ниткой жемчуга Индры», где в каждой жемчужине отражаются все остальные. «Сходство этого образа с адронным бутстрапом, — отмечает он, — является действительно поразительным. Притча о нитке жемчуга Индры может быть справедливо названа первой бутстррап-моделью, порожденной вопрошающим человеческим разумом примерно за 2500 лет до начала ядерной физики». Капра проводит различие между «буддийским бутстрапом» и научным бутстррапом, заключающееся в том, что буддийская теория познания не интересуется приближенным знанием («относительным знанием»), тогда как наука использует рационалистическую аргументацию, принятую европейской культурой. «Буддийский бутстррап» органически связан с определенной формой агностицизма: поскольку каждое явление связано со всеми другими явлениями Вселенной, постольку для его объяснения необходимо знание и понимание всех остальных явлений, число которых бесконечно. В этом случае невозможно познать ни одного явления. Выход из этой гносеологической ситуации буддизм видит в переживании единства всех вещей путем медитации, ощущения «растворения в Едином»⁸. Здесь уместно вспомнить, что, согласно махаяне, воспринимаемый нами мир иллюзорен, реальна только нирвана, которая отождествляется с «высшим абсолютом», с «Единым».

Символом «Единого», символом «абсолютной реальности» «восточная мудрость» считает, например, эллипсоид, который рассматривается как воплощение идеи неантропоморфной красоты, самой совершенной формы. Чувство эстетического наслаждения, возникающее при созерцании совершенства, представляет собой чувство красоты и гармонии его атрибутов. В отличие от других человеческих чувств эстетическое чувство обладает всеобщностью. Оно позволяет субъекту познания в процессе переживания мира постичь его суть.

Рассматривая роль субъекта познания в исследовании микромира, Капра делает вывод о том, что по мере

далнейшего проникновения в субмикроскопический мир мы «придем к рассмотрению мира как системы неделимых, взаимодействующих компонентов с человеком как интегральной частью этой системы»⁹. Эта идея Капры была известна и «восточной мудрости», согласно которой всеобщие взаимосвязи мировых событий органически связаны с человеком.

Дж. Уилер, рассматривая различные определения сферической модели Вселенной как функции времени, выдвинул модель «соучаствующей Вселенной». Эта модель построена им по принципу, согласно которому Вселенная сравнивается с самовозбуждающимся контуром, порождающим сознание, и именно сознание актуализирует, придает значение самой Вселенной. Налицо аналогия с вышеуказанной идеей Капры и положением «восточной мудрости». Дж. Уилер предлагает заменить старое слово «наблюдатель» новым словом — «наблюдатель-участник». Вселенная порождает, считает он, на некотором отрезке времени своего существования наблюдателей-участников, наблюдения которых придают Вселенной осязаемость (реальность). «Не порождают ли каким-то образом миллиарды наблюдений, как попало собранных вместе, гигантскую Вселенную со всеми ее величественными закономерностями?»¹⁰

В уже упоминавшейся западной книге «Метафоры сознания» ученый Д. Бом сформулировал «голокинетическую» парадигму. Речь идет о том, что в основе его космологической теории лежит многозначная голографическая логика, подобная буддистской логике. Голографическая логика Бома может быть понята при обращении к п-мерному гиперпространству. Специфика этого бесконечного, неальтернативного, несизмеримого пространства состоит в том, что две сущности могут совместно занимать одно и то же место в то же самое время. Вместе с тем, считает Бом, реальность одна, она выступает как неделимая целостность, аспектами которой являются материя и сознание. Сущность же мира — трансперсональное сознание¹¹.

В основе всех «манифестирующих» сущностей и событий лежит «неманифестирующая» матрица, которую Бом обозначает термином «всеохватывающий порядок». Существует «внешний порядок», который проявляется в различных состояниях «материи-энергии» — от весьма грубой, плотной и стабильной материи, воспринимаемой нашими органами чувств в пространственно-временной

области, до утонченной, чувственно невоспринимаемой материи. Существует «внутренний порядок», к которому человек движется духовно и в конечном счете приходит к «высшему сознанию». Эта духовная сущность «лежит вне языка, и мы, — пишет Бом, — можем лучше всего схватить ее посредством метафор». В концепцию «голокинетической Вселенной» Д. Бома органически входит требование о том, что субъект познания должен интегрировать самое себя в рамках уравнения¹². «Голокинетическая» парадигма Бома находится в таком же отношении к голографической концепции мышления К. Прибрама, как отношение макрокосма к микрокосму, причем наблюдатель и наблюдаемое составляют фундаментальное единство, при ведущей роли сознания, которое находится вне эмпирического пространства — времени и охватывает собой всю Вселенную.

И наконец, на идеальный «параллелизм» между современной физикой микромира, космологией и индийским мистицизмом указывает М. Талбот, который в ходе анализа мировоззренческих проблем современной физики исходит из концепции иллюзорной природы мира. Он пытается вписать мистическое миропонимание в философские основания научных теорий следующим образом. Радикальной новацией современной физики Талбот считает предложение Дж. Уилера заменить понятие «наблюдатель» понятием «участник». Отсутствие различия между наблюдателями и наблюдаемой реальностью обуславливает, согласно Талботу, омниективный взгляд на реальность. Центральным понятием в рассуждениях Талбота является «омниективность» (от лат. *omnis* — всякий). «...Связь между сознанием и реальностью, — указывает Талбот, — не субъективна и не объективна, а «омниективна». Омниективное понятие мира вовсе не является новым. Более двух тысяч лет тому назад индийская традиция тантризма постулировала подобную философию. Согласно тантризму, реальность есть иллюзия, или майя... Наблюдатель и объективная реальность едины. Когда мы грезим, омниективная природа мечты очевидна... Все люди в мечте суть майя. Они суть конструкции сознания»¹³.

Современная физика показала, что понятие объективной реальности, на которое опиралась классическая механика, в математическом аппарате квантовой физики, представляющем наше знание о поведении элементарных частиц, как бы исчезает. Это повлекло радикаль-

ное преобразование мировоззрения. Ведь в квантовой физике результат эксперимента зависит не только от законов физического мира, но и от разума наблюдателя. На основании этого Талбот пытается утверждать, что радикальные положения квантовой физики, хотя и «являются новыми в царстве науки, тем не менее известны различным ответвлениям мистицизма»¹⁴.

Концепции современной физики могут показаться странными человеку, не искушенному в тонкостях теории относительности и квантовой механики. Так, кажутся необычными квантовые принципы суперпозиции и дополнительности. Человеческий разум, считает Талбот, страшится перспективы искривленного пространства и областей Вселенной, лежащих вне пространства и времени. Когда же человек начинает вчитываться в страницы индийских философских трактатов, то, согласно утверждениям Талбота, он приходит к выводу, что «тантра может рассматриваться как древняя ветвь квантовой теории». У индийских мистиков, поясняет он, обнаруживаются утверждения о том, что пространство и время образуют континуум и что не существует строгой причинности. «Странные» представления новой физики, делает вывод Талбот, были известны восточным мудрецам уже в VI—VII вв.¹⁵

По мнению М. Талбота, концепция Уилера и единая теория биогравитационного поля недвусмысленно свидетельствуют в пользу омниективности Вселенной. Это подтверждают, считает Талбот, и тантрические тексты. В них выделяются «три ступени сознания, последовательно приближающие к пониманию этого. Первая — это дуалистическая трансформация сознания, известная как садашива, или садакхътатва; она ставит акцент на «это». Единое сознание разъединяется майей таким образом, что объект видится отдельно от субъекта. Вторая — это ишвара-татва, и на этой ступени акцент делается на «я». Третья — это судда-видайя-татва, которая акцентирует «это» и «я» в равной мере и на которой... достигается проникновение в суть явлений (пракашаматра). Различие «это» и «я» больше уже не существует»¹⁶.

Полагая, что для современной физики не существует никакого физического мира «вне здесь» и что «сознание творит все», Талбот настаивает на том, что слияние мистицизма и новой физики влечет за собой новое мировоззрение. «...Не существует,— считает он,— пределов для структурирующих реальность механизмов человече-

ского сознания. Подобно тому как разум может войти во внутрь суперголограммы реальности и изменить ее, он может также создать совершенно новую реальность»¹⁷.

Талбот также убежден, что человеческий мозг воспринимает именно то, что хочет воспринять. «Мы рождаемся, — утверждает он, — не внутри мира, но внутри чего-то, что мы создали внутри мира». С точки зрения Талбота, получается, что люди просто выдумали мир. Они видят столы и стулья, облака и деревья якобы только потому, что верят в их существование: люди с рождения приучаются-де видеть мир одинаково. «В парадигме реальности, которую выдвинула новая физика, все категории реального и нереального рушатся. Как в известном парадоксе Шредингера, — пишет Талбот, — мы не можем определить, жива кошка или мертва, так и объективный мир мы не можем считать существующим или несуществующим». В концепции «соотносящейся космологии» Уилера мир реален лишь в том смысле, что «он объективно существует для индивидуального разума, но не является проекцией последнего... Разум и материя сосуществуют. Материальный мир не есть проекция индивидуального разума, однако его реальность координируется с реальностью этого разума. В определенном смысле Вселенная есть самомечтание»¹⁸.

Талбот считает, что стремление выйти за границы привычных форм языка — общее для современной физики и восточного мистицизма явление. Оказывается, что конвергенция мистицизма и современной физики учит якобы двум важным вещам.

Во-первых, как утверждает Талбот, становится «ясным», что «окончательная сущность реальности выходит за пределы языка. Это неоднократно обнаруживалось в парадоксах новой физики. Дополнительность волны и корпускулы, «да и нет» — логика квантового принципа, запредельная реальная и нереальная природа взаимопроникающих вселенных — все это выводит за границы двойственности нашего языка». Дело в том, что язык должен с чем-то соотноситься, разграничивать предметы, явления. Но если нельзя разграничить два электрона, как говорит Талбот, то нет смысла и в словах, приписывающих им различие. «Мы претендуем на то, — отмечает он, — чтобы приписывать наши слова нашим ощущениям. Поэтому, когда мы сталкиваемся с явлениями, в которых наши ощущения не могут быть различены, мы чувствуем, что наши слова потеряли при-

писываемый им смысл. Важная истина, конечно, состоит в том, что слова не обладают никаким смыслом (значением) или информацией с самого начала. Вся информация находится в голове». Тогда, если мы вновь обратимся к текстам дзэн-буддизма, «мы не сможем критиковать их за то, что они не несут информации, ибо никакие слова не несут никакой информации. Мы вновь сталкиваемся лицом к лицу с той проблемой, что и в мистицизме. В новой физике мы достигли пределов возможностей нашего языка. Гейзенберг писал, — подчеркивает Талбот, — что «проблемы языка здесь действительно серьезны. Мы как-то хотим говорить о структуре атомов... Но мы не можем говорить об атомах на обычном языке». Мистики давно знали это»¹⁹.

Во-вторых, утверждает Талбот, если мы достигли пределов выразительных возможностей языка, то правомерен вопрос: существуют ли формы мышления, которые выходят за эти пределы и которые можно использовать, чтобы «окончательно разрешить метафизические проблемы»? «Мистики, — пишет Талбот, — отвечают на этот вопрос положительно... Но чтобы испытать реальность за пределами возможностей вербальной практики, мы, — советует он, — должны отступить к познанию тела — к тем голограммическим частям мышления, которые буквально лежат за пределами слов... Следует помнить заповедь мистики, — проповедует Талбот, — что Махамудра — это великий символ за пределами всех слов... Мы можем научить наш разум выходить из вселенной слов. Ибо написано: «Махамудра подобен разуму, цепляющемуся за ничто. Упражняясь таким образом, ты со временем постигнешь буддизм»²⁰. Здесь просматривается концепция человеческого мозга как биокомпьютера, деятельность которого может якобы регулироваться методами йоговской медитации, и в силу этого позволяющей индивиду достичь будто бы единения с «духовным абсолютом», с «единым трансцендентным сознанием».

Итак, можно сделать вывод о том, что и теория «сопутствующей Вселенной» Дж. Уилера, и трактовка Талботом Вселенной как «единого разума», и космологическая теория Д. Бома, и интерпретация Капрой явлений микромира — все они исходят из положения о невозможности нарушить целостность бытия, провести различие между «внутренним» и «внешним», субъектом и объектом, «познающим» и «познаваемым». Названные выше концепции перекликаются с идеями эзотерической, рели-

гиозно-мистической традиции в философии Востока и Запада.

Холистский подход к миру, пропагандирующий идеалистическое истолкование несводимости целого к сумме частей, проявляется в акцентировании неразрывной связи «волн», «частиц», «квантов» с «наблюдателем». Доминирование духовных явлений неизбежно приводит к утверждению релятивистской квантовой психологии, что «физика становится ветвью психологии»²¹. Сторонники этого направления в психологии считают, что через сознание индивида проходит поток ассоциаций, мыслей, образов, символов, поток «универсальных волн» мышления, неотделимых от Вселенной. На этой основе они делают вывод, что посредством медитации, выработанной практикой йоги, индивид способен достигнуть трансцендентного состояния чистого сознания²².

Не случайно Ф. Капра и иже с ним рекомендуют физикам и другим естествоиспытателям для постижения Вселенной как целостного континуума осваивать религиозный и мистический «опыт», зафиксированный в философских традициях Востока и Запада. При этом в интерпретации реального мира они исходят из того, что на высшем уровне абстрактного символизма осуществляется идентификация сознания естествоиспытателя с определенными принципами порядка Вселенной, принципами, репрезентируемыми как «сумма истин» в метафизике, «сумма красоты» в искусстве и «сумма добра» в благородном действии. Коллективным символом всего этого является брахман, логос или бог²³.

«Параллелизм» между идеями современной физики и «восточной мудростью», включающей мистицизм, как считают некоторые западные авторы («параллелисты»), имеет не столько объективно-содержательные, сколько социокультурные основания. Популярность этого «параллелизма» они обусловливают следующими обстоятельствами. Концептуальное сопоставление физики и мистицизма, по их мнению, либо неправомерно, либо заставляет сделать тривиальный вывод о том, что они представляют собой совершенно разные вещи. Поэтому для объяснения феномена «параллелизма» идея между современной физикой и «восточной мудростью» они предлагают учитывать влияние всего многообразия культурных феноменов на развитие науки. В этом случае оказывается, что феномен этого «параллелизма» является «способом адаптации к социокультурному контексту»²⁴.

Мистицизм ориентирован на веру в существование трансперсональной реальности или трансцендентного высшего сознания. Эта вера способствует адаптации индивида к социальной действительности таким образом, что ее требования либо отступают на задний план, либо вообще утрачивают значимость. К тому же «мистический опыт» неопровергим, так как не имеет отношения к объективной реальности. Наука же исследует объективный мир, она есть «освобождающая форма мышления»²⁵. Развитие западной цивилизации в капиталистических странах привело к усилению зависимости человека от социальных механизмов принуждения и эксплуатации, к нарастанию неразрешимых противоречий между человеком и природой. Это повлекло за собой «антисциентистские» тенденции в западной культуре, которые выражают протест против дегуманизации научно-технического прогресса.

«Параллелизм», по мнению С. Рестиво, представляет собой определенную стратегию, направленную на «реабилитацию» науки перед критикой антисциентизма. Смысл этой стратегии — в том, что проведение «параллелей» и «аналогий» между мистическими и научными идеями якобы разрушает барьеры, препятствующие людям доступ к научным знаниям, в то время как эти люди испытывают сложнейшие воздействия науки, техники и производства²⁶. «Параллелисты», исходя из благих намерений, как бы пытается приблизить науку к уровню понимания этих людей, убедить их, что наука исследует своими методами те же проблемы, что и мистицизм (свобода, место и смысл человеческого существования во Вселенной, добро и зло, справедливость и вечность и др.). В результате же оказывается, что «параллелисты» дискредитируют науку, затушевывают противоположность между научным и мистическим мировоззрением.

Мистически окрашенная «восточная мудрость» представляет собой сложное и многозначное явление. В ней соединены разные, иногда весьма противоречивые, тенденции. Именно содержащиеся в «восточной мудрости» мистические идеи искажают, деформируют реальные социальные, жизненные проблемы. Благодаря включенными в нее философским идеям «восточная мудрость» обладает определенным прогностическим, правда метафорическим, потенциалом.

Особенность восточного религиозно-мистического

мышления часто усматривается в том, что «восточный путь мышления состоит скорее всего в цикличности вращения вокруг объекта созерцания... формировании многостороннего, многомерного впечатления путем наложения единичных впечатлений, полученных с разных точек зрения»²⁷. Иными словами, утверждается, что именно восточное мистическое мышление дает человеку способность многостороннего, многомерного видения предметов окружающего мира. Однако такого рода способность человеческого сознания отнюдь не является привилегией восточного, религиозно-мистического понимания (хотя и зафиксирована в нем). Эта способность, как показывают новейшие исследования в области нейрофизиологии и нейропсихологии, связана с программой деятельности человеческого мозга²⁸.

В конечном счете несостоятельность конвергенции физики и мистицизма, выдвигаемой некоторыми буржуазными учеными, обусловлена тем, что современная научная картина мира в своей основе имеет не только развитую методологию научного исследования, но и мощные индустриальные исследования. А религиозно-мистическая картина мира Востока основана на созерцании мира²⁹. Еще Г. Гессе писал: «Цель и результат медитации — не познание, как его понимает наша западная духовность, но сдвиг в сознании; это техника, высшая цель которой — чистая гармония, одновременное и равнозначное использование логического и интуитивного мышления»³⁰. Так, медитация патриархов дзэн не была ни аналитическим методом науки, ни синтетическим методом философского размышления. Медитация — это нечто сугубо противоположное методам логической аргументации. Медитация заслуживает внимания постольку, поскольку своей нелогичностью взрывает стереотипы сознания и пробуждает интуитивное мышление.

Понимание природы как упорядоченного и организованного целого оказывало и оказывает влияние на значение и эволюцию картин мира. Картины развивающегося мира в нашей литературе классифицируются следующим образом. Так, древний миф рассматривается как целостная замкнутая картина мира; средневековая картина мира с ее своеобразной монистичностью и ограниченностью предстает как мифологизированная картина природы. Выделяются, кроме того, классическая, механическая картина мира, электромагнитная картина мира, возникшая на основе теорий Максвелла

и Эйнштейна; квантово-полевая картина мира (абстрактная модель микромира). Сейчас формируется квантово-релятивистская картина мира, стремящаяся уловить целостность мира³¹. Все эти картины мира представляют собой по существу иконически-символические и неиконически-символические модели «внешнего мира». В них символы интегрируют воедино чувственные и абстрактные компоненты человеческого познания. Образы современной научной картины мира многозначны, носят символический, метафорический характер.

Процесс воспроизведения объективного мира совершается человеком либо на основе предметных действий, либо путем непосредственного чувственного контакта с действительностью, либо посредством символов. Как пишет Д. Бом, существенным является «тот факт, что через восприятие мы всегда находимся в состоянии контакта с миром, причем можем получать информацию об общей структуре той его области, с которой контактируем. Тогда науку можно рассматривать как средство для установления с миром контактов нового рода — в новых областях, на новых уровнях, с помощью разных приборов и т. д.»³². По мнению Бома, эти контакты имеют значимость только тогда, когда они сопровождаются рядом творческих актов понимания.

В стремлении охватить некоей системой понимания (а таковой выступает научная картина мира) целостную совокупность явлений природы наука пытается раскрыть основные структуры и формы, а также принципы организации материального мира, в том числе микромира, мегамира и их взаимосвязь. Вот здесь-то незаменимую роль играют символы, интегрирующие в единое целое перцептуальный аспект научного исследования и абстрактные образы реального мира. Символы, каждый из которых представляет собой неделимое целое идей и образа, обладают наглядностью и дают возможность для обозрения смоделированного объективного мира, и нет никакой необходимости прибегать к их иррационально-мистической интерпретации.

Попытки обосновать тождественность языка символов современной науки и языка символов восточного мистицизма, а тем самым показать «параллелизм» идей между современной научной картиной мира и восточной религиозно-мистической картиной мира поставлены под сомнение итогами развития современного естествознания. Подобного рода попытки, несмотря на их принци-

пиальную несостоительность, используются буржуазной методологией научного исследования для апологизации идеалистического мировоззрения.

Научное понимание и мистическое переживание пространства и времени

В современной буржуазной методологии научного исследования на передний план выдвигается момент «удивительного сходства» между научным пониманием пространства — времени и мистическим переживанием этих фундаментальных параметров мира «восточными мудрецами».

Иrrационально-мистический способ «постижения» сущности мира не требует обычных познавательных форм пространства и времени: мистицизм исходит из веры в возможность непосредственного «общения» между познающим субъектом и духовной «первосущностью мира».

Поиски буржуазными методологиями моментов «сходства» между наукой и мистицизмом обусловлены потребностью как-то уловить и зафиксировать сложные явления действительности. Так, в соответствии с представлениями современной релятивистской астрофизики эволюция звезды должна, например, достигнуть состояния гравитационного коллапса. Происходит уменьшение размеров звезды при неизменной массе, что сопровождается сильным искривлением ее пространства — времени, в результате чего она превращается в «черную дыру». Известно, что «черную дыру» невозможно зафиксировать средствами внешнего по отношению к ней наблюдения. Дело в том, что посланный сигнал не может выйти из поля тяготения «черной дыры» и время его распространения становится бесконечным для наблюдателя, тогда как оно конечно в регионе «черной дыры».

Вместе с тем буржуазные методологи в ходе своих психологических исследований проблем переживаний времени в дзэновской медитации пришли к выводу, будто бы религиозно-мистическая практика дзэн освобождает адепта от ограничений обычного пространства и времени. В состоянии сатори появляется переживание бесконечного, безвременного и вместе с тем динамичного «теперь», времени, которое нельзя измерить приборами¹. При этом считается, что динамичное «теперь» име-

ет якобы эстетическую природу, а она не поддается измерению физическими приборами.

Из дзэновской концепции непостоянства всего существующего, эфемерности и призрачности жизни следует, что все кратковременное тесно связано с понятием прекрасного: недолговечные мгновения отливаются в особую эстетическую форму. В соответствии с этим жизнь человека рассматривается тем прекраснее, чем она короче и ярче прожита. Для адепта дзэн мир явлений выступает абсолютом, «конечной реальностью» оказывается «здесь и теперь», т. е. время для такого мировосприятия всегда есть «теперь».

Сильное влияние концепции времени в дзэновской модификации сказалось на японской культуре: в литературе, живописи, архитектуре, прикладном искусстве, повседневной жизни, в том числе и на воспитании. Время и дзэн понимается как часть непреложного ритма космоса, которая принадлежит «духовному абсолюту», пронизывающему человека и Вселенную в ее циклическом повторении. Сезоны года являются лишь аспектами этого принципа вечной циклической регенерации мира, а обновление поколений — лишь часть круговорота Вселенной: личность не имеет здесь ценности, она незаметна в космическом процессе.

В религиозно-мистической дзэновской концепции мира каждый момент содержит в себе свободу от связей материального существования: «...время лежит по ту сторону времени, в необозримой экспансии бесконечно-го перерождения»². Это «время» (время сатори) никогда не реализуется в рамках нашего обычного времени, измеряемого количественно и показываемого часами. Человек живет в мире гомогенизированного, стандартизированного и объективированного повседневностью времени. Цель дзэновской практики состоит в том, чтобы помочь человеку освободиться от оков обычного времени и достичь своего истинного «я». В дзэновской концепции времени «сущностное время» (время сатори) отрицает единство противоположностей и исключает такие черты обычного времени, как необратимость и невозможность повторимости. Истинная бесконечность «я» может быть понята не посредством концептуального мышления, а только при помощи экстатического погружения в «теперь», содержащего в себе всю вечность³. На этот феномен указывает и Ф. Капра: «В этом духовном мире нет деления времени на прошлое, настоящее

и будущее, поскольку они сжимаются в единый момент настоящей жизни в ее истинном смысле... Прошлое и будущее сворачиваются в этом настоящем моменте озарения, и этот настоящий момент не есть что-то статичное в своем содержании, ибо он беспринципно движется»⁴.

В западной литературе, затрагивающей проблемы дзэн, подчеркивается, что в процессе медитации, когда индивид достигает трансцендентного сознания, происходит «самореализация человека». Так, американский исследователь Н. Шор «самореализацию человека» пытается представить как химическую реакцию, описывающую осцилляторный химический процесс, в котором участвуют исходный реагент, два промежуточных реагента и конечный продукт. Исходный реагент Шор заменяет «эго», промежуточные реагенты — позитивным и негативным жизненным опытом, конечный продукт — состоянием самореализации. В результате Шор дает описание психического процесса, используя научный аппарат химии. В конце этого процесса, утверждает он, индивид достигает состояния «высшего чистого, бескорыстного сознания, называемого нирвана, самадхи или Я»⁵. На этом основании Шор делает вывод, что постижение природы и человеческого сознания требует обращения к восточным концепциям реальности.

В духе «восточной мудрости» М. Талбот стремится доказать, что в интерпретации квантовой физики материя и пространство обязаны своим существованием человеческому сознанию⁶. Реальность при этом рассматривается как некая суперголографма, которую сознание творит для себя и в которую оно способно проникать и даже изменять. По мнению Талбота, в пользу этого свидетельствует обряд сельских жителей Шри-Ланки, которые под наблюдением верховных жрецов ходят босиком по раскаленным углем и при этом не испытывают болезненных ощущений и не обжигаются. Возможное здесь объяснение состоит в том, что путем волевых усилий сознание порождает биогравитационное поле, воздействующее на материю. «Способности верховных жрецов из Тамила, — считает Талбот, — доказывают, что наш разум может генерировать какую-то силу или поле, которое воздействует на пространственно-временной код. Подобно тому как электромагнитное излучение может искажать изображение в телевизионном приемнике, сознание способно деформировать хромосомоподоб-

ные кодовые ряды, известные нам как огонь, и влиять на суперголограмму реальности»⁷.

Однако для объяснения данного феномена нет необходимости привлекать идею о биогравитационном поле, генерируемом сознанием, достаточно естественных причин. Прежде всего нужно отметить, что причиной ожога является огонь. «Местом приложения его действия являются молекулы белков, которые подвергаются структурным изменениям различного характера: от обратимой денатурации до минерализации с освобождением углерода (обугливание) через необратимую денатурацию, так как поверхностные клетки эпидермиса покрыты роговым слоем, обладающим высокими теплоизолирующими свойствами...»⁸

В адаптации человеческого организма к различного рода болевым стимулам, в том числе и термическим, существенное место занимает эмоционально-психическая настройка человека. Установлено, что кожа содержит гораздо больше болевых точек, чем тактильных (их отношение равно 9 : 1) и тепловых (отношение превышает 10 : 1) точек, т. е. маловероятно, чтобы ноцицепция (реакция на болевые стимулы) определялась механо- или терморецепторами. Исследования свидетельствуют о том, что «многие целесообразные и эмоционально *нормальные реакции на болевые стимулы*, по-видимому, не являются врожденными, а должны вырабатываться...»⁹.

Известный чешский этнограф и путешественник М. Стингл следующим образом описывает условия исполнения священного танца на раскаленных добела камнях: «Вначале была вырыта яма глубиной в один и диаметром около шести метров. Ее наполнили камнями, на которых в дальнейшем разведут костер... Огонь разгорелся, камни раскалились. Начинают готовиться сами участники. Вообще-то они уже занимались этим в течение двух недель до начала священного ритуала: не прикасались к женщинам, поменяли режим питания (особенно вредными для них в этот период считаются кокосовые орехи). Позже мне рассказали о нескольких случаях, когда танцовщики не соблюдали предписываемых табу перед хождением по огню. Все они получили тяжелые ожоги, а один даже умер. Остальным аборигенам огонь никакого вреда не причинил... Удивительной способностью выдерживать жар обладают лишь ступни ног до щиколотки. Бедра, живот лишены этого чудесного

свойства»¹⁰. Искусство ходить по раскаленным углям и ти камням практиковалось в прошлом сибирскими шаманами, в Малой Азии, в Европе, в Японии. Сегодня оно практикуется островитянами Фиджи, индийцами, болгарами-нестинарами. Данная способность объясняется силой самовнушения, которая преобладает над нервными раздражительными процессами¹¹.

Талбот считает, что совпадение взглядов индусской мистики и новой физики обнаруживается и в понимании природы пространства, и в представлениях об элементарных частицах материи. «Например, индийские понятия «нада» и «бинду» тождественны концепции материи, которая является и волной, и частицей. В приблизительном переводе «нада» означает движение, или вибрацию. Когда Браhma творит материю, «нада» представляет собой первое сотворенное движение в мыслящем космическом разуме. «Бинду» буквально означает точку. Согласно тантре, когда материя рассматривается отдельно от сознания, она может быть представлена составленной из множества бинду, и физические объекты появляются, чтобы быть протяженными в пространстве. Однако, когда материя более точно понимается как проекция сознания, физические объекты уже не требуют (для своего представления. — В. П.) множества трехмерных точек в пространстве. Все коллапсирует к одному измерению (удивительно схожему с той одномерностью Вселенной, которая рассматривается в концепции «квантовой взаимосвязанности» Уилера) и становится сингулярной точкой бинду...» Используя слова одного из «восточных мудрецов», Талбот заключает, что «каждый объект или процесс должен рассматриваться как нада-подобный и бинду-подобный (как волна или частица)»¹².

Согласно Талботу, новая физика постулирует существование во Вселенной беспространственных и безвременных областей, которые лежат за пределами пространства — времени. Он ссылается при этом на высказывания даосистов, тантристов, дзэн-буддистов, а также на концепцию американского физика-теоретика Р. Фейнмана о том, что позитрон — это электрон, движущийся вспять во времени; на положения теории относительности о замедлении течения времени. Все это Талбот привлекает для того, чтобы аргументировать свой вывод. «На уровне повседневной жизни,— утверждает он, — мы можем эффективно функционировать со-

ответственно абсолютному времени. Однако компас физиков вновь указывает нам направление, в котором наш разум сталкивается с трудностями постижения явлений. Такие феномены, как квантовый потенциал и предполагаемое существование тахионов, свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые области нашей Вселенной (и нашего сознания — если корректна точка зрения бутстрата на сознание и реальность) существуют вне времени»¹³.

Талбот подчеркивает мысль о том, что сознание способно вызывать феномены, которые обычно считают невозможными, например изменение течения времени в обратном направлении подобно тому, как воспроизводятся события прошлого в памяти. «Именно структурирующие реальность области сознания могут воздействовать на материю и пространство, а также на время... Целокупная материально-пространственно-временная матрица физической Вселенной обязана своим существованием сознанию»¹⁴.

В иррационально-идеалистическом духе Талбот рассматривает и предполагаемую аналогию между концепциями пространство — время в современной физике и идеями, изложенными в тантрических текстах. Талбот пишет: «Уилер допускает, что электрический заряд либо линии электрического или магнитного поля суть буквально силовые линии, замкнутые в структуре пространства — времени. Сарфатти полагает, что организация материи обязана спектру самоорганизующихся полей (подобных самоорганизующимся полям жизни у Барра), которые формируют структуры материи из турбулентного моря квантовой пены». Тантрики же считают, что пространство пронизано «волосами Шивы», способными изменить пространственную структуру, т. е. их древние тексты могут свидетельствовать о пространстве как субстанции, содержащей замкнутые силовые линии. «Несомненно, что волосы Шивы, организующие материю в турбулентном море акэши, — это то же самое (что и силовые линии Уилера, и поля Барра.—В.П.)»¹⁵. Западная наука, как известно, лишь в прошлом веке оказалась способной постичь пространство в неевклидовых терминах и заняться концепцией кривизны. Тантрические же тексты, как считает Талбот, указывали на расширение и сжатие в акэши (силовой среде, сводимой в конечном счете к эфиру) уже много веков тому назад.

Связь индийского мистицизма и новейшей космологии Талбот излагает следующим образом: «Известен индийский миф о верховной личности Вселенной. Это — Сам, воспринимающий все существующее в форме игры. Однако, поскольку Сам есть то и все, что есть, он не должен выделять что-то, с чем он мог бы играть. Следовательно, по индийской традиции он играет в космическую игру, в прятки с самим собой. Это подразумевает целый калейдоскоп лиц и внешностей — ослепительную бесконечность масок и форм вплоть до того, что она становится живой субстанцией всей Вселенной. В этой игре в прятки могут принимать участие десять миллиардов жизней, смотрящих десятью миллиардами пар глаз, жизнь и смерть десять миллиардов раз. В конце концов, однако, Сам пробуждается от своих многочисленных снов и вспоминает свою истинную самотождественность, то, что он единственный и вечный Сам во всем Космосе. Игра начинается, игра заканчивается»¹⁶.

Талбот не останавливается на данной интерпретации, он начинает комментировать вопрос, что можно ожидать, если действительно произойдет конвергенция мистицизма и новой физики. «В самом деле, если она произойдет, — отмечает Талбот, — жизнь будет преобразована в нечто столь отличное, что его описание окажется за пределами возможностей нашего языка. Мы находимся на краю сверхъестественного. Наши мистики и мудрецы — эти хранители преддверья, продвинувшиеся вперед на самую малость того, что позволяет нам наше структурирование реальности, — предлагают нам только какой-то бесформенный ключ от той бесконечности, которая лежит за пределами Вселенной». Отсюда Талбот делает вывод о том, что новая физика дает научные основания для религии, которая «основана на психологии человеческого сознания, точнее, на психологии всей Вселенной как сознания, воздействующего на самое себя»¹⁷.

В «Бхагавадгите» же, этом евангелии восточного мистицизма, утверждается, что продолжительность существования материальной Вселенной ограничена, она измеряется «днями» Брахмы, который якобы живет примерно 311 триллионов и 40 биллионов лет в земном исчислении и затем умирает. «На основе таких вычислений жизнь Брахмы кажется фантастически долгой, беспредельной, но с точки зрения вечности она продолжается не дольше, чем вспышка молнии. В Причинном

океане существует бесчисленное множество Брахм, появляющихся и исчезающих подобно пузырям в Атлантическом океане» (Бхагавадгита. Комментарий. 8, 17). Краткий миг существования материальной Вселенной противопоставляется тому, что находится в лоне «духовного абсолюта».

Теперь посмотрим, что же скрывается за аналогиями между представлениями о пространстве и времени современной науки и восточного мистицизма. При этом необходимо учитывать, что «в наших знаниях еще много пробелов, и мы глядим на Вселенную словно сквозь дымку, а порой как будто даже сквозь густой туман»¹⁸. Представление об уровнях организации сложных объектов природы дает следующая классификационная схема, начиная с элементарных частиц и кончая Вселенной в целом. Это — частицы элементарные (кванты излучения, электроны, протоны, нейтроны и т. д.). Атомы. Молекулы. Молекулярные системы. Агрегаты коллоидов и кристаллов (в неорганическом мире — минералы, метеориты и т. д.; в органическом мире — организмы, колонии и т. д.). Метеоритные системы. Планетарные системы. Звезды. Звездные системы. Галактики. Галактические системы. Метагалактики. Тела и организованные системы (галактики, звездные системы, звезды, планеты). Космоплазма (межзвездный газ, межзвездные частицы, космическая пыль, диффузная материя). Вселенная. Пространство — время¹⁹. Анализ данной классификационной схемы показывает, что вся система уровней организации в природе имеет спиральный характер, ибо «конец системы оказывается ее началом»²⁰.

Уровень организации живой материи, в том числе и человека, с точки зрения степени интеграции элементов, из которых эта материя состоит, дает возможность ограниченного чувственного восприятия других, высших и низших, уровней указанного ряда. Вместе с тем интеллектуальное видение человека охватывает широкий диапазон феноменов природы — от элементарных частиц до космических объектов, а его самого можно определить как макроскопическое существо на среднем уровне, пользующееся трансформированной организми чувств информацией о явлениях и объектах других уровней²¹.

Фактическое содержание наблюдений основано на пространственно-временных совпадениях указателей приборов со шкалами измерений (например, стрелок часов с делениями циферблата и т. д.). Научное исследование

дование представляет собой в основном «способ расширения перцептуального контакта человека с миром...»²². Новые же физические теории во все большем числе содержат научные понятия, «которые не могут быть *непосредственно соотнесены с физическими объектами*»²³. Разрешение этого противоречия с необходимостью приводит к рассмотрению соотношения реального, перцептуального и концептуального пространства и времени. Явления природы и изменение их состояний находятся в реальном пространстве и времени, их чувственное отражение — в перцептуальном пространстве и времени, а их абстрактные образы фиксируются с помощью концептуальных пространства и времени. С одной стороны, перцептуальные пространство и время являются основой для построения концептуального пространства и времени: через них осуществляется переход от отображения единичного, конкретного, к отображению обобщенного, т. е. переход от чувственно-конкретного образа к абстрактно-логическому образу. Полученный абстрактный обобщенный образ существует в «конкретной форме нейродинамической мозаики функционально-структурного кода в материале нервной ткани»²⁴. С другой стороны, перцептуальное пространство и время выступают промежуточным звеном между теоретическими конструкциями концептуального пространства и времени и реальным миром, позволяют не только фиксировать результаты мышления в виде знаков, но и понимать создаваемые в процессе научного творчества абстрактные образы реальности²⁵.

В определенном плане значимость перцептуальных пространства и времени состоит в том, что в них символически отражены реальное пространство и время. Ведь мышление, хотя и возникает в рамках социального общения, должно в той или иной степени адекватно отобразить такой «внесоциальный» объект, как природа. Она тем или иным способом входит в содержание мышления. И несмотря на то что природа дана человеку в формах его деятельности и социального сознания, он «схватывает» определенные контуры реальности. Последние являются инвариантными относительно изменяющихся форм социальной и культурной жизни. В западноевропейской традиции получил распространение теоретический способ познания. «Он существенно отличается от того способа, который предполагает полное доверие к чувственным восприятиям и рассматривает

познание, основанное на этих восприятиях, как исчерпывающее.

В других культурах возникновение теоретического отношения к миру может принять и действительно принимает непривычные для нас формы. В силу этого мы можем не заметить того глубинного родства различных культур, которое раскрывается лишь специальным историко-сравнительным анализом. Для наших целей достаточно обратить внимание на то, например, что в индийской культуре во времена античности возникает представление о различных типах знания. Если греческий философ различает знание по мнению, т. е. знание, основанное на восприятии мира органами чувств, и знание по истине, основанное на строгом мышлении, то индийский мыслитель идет по пути освобождения от чувственного знания в область аскезы, т. е. особенного состояния, в котором непосредственно постигается сущность бытия»²⁶. Истории культуры известно разнообразие теоретических форм познания действительности, несущих в себе скрытые механизмы и порождающих сходные идеи.

Гармония мира проявляется в ритмах звуков, красок, цвета и т. д. Вселенную как целое человек может постигнуть на эстетическом уровне. «Художник, — пишет М. Уеда, — способен передать настроение, все краски природы, заставив сделаться свой дух бесцветным и равнодушным. Превратившись в ничто, его дух станет способным объять все явления Вселенной, ибо тогда станет равной энергии Вселенной его творческая сила»²⁷. Таким образом, считается, что индивид во время медитации как бы выходит за границы пространства и времени и испытывает ощущения вибрации, ритма и др.

Совсем другое дело, когда встает вопрос о постижении Вселенной как целого на теоретическом уровне. Так, советский ученый М. А. Марков ставит вопрос о не противоречивом описании «вечно осциллирующей Вселенной» с чередующимися фазами расширения и сжатия²⁸. В научной литературе последнего времени задается вопрос: что же было в природе до описываемого начала Вселенной? На данный вопрос дается вполне естественный ответ в виде варианта «вечно осциллирующей Вселенной». «В такой Вселенной, — пишет М. А. Марков, — фаза расширения сменялась бы фазой сжатия, и такая Вселенная не имела бы ни начала, ни своего конца во времени»²⁹. Причем частицы в рассматри-

ваемой модели Вселенной не сохраняются, ибо их энергия превращается в энергию элементов вакуумообразной материи. «Элементам вакуумообразной материи нельзя приписать какие-то значения величин энтропии. Накопленная энтропия в процессе коллапса Вселенной исчезает вместе с исчезновением частиц. Вместе с нарушением обычного закона сохранения энергии (частиц) нарушается и второй закон термодинамики, закон возрастания энтропии»³⁰. Таким образом, разрешается пресловутая проблема тепловой смерти Вселенной. Полученные уравнения при стремлении постоянной Планка к нулю описывают классическую Вселенную.

Заслуживает внимания и то, что новейшие теоретические исследования ставят под сомнение аналогию между представлениями космологии о «черных дырах» и бинду (точка) Шивы*. Так, А. А. Логунов и М. А. Метвиришвили предложили релятивистскую теорию гравитации (РТГ), построенную на основе принципа относительности и принципа геометризации с помощью представления о гравитационном поле как физическом поле в духе Фарадея—Максвелла³¹. РТГ отстаивает концепцию классического поля тяготения, которое как материальную субстанцию нельзя уничтожить выбором какой-либо системы отсчета. Согласно РТГ, гравитационный коллапс, который для сопутствующего наблюдателя происходит за конечное собственное время, не приводит к бесконечному сжатию вещества, а останавливается при определенном конечном значении плотности тела. «С точки зрения внешней системы отсчета яркость объекта экспоненциально уменьшается (он чернеет), однако при этом с ним ничего необычного не происходит, ибо его плотность всегда остается конечной»³². Поэтому, с точки зрения РТГ, никаких «черных дыр», в которых бы происходило гравитационное сжатие вещества до бесконечной плотности, в принципе не может быть в природе.

В пользу этой гипотезы свидетельствует дальнейшее осмысление общей теории относительности в плане ис-

* В индийской мистике можно найти аналогии представлениям современной космологии о «черных дырах». Чем становится Вселенная, когда она сжимается до состояния коллапса? Согласно тантрической традиции, она коллапсирует в то, что известно как бинду Шивы, т. е. в некую математическую точку, не имеющую пространственного объема. На этом основании адепты мистицизма делают заключение, что концепция тантры вновь обнаруживает прямое сходство с концепцией современной космологии.

пользования финслеровых геометрий, которые не только позволяют развивать теорию физических полей с различными внутренними симметриями, но и построить модель пространства — времени, объясняющей всю совокупность наблюдаемых фактов без привлечения идей «черных дыр». Предполагается, что теория анизотропного пространства — времени с финслеровой связностью может сыграть существенную роль в дальнейшем развитии общей теории относительности и внести свой вклад в построение научной картины мира³³.

Теперь рассмотрим идею «восточной мудрости», которая «подтверждается» якобы современной наукой, — идею о существовании внепространственных и вневременных областей Вселенной. В свете последних достижений науки Вселенную можно рассматривать как совокупность различных устойчивых целостных уровней. Это мир частиц, движущихся со скоростью света (фотоны); мир частиц с ненулевой массой покоя; мир крупных, весомых масс, сконцентрированных внутри звезд, галактик и групп галактик; мир живых организмов; мир человека как биологического вида и как отдельных представителей этого вида; мир коллективных институтов человеческого общества в тех пределах, в которых они функционируют как «полусамоуправляющиеся структуры»³⁴. Основной принцип такого холистского подхода к Вселенной состоит в том, что на выделенных уровнях материальные системы существуют как целостные образования.

Каждое целое является частью большего целого. Вместе с тем оно содержит в себе меньшие целые, на функционирование которых оно оказывает структурные ритмические влияния. Так, человеческое тело как целое содержит огромное количество клеток, которые сами в свою очередь содержат мириады атомов, а в последних «вращаются» с фантастическими скоростями субатомные частицы. В то же время человеческий организм включен в систему планеты Земля, в которой определенным образом функционирует человечество как целое. Сама же Земля входит в большее целое, образованное Солнечной системой, которая является элементом нашей Галактики, представляющей собой целостную систему из звезд. И наконец, Метагалактика (Вселенная) как целое состоит из множества галактик. Для нас существенно то, что каждое из этих целых имеет свои пространственные и временные параметры.

Из принципа неопределенности Гейзенberга следует, что существуют нижние границы времени и пространства. Эти границы составляют для времени (атомный хронон) — порядка 10^{-23} с, а для пространственного интервала — порядка 10^{-12} см. Соответственно галактический хронон равен 10^{12} с, а пространственные размеры — порядка 10^{22} см. Общая теория относительности указывает на то, что существует верхний предел расстояний — радиус Вселенной, величина которого составляет 10^{28} см, и характерное время — метагалактический хронон, порядок которого оценивается в $2 \cdot 10^{17}$ с. В связи с этим становится понятной относительность, например, между временным и вневременным: то, что называют вневременной областью Вселенной, фактически представляет собой иной порядок времени, иной хронон³⁵.

Утверждение некоторых западных ученых о том, что реальность есть некая суперголограмма, которую сознание-де творит для себя, неадекватно действительности. Нереален и вывод, делаемый на этой основе: будто бы сознание может проникать во внутрь реальности и изменять ее, будто бы в конечном счете Вселенная представляет собой сознание, творящее целостную материально-пространственно-временную матрицу физического мира. В науке действительно имеется гипотеза, связанная с проблемой разума в космосе, «согласно которой «большие» и тонкие по функционированию системы могут, благодаря взаимодействию входящих в них подсистем, обладать имманентно присущим им сознанием или его аналогами как неотъемлемым функциональным средством отображения реальности и антиэнтропийного влияния на внешний мир и самих себя»³⁶. Несмотря на свою привлекательность, данная гипотеза эмпирически не подтверждена, хотя логически пока не опровергнута.

О смысле гипотезы «галактического разума» речь уже шла. Добавить к этому можно следующее. Логично предположить, что из существования «космического разума» следует существование разума на уровне и микромира. К такому выводу и пришел небезызвестный нам Т. Лири. Согласно его точке зрения, источником сознания являются и код ДНК — «генетический мозг», конструирующий тело и нервную систему; и ядро атома — «элементарный мозг», производящий атомы и молекулы в соответствии с квантовой логикой. В итоге Лири приходит к межзвездной нейрогенетической телеологии,

включающей в себя «метафизиологическую нейроатомную эсхатологию, которая объясняет, что происходит, когда сознание оставляет тело»³⁷. Перед нами, оказывается, старая-престарая религиозно-мистическая идея «путешествия» души, облаченная, однако, в одежды научной терминологии.

Несостоятелен и постулат «единой онтологии» для науки и религии (вспомним тезис «новая физика дает научные основания для религии»). Эта «единая онтология» по замыслу ее создателей должна быть шире атеистической онтологии науки и содержать «божественные элементы». Из «единой онтологии» делается ее адептами вывод о равнозначности методологических статусов науки и религии. В действительности же онтология науки и онтология религии не тождественны друг другу, ибо онтология науки принципиально исключает такой элемент, как трансцендентная трансперсональная реальность — бог.

«Религия по существу своему, — писал Ф. Энгельс, — есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих. Пока сильна и жива вера в этот потусторонний фантом, до тех пор таким окольным путем человек добивается хоть какого-нибудь содержания»³⁸. Данное положение Энгельса является мировоззренческим ориентиром и методологической основой решения вопроса о том, что стоит за аналогией между научными представлениями о пространстве и времени и мистическими переживаниями пространства и времени.

В арсенале современной науки имеется множество различных пространственно-временных моделей, которые дают возможность фиксировать и интерпретировать чувственное многообразие материального мира и каждая из которых отражает один из аспектов реального мира. Эти модели пространства — времени все более и более уточняются в зависимости от культурной традиции, усвоенной ученым. Иными словами, познание природы реального мира зависит от характера и способов нашей деятельности, выработанных той или иной культурой. Содержание наших знаний о мире определяется в большей степени нашей предметной деятельностью, чем его созерцанием.

Наука на пути к целостной картине мира

В только что изложенном выше материале, свидетельствующем об интересе современных западных физиков к «восточной мудрости», перед нами фактически в мистифицированном, извращенном виде представлена вполне реальная картина научного творчества. Действительно, в современной науке новое знание продуцируется при помощи тех или иных гипотез. Назначение же гипотезы, как писал Ф. Энгельс, — быть «формой развития естествознания...»¹. Выдвижение гипотезы — творческий процесс, необходимыми компонентами которого являются эстетический момент и интуиция. История развития человеческой культуры свидетельствует о том, что ученые не могут обойтись в своих научных исследованиях без чувственно-наглядных образов, несущих эстетическую нагрузку². Многие крупные ученые, философы, историки науки — П. Дирак, Н. Бор, Э. Шредингер, А. Эйнштейн, А. Планк, И. Кант и др. — указывали на роль гармонии, чувства красоты в создании и отборе научных теорий и концепций. В данном случае речь идет о красоте как гармоничности, совершенстве, упорядоченности, как о свойствах, отображающих сущность.

Чувство прекрасного, возникающее при восприятии как произведений искусства, так и абстрактно-символических систем науки, тесно связано с так называемым внутренним представлением³ и принципиально отлично от восприятия того, что принято называть красивыми вещами. Речь идет о том, что красота — это в определенном смысле блеск истины, слияние красоты позволяют распознать истину.

В настоящее время заслуживает внимания точка зрения на соотношение истины и красоты. Определенные вещи реального мира прекрасны и конституируют естественный источник эстетического переживания. Вместе с тем эстетическое наслаждение способны вызывать идеализированные объекты не только искусства, но и науки⁴. Для научного творчества важно то, что красота дает возможность субъекту познания «схватить» мир в его целостности, что она указывает на проявление в творческом мышлении физиков и математиков целостности духовной культуры. Нельзя не согласиться с В. Гейзенбергом, который отмечает, что прекрасное затрагивает не только сферу искусства, но «и иные сферы духовной жизни, а красота природы отражается также и

в красоте естественных наук»⁵. Однако следует учитывать, что В. Гейзенберг истолковывает красоту в природе как отражение идеи красоты, духовной красоты.

В противоположность идеалистической методологии теория материалистической диалектики доказывает, что красота природных структур, которые существуют независимо от человеческого сознания, раскрывается посредством общественно-исторической практики, т. е. в ходе очеловечивания, «антропоморфизаций» природы. Поэтому научное творчество, в основе которого лежит превращение природных структур в феномены культуры, в ценности человека, органически включает в себя чувство красоты, что хорошо демонстрируют творческие искания А. Эйнштейна, Г. Вейля, В. Гейзенberга, Н. Бора и других крупнейших физиков и математиков современности. Для их творчества характерны стремление «нащупать» истинную красоту природных явлений и структур, взаимодействие мысли и чувства, которые дают восприятие неповторимости момента (эстетическая интуиция), что и позволяет постичь глубинные основы природы. Иначе говоря, структуры физической реальности раскрываются в процессе «антропоморфизаций» природы, с которым связано и «чувство красоты», позволяющее ученым «схватить» мир в целостности.

Чувство красоты, как известно, немыслимо вне психофизических процессов человека как специфической биосистемы. И хотя это положение тривиально, оно тем не менее оказывается принципиальным, когда заходит речь о проблемах научного творчества. Ведь в науке имеется концепция, согласно которой психофизические процессы имеют неделимо-целостный характер и их поэтому нельзя якобы адекватно выразить моделями традиционной науки⁶. Предполагается, что эти процессы выражают взаимопроникновение научно-аналитического и эстетического. Дело в том, что некоторые физики — С. Дрелл, В. Гейзенберг, Ф. Капра, Дж. Уилер — указывают на значимость «эстетического начала» во внутридядерных и космических процессах⁷. В данном случае учитывается факт динамизма нашей Вселенной на различных ее уровнях, который связан с разнообразием и красотой явлений.

Сам процесс освоения космоса вносит коррективы в понятие природы как эстетической ценности. Существенно то, что идеи космизма, основанные на земном опыте и практике освоения внеземного пространства, «создают почву для неизвестных ранее эстетических эффектов»,

связанных с биологическими и духовными возможностями человеческого рода⁸. Не случайно сейчас происходит оживление интереса к японским садам, символика которых выражает связь человека с Вселенной. С искусством японских садов смыкается метафорически иносказательный метод поучений, присущий дзэнским коанам. Последние наряду с медитацией, экстазом, трансом и другими психофизическими способами дают возможность достигнуть измененного состояния сознания, которое позволяет человеку перейти от «текстовой коммуникации» с миром к внеtekстовому бытию, к непосредственной коммуникации с мирозданием⁹.

Для понимания природы научного творчества необходимо исходить и из того, что психические процессы связаны не только с мозгом, с организмом человека, но и со всей Вселенной. Ведь в центральной нервной системе (ЦНС) человека происходит селекция информации: из 10 млн единиц информации только одна осознается, остальная масса воспринятой информации не осознается и фиксируется в сфере бессознательного¹⁰. Именно с этой сферой связана творческая интуиция, генерирование гипотез, без которых невозможно создание новых научных теорий. Поэтому подход, рассматривающий человека, его нервную систему как многоканальную систему, — перспективный подход.

В настоящее время научные данные о строении и функции нервной системы свидетельствуют о том, что нервный аппарат и информация — это орган и его функция. Главная функция нервной системы состоит в восприятии, преобразовании, накоплении, сохранении и распределении информации. Так, например, сетчатка —тоненький листик нервной ткани — служит аванпостом ЦНС. Она состоит, согласно современным представлениям, из 5 основных классов нейронов и подклассов, содержащих около 50 функциональных элементов, т. е. в кодировании зрительной информации участвуют десятки типов специализированных клеток¹¹. Зрительная система осуществляет многоканальный многоуровневый анализ: «Если уровень палочек и колбочек сетчатки дает картину, как на цветном фото, то другие уровни могут выделять форму, как на картине кубистов, эмоции, как на картине импрессионистов, некий конечный стимул, как на картине абстракционистов»¹². Аналогичным образом целостное ощущение (тела) и окружающего мира проецируется в мозге в десятках и более структур,

относящихся к различным уровням его деятельности.

Крупнейшим достижением последних лет является расшифровка «топического представительства в различных ядрах и слоях мозга точек тела (сомы), полей сетчатки, звуковых тонов, различных запахов, обнаружение упорядоченных проекций неизвестной природы»¹³. Однако пока неизвестно, как мозг человека расшифровывает и воссоздает образ внешнего мира, т. е. не установлен код работы мозга. Люди и животные имеют также систему «активных точек» и «каналов» (с ней связана система «янь» и «инь» в китайской иглотерапии). Эта система «в целом явно функционирует как нечто способное воспринимать какие-то сигналы извне и затем трансформировать их в соответствующие формы внутренней активности»¹⁴.

В этом плане «каналы» аналогичны своеобразным «антенам», а вся система аналогична своеобразному «приемному» устройству. Организм человека — своего рода приемник электромагнитных волн. И если науке известно влияние света на живой организм, то почти ничего неизвестно о воздействии на него электромагнитного космического излучения. «К сожалению, биофизические и экологические функции системы (организма человека. — В. П.), — пишут С. М. Шугрин и А. М. Обут, — почти не исследованы и практически неизвестны»¹⁵.

Определенные успехи достигнуты в области электромагнитной биологии при исследовании деятельности мозга человека. Оказывается, западный ученый У. Эйди установил, что «слабые электромагнитные поля нейронов играют важную роль в процессах переработки информации, образуя... «вторую сигнальную систему» в дополнение к синаптической системе»¹⁶. Экспериментально установлено влияние магнитного поля непосредственно на головной мозг, минуя органы чувств. Наиболее чувствительным к магнитному полю оказался такой структурный элемент нервной ткани, как глия (нейроглия — клетки в головном и спинном мозге). Есть предположения, что этот эффект благотворно сказывается на развитии творческих способностей¹⁷. Не менее интересно и то, что в клетках глии обнаружено наличие пигmenta липофусцина, который играет роль антенны, перехватывающей синхронизирующие электронные сигналы¹⁸. Электромагнитная сигнализация, принимаемая и преобразуемая пигментами мозга, может быть одним

из физических факторов, обуславливающих скорость и диапазон операций, происходящих в сознании.

При рассмотрении человека как многоканальной системы не менее существенным является исследование биокоммуникаций¹⁹. Если в излучениях планет, звезд и галактик зашифрована информация об их состоянии, то почему подобной зашифрованной информации не может быть в излучениях, генерируемых биосистемами? Научные исследования показывают, что человек может вне обычных органов чувств воспринимать физические поля, излучаемые другими индивидами. Имеется целый спектр физических полей — электрическое и магнитное поля, инфракрасное, радиотепловое, оптическое и акустическое излучения, а также изменения химического состава окружающей среды, связанные с жизнедеятельностью, — все это может нести физиологическую информацию. Важно то, что доказано существование особого сенсорного канала, по которому возможна передача физиологической информации и дистанционное воздействие. Более того, возможна дистанционная передача психической информации от одной живой системы к другой²⁰. Советский ученый Б. В. Бирюков в этой связи предполагает, что «по крайней мере, часть информации, создаваемой живыми системами, обладает, по-видимому, не логическим, а наглядно-образным и фрагментарным характером»²¹. Во всяком случае довольно известно, что в мире животных весьма широко распространено общение при помощи кодированных электрических сигналов. Так, исследованиями установлены следующие факты: пчелы используют электрические поля для передачи и приема определенного информационного кода; вожаки сообществ зайцев и антилоп передают при помощи радиосигналов сообщение о появлении врага. В 1976 г. канадские исследователи Ж. Бигудель Бланко и Цезарь Ромеро-Сьерра подтвердили генерацию организмами животных и людей радиосигналов, сила которых зависит от степени возбуждения²². У человека биоэлектромагнитная связь проявляется слабее. Чтобы выявить принципиально новые средства дистанционной связи по сравнению с обычными электромагнитными волнами, требуется всестороннее исследование экстрасенсорного восприятия (ЭСВ) и передачи волн головного мозга. Речь идет об исследовании телепатической связи, для этого необходимо установить механизм преобразования человеческим телом получаемых им сигна-

лов в электрические импульсы, которые несут информацию мозгу.

И наконец, свойство человека быть многоканальной системой позволит, очевидно, понять со временем важнейшее свойство биологической памяти — ассоциативность. Это значит, что при наличии на входе биосистемы части всех признаков некоторого объекта может быть воспроизведена (осуществлен поиск) вся информация о данном объекте. Именно это свойство памяти человека позволяет быстро распознавать различные образы, и поэтому сейчас перспективным направлением в науке считается разработка оптических нейронно-сетевых компьютеров. Это — устройство для моделирования процессов работы человеческого мозга путем имитации его анатомических нейронных структур²³. Определенные достижения здесь уже имеются, но следует учитывать то, что, по мнению некоторых ученых, число ассоциаций человеческого мозга ограничено. Вот почему невозможно выразить на языке все те образы и переживания, которые возникают в голове ученого, поэта, художника, писателя и др.

Само творчество детерминировано и восприятием пространства, и восприятием времени. В последние десятилетия идут активные исследования психофизиологических аспектов творчества. Одним из направлений на Западе является конструирование «архитектурных машин», дающих якобы возможность человеку выключиться из реальной пространственно-временной структуры. Предполагается, что особым образом организованная пространственная структура «архитектурной машины» способствует появлению у человека новых образов и ассоциаций, необходимых для творчества. Данное направление поисков связано с развитием электронных средств массовой коммуникации. «С помощью новейшей аудиовизуальной техники создавалась «собственная среда», отключающая человека от фактической реальности, замыкающая его в мире управляемых иллюзионных эффектов»²⁴. Так, в проектах «моментальных (мгновенных) городов» западных архитекторов П. Кука, Д. Кромптона, Р. Херрона электроника с помощью различного рода проекций и голограмических эффектов, светово-цветовых и звуковых программ создает впечатление урбанистического пейзажа. Огромные возможности создает «видеотектика». «Тотальное видеоокружение» в собственном доме дополняется электронными синтезаторами, которые дают

возможность создавать аудиовизуальные эффекты, пре-
восходящие любое воображение. «Подключая такую си-
стему к устройствам биологической обратной связи, мо-
жно визуально воспроизводить и прослушивать собст-
венные переживания, сны. Эксперименты в области «ме-
диатектуры» позволяют создавать оптические и звуковые
образы, переключающие нормальное восприятие человека
в некие «сверхчувственные плоскости», и заменять
обычные человеческие ощущения совершенно новыми
сенсорными «интерперсональными» психологическими
реакциями»²⁵.

«Архитектурные машины», отключающие от реаль-
ности, специальные устройства, модифицирующие вос-
приятие посредством воздействия на органы чувств и
мозг, аппараты для «игрового расширения сознания»,
контролирующие психику и освежающие чувства, «кап-
сулы и шлемы для прослушивания самого себя» —
вот что предложили венские экспериментаторы на рубе-
же 60—70-х годов. Все это на первый взгляд фантастич-
но, однако эти машины и аппараты рассматривались в
НАСА (Национальное управление по аeronавтике и ис-
следованию космического пространства, США), исполь-
зовались в Нейрологическом институте Венского универ-
ситета²⁶. При помощи этих аппаратов достигается пред-
намеренное, подконтрольное человеку расширение сфе-
ры ощущений.

Необходимость расширения перцептуальной сферы
человека связана, с одной стороны, с тем, что современ-
ная физика имеет дело с различного рода абстрактно-
символическими пространствами. С другой стороны, в
ходе научного исследования природы и ее пространст-
венно-временных характеристик «мы их пережива-
ем»²⁷. Данный подход предполагает рассмотрение всех
психических проявлений активности субъекта и потреб-
ности в истине. Только так можно осуществить вклю-
чение в понимание субъекта общих посылок его бытия.

Определенный свет на «аналогию» между современ-
ными научными концепциями и мистифицированным пе-
реживанием пространства и времени проливают иссле-
дования «индивидуального времени», ибо «все случаю-
щееся во внешнем мире и в самом себе человек воспри-
нимает через свое индивидуальное настоящее время»²⁸.

Анализ эволюции культуры, систем знаков и мозга
предков человека, а также развития младенца (а до это-
го и зародыша — еще во чреве матери) свидетельствует

о том, что функции левого полушария — продукт социализации индивида, а функции правого — врожденны. Образы правого полушария дают охват целостной картины мира, логические же схемы левого полушария, включающие лишь отдельные детали, относятся к самосознанию «я». В этом аспекте становится понятным, почему в процессе мистического переживания индивид как бы сливается с мирозданием и у него возникает иллюзия бессмертия. Ведь различные техники медитации дают, например, возможность отключать левое полушарие, в результате чего исчезает личность (умирать было некому), исчезает отсчет объективного времени, выработанный в той или иной культуре²⁹.

В случаях правополушарной патологии мозга также проявляется феномен «ослабления» и «исчезновения» времени. Аналогичный феномен обнаруживается у нормального человека в условиях сенсорной депривации, когда исключается воздействие внешних стимулов. «Индивидуальное время» становится «пустым», происходит его рассогласование со временем «внешнего мира», оно кажется остановившимся или ускоренным. Такие малоисследованные закономерности пространственно-временной организации психики нормального человека, как способность субъекта образно воображать несуществующие ситуации, игнорируя переживаемые актуально реальные пространство и время, наводят на мысль, что психика человека функционирует в нескольких пространствах и временах³⁰. Исследования динамики и активности зон и структур головного мозга, обеспечивающих психическую и двигательную деятельность, в свою очередь свидетельствуют в пользу многоуровневого принципа «организации нейродинамики соподчиненности и независимости мозговых процессов с разным масштабом времени»³¹.

В связи с этим представляет интерес квантовомеханический подход к функционированию человеческого мозга. Существует мнение, согласно которому деятельность мозга может совершаться в соответствии с квантовыми законами. Анализ такого рода возможности показывает, что сознательная деятельность мозга представляет собой выходное устройство и ему соответствует обычная логика, тогда как бессознательная деятельность мозга является основой интуитивных прозрений и совершается согласно квантовой логике. Различные мысли и картины, которые возникают в сознании неадекватно,

передают функционирование сферы бессознательного. «При включении сознания возникает стохастичность в выводах, решениях, подобная стохастичности при квантовомеханических измерениях»³². «Извлечение» информации из глубин бессознательного осуществляется либо спонтанно, либо на уровне необычных, измененных состояний сознания, к которым относятся сновидения, гипноз, состояния, вызванные воздействием химических веществ, синестезические переживания и медитация.

Рассмотрим кратко явления синестезии и медитации, которые имеют отношение к психофизиологическим аспектам творчества³³, в том числе и научного творчества. Синестезия основана на том, что музыкальные звуки, фонетические знаки, целые слова, вкусовые ощущения, запахи и т. п. вызывают у некоторых индивидов цветовые образы. Чаще всего ощущения цветовой гаммы стимулируются музыкальными звуками, и не случайно в науке обсуждается вопрос об аналогиях между музыкальной и живописной гаммой, между общей тональностью, эмоциональным строем живописного и музыкального произведения. По мнению Н. Н. Волкова, эти аналогии несомненно являются закономерными, так как они «выражают либо общие конструктивные законы художественных явлений, либо, что для нас сейчас особенно важно, общие эмоциональные качества и общие эмоциональные ходы»³⁴.

Существенно то, что именно изобразительность в живописи создает музыку цвета, с музыкальностью же связана содержательность цвета. В живописи конкретный цвет окружен ассоциативным ореолом, и, поскольку он является носителем связанных с ним других сторон человеческого опыта, постольку «в конкретном акте восприятия цвета реализована история «человеческой чувствительности»»³⁵. К тому же информационный подход к анализу музыкальных и художественных произведений показал, что «построение большинства произведений великих мастеров подчинено строгой математической логике, которая, конечно же, не осознавалась гениями искусства в момент творения»³⁶. В ракурсе нашего рассмотрения имеет значимость тот момент, что существует связь между спектром цвета, музыкальной гаммой и различными эмоциональными переживаниями человека. Ведь интерпретация абстрактно-символических систем, используемых в современной науке, не только требует категориального аппарата, но и сопровождается

эмоциональными реакциями на соответствующие объекты познания.

Эмоции в силу своей природы позволяют «извлечь» из глубин бессознательного информацию, необходимую для интерпретации экспериментальных данных, для решения той или иной теоретико-познавательной задачи. Неудивительно, что эмоции наряду с чувственно-наглядными и интуитивными образами, которые зачастую считаются признаком художественного творчества, играют важную роль в научном творчестве, особенно касающемся космологии и физики микромира.

В число способов, активизирующих память исследователя, входит и медитация, которая представляет собой «деавтоматизацию привычных нам психических структур — медитирующий выходит за границы логически-структурированного сознания»³⁷. В процессе медитации внутренний мир индивида как бы «растворяется» в мире культуры, коммуникация с окружающим миром достигается на уровне бессознательного, содержащем архетипы, традиции и обычай, в которых спрессован социально-исторический опыт поколений. В результате этого процесса, когда вся информация, полученная на протяжении истории человеческого общества, «сжата» и ее фрагменты концентрируются в мгновении, достигается состояние «просветления», «озарения», постижения истины благодаря внутреннему пробуждению. В дзэн это состояние зафиксировано как состояние сатори. Ведь общим принципом дзэн, как отмечалось выше, является мгновенность, когда в какой-то миг наступает выброс сознания в безграничное, где нет собственного «я» (состояние сатори).

Это свойство дзэновского искусства проявляет себя в живописи, поэзии³⁸. Человек может постигнуть мир, находясь в состоянии «не-я». По выражению Германа Гессе, «возвратиться к вселенной, отказаться от мучительной обособленности, стать богом — это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную»³⁹. Другими словами, мудрец или художник лучше всего познает мир, странствуя в беспределном мире своего сознания. Нужно учитывать тот момент, что «у художника, как и у мистика, все биopsихические силы соединены с абсолютом»⁴⁰, под которым подразумевается нечто целостное. Неудивительно, что в традиционной китайской живописи на небольшом пространстве свитка создается целый мир, так как художник исходит

из того, что «вселенная скрывается в зернышке». Как же можно интерпретировать положение о том, что в сознании человека содержится весь мир (обычно используемое мистицизмом) в материалистическом духе? Для этого следует обратиться, например, к проблеме художественного пространства в китайском искусстве.

Анализ пространства в китайской поэзии как художественного целого показывает, что это резонирующее пространство⁴¹. Дело в том, что далекое и близкое в китайской поэзии связаны друг с другом по закону резонанса. Эта связь просматривается, например, в следующем противопоставлении у китайского поэта эпохи Тан Ван Вэя в стихотворении «Осенний вечер в горах»:

Бамбук зашумел —
Возвращаются прачки с реки.
Лотос качнулся —
Рыбачьи плывут челноки⁴².

Здесь различаются дальний и ближний планы, которые особым образом соединены: колебание, возникшее на дальнем плане, как по резонирующему струне передается ближнему. Поэт еще не видит плывущих челноков, но узнает о них по качнувшемуся вдруг лотосу. В этом, безусловно, оказывается ассоциативность китайского мышления. Лао-цзы, автор древнекитайского трактата «Лао-цзы» (каноническое сочинение даосизма), согласно преданию, сказал как-то, что, не выходя со двора, можно познать весь мир. Видимо, он исходил именно из резонансной связи «двора» и «мира». У Ван Вэя практически та же модель, что и у Лао-цзы. Его даосизм повлиял на китайскую поэзию не меньше, чем на живопись. Итак, китайское поэтическое пространство является резонирующим пространством, и в этом смысле следует понимать мысль о том, что Вселенная помещается «в центре мозга, где аскет зрит явление богов»⁴³.

Художник на Востоке исходит из позиции пассивного созерцания. Его эстетический опыт нацелен на установление гармонии между настроением человека и образами бытия и предполагает, что человек должен принимать вещи такими, какие они есть. «Гармония мироздания разрешается здесь гармонией внутренней культуры художника, эта культура... и организует космос и гранит — озвучивает гармонию мира неповторимым многоцветием человеческих индивидуальностей...»⁴⁴ В эстетике Запада природа не только имитируется, но и совершенствуется, а художник нередко провозглашается со-

перником бога. Антропоцентризм западной эстетики и космоцентризм восточной эстетики дополняют друг друга, и фактически каждая из них по-своему выражает принцип, согласно которому в «человеке сосредоточен максимум информации о Вселенной»⁴⁵.

Человек как продукт длительной биологической эволюции, которая воспроизводит в информационном аспекте эволюцию нашей Вселенной, отражает в себе в закодированном виде последовательность истории Космоса. К тому же необходимо учитывать и тот существенный момент, что человек является одновременно продуктом социальной эволюции.

Человек, освоивший предметный мир культуры, несет в себе «океан» потенциальной информации и поэтому способен к эвристической деятельности, в которой существенную роль играет субъективное пространство — время. Человеческая субъективность является продуктом общественно-исторического развития, и в этом плане психологическое, субъективное пространство — время есть функция мозга общественного человека, человека, сформировавшегося в определенной культуре. Культура устремлена к цельности, гармонии и единению мироздания и человека, поэтому вполне естественной является идея о том, что искусство «стремится лишь к звуанию с самим мирозданием»⁴⁶.

В плане научного творчества вызывает интерес исследование аналогий между явлениями искусства и науки. Так, существуют аналогии между выработанными в философии и естествознании концепциями аристотелевского пространства, ньютоновского трехмерного пространства, эйнштейновского четырехмерного пространственно-временного континуума и пластическими пространствами архитектуры (критская, японская архитектура, проекты Пиранези).

Неудивительно тяготение А. Эйнштейна, В. Вернадского, Э. Шредингера, В. Гейзенберга, М. Маркова, Г. Наана и других ученых к поиску в истории культуры аналогов проблем и идей современной науки и их прочтению в контексте магистральных направлений научного исследования. Такие сложные теоретические конструкции науки XX в., как гипотезы самосопряженных миров, бутстрата, кварков, многомерные пространства супергравитации и «теории суперструн» и др., имеют аналоги в пространственно-временных моделях различных культур.

Здесь важно вспомнить о событиях на рубеже XVI и XVII вв., которые навсегда вошли в историю театральной архитектуры: появление театра Палладио (1580 г.) в Виченце и театра Алеотти (1618 г.) в Парме. И если допустить, что театр, его пространство есть модель мира, выработанная данной культурой⁴⁷, то в палладиевской и алеоттианской архитектурных версиях театра перед нами предстает художественное решение вопроса о соотношении «единого» и «множественного» с противоположных позиций⁴⁸. В театре Палладио доминирует ренессансная по духу интерпретация античной сцены, театр Алеотти основан на принципах барокко. Они представляют собой две отдельные пространственные системы, две различные эстетики театрального пространства.

Действительно, модель театра Палладио — эхо античного идеала целостного восприятия пространства. Пространство в театре Палладио построено так, что зритель находится в центре целостной конструкции, внутри модели известного ему мира, основанного на принципе: «множество» функционирует в рамках «единого». В модели Алеотти все наоборот — здесь «единое» существует только во «множестве» и через «множество». В палладиевской версии театра доминирует дух математики и геометрии, в алеоттианской версии главный упорядочивающий фактор — оптика, геометрия здесь помощник физики. Модель Палладио воспроизводит конструкцию человеческого мира, человек в ней участник событий мира. В модели Алеотти скрывается ее геометрическое происхождение. Для первой модели характерно пифагорейское космоцентристское видение мира, для второй — софистический антропоцентристский подход к миру.

В. Гейзенберг не случайно выделил направление поисков «единого» в истории науки и искусства⁴⁹. Это нашло отражение в палладиевской и алеоттианской версиях театрального пространства. Такого рода поиски «единого» вошли в глубинные структуры европейского мышления, они перекликаются с поиском теории, описывающей нашу Вселенную как единое целое и учитывающей ее внутреннее дифференцированное многообразие. Возможно, такая теория будет основываться на описании частиц не как точек, а как протяженных объектов — «суперструн»⁵⁰.

В итоге поисков «единого» появилась так называемая «теория супергравитации», представляющая собой

синтез принципов общей теории относительности и суперсимметрии (симметрии между фермионами и бозонами). В суперсимметричных теориях каждой известной элементарной частице соответствует «суперпартнер». Однако «теория супергравитации» наталкивается на риф квантовой механики, ибо вычисления не позволяют избавиться от бесконечных вероятностей. К тому же «теория супергравитации» не предсказывает нарушение зеркальной симметрии в слабых взаимодействиях. Если же «теория супергравитации» учитывает этот эффект, то в ней появляются аномалии — частицы с отрицательной вероятностью⁵¹.

Все эти проблемы супергравитации исчезают в «теории суперструн». Одна из центральных идей, которая лежит в основе этой теории, состоит в следующем. Аналогично тому, как колебания струны скрипки представляют собой набор гармоник, так и возбуждение «частицы-струны» есть набор гармоник (точечных состояний). Каждая высшая гармоника «частицы-струны» представляется как новая частица с массой больше масс предыдущих частиц. Частицы с наименьшей массой включают гравитон (безмассовую частицу спина 2, связанную с гравитационным взаимодействием) и «калибровочные» частицы спина 1, связанные с сильным электромагнитным и слабым взаимодействиями, т. е. глюоны. Имеется также бесконечное число массивных частиц, соответствующих высшим гармоникам колеблющейся струны⁵².

В «теории суперструн» струны взаимодействуют друг с другом и сами с собой, когда их концы касаются и «склеиваются». Так, рассеяние двух струн описывается как процесс объединения двух струн в одну и ее последующего разрыва на две струны. Так как свободные концы одной струны могут коснуться и слиться, то «теория суперструн» с «открытыми концами» должна содержать внутри себя частный случай — «теорию суперструн» с «замкнутыми концами». Из этого тривиального положения вытекает интересное следствие. Показано, что «калибровочные» взаимодействия переносятся «открытыми струнами», а гравитационное взаимодействие — «замкнутыми струнами». Следовательно, существование гравитации следует из факта существования «калибровочных взаимодействий»⁵³.

Особенность «теории суперструн» (в силу нарушения зеркальной симметрии) состоит в том, что она имеет смысл тогда, когда наряду с известными нам четырь-

мя существует еще 6 дополнительных пространственных измерений, т. е. в целом имеется 10 пространственно-временных измерений⁵⁴.

В «теории суперструн» Вселенная имеет 6 скрытых, «свернутых» измерений, которые можно представить в виде небольших компактных образований наподобие сфер, ассоциируемых с каждой точкой пространства и каждым моментом времени. Существенно то, что 10-мерная «теория суперструн» предполагает «механизм компактификации» («микроскопического сворачивания») пространственных измерений. В этом случае картина мира выглядит следующим образом: на расстояниях меньше 10^{-33} см мир имеет 10 измерений и содержит в себе только струны, спектр возбуждений которых определяет набор существующих элементарных частиц. На расстояниях порядка 10^{-33} см происходит компактификация шести пространственных измерений, и в итоге перед нами мир, в котором мы живем. Иными словами, на весьма малых расстояниях (меньше 10^{-33} см) 10-мерный мир представляет собой своеобразный ген мироздания, содержащий всю информацию о законах природы⁵⁵. Перед нами гипотетическая картина мироздания, в которой пространство единого мира дифференцировано на 10-мерный и 4-мерный миры. Геометрия 10-мерного мира скрыта, причем «единое» («струна») существует во «множестве» и через «множество» элементарных частиц и «построенных» из них образований Вселенной.

Достижения культуры в целом, в том числе и художественной, оказывают бесценную помощь современным ученым в познании мира. Крупнейшие ученые нашего столетия — Эйнштейн, Бор, Шредингер, Вернадский и др. — писали о влиянии социокультурных факторов на творческую деятельность ученого, на построение естественнонаучной картины мира, в том числе и моделей пространства — времени. Не случайно один из отцов квантовой механики, Шредингер, указывает на взаимосвязь формирующейся квантово-релятивистской картины мира и культуры современной технической цивилизации, с характерным для нее стремлением к освобождению от традиций как выражением динамичности общественной жизни, с методикой массового управления, направленной на поиск инварианта в наборе возможных решений, и т. д.⁵⁶ Иными словами, социокультурные факторы (ценности, стиль мышления эпохи, сформировавшейся на основе практики социального общения и деятельности,

и т. д.) осуществляют корреляцию между формирующейся естественнонаучной картиной мира и порождающей ее культурой эпохи.

Развитие релятивистской космологии и квантовой механики настоятельно требует взаимодействия физики и психологии, создания целостной картины мира, включающей как физический мир, так и человеческое существование, т. е. требует кардинального ответа на фундаментальный вопрос: «Какое место занимает человек во Вселенной?» К такому выводу приходит на основе анализа концепций пространство — время в структуре культурно-исторической и естественнонаучной деятельности и М. Д. Ахундов. «...Цикл замыкается... — пишет он, — мы оттолкнулись от психологии и через мифологию, религию и философию пришли к современной физике, коллизии которой оказались тесно связанными с психологией»⁵⁷.

Конкретные исследования в области естествознания показывают тенденцию к заполнению бреши между физикой и психологией. Для объяснения этой тенденции нет необходимости прибегать к религиозно-мистической и идеалистической интерпретации научного творчества и новейших данных науки. Как было показано выше, мозг человека синтезирует сенсорные сигналы и находящуюся в памяти информацию, что приводит к формированию чувственного образа внешнего мира, без которого невозможно научное творчество.

Исследования в области нейрофизиологии, проводимые на основе принципов диалектико-материалистического мировоззрения, показали, что благодаря физико-химическим процессам в мозгу осуществляется запись информации, так называемая «нейронография», которая принципиально не отличается от голограмм и других видов записи информации⁵⁸. Эти процессы ответственны за то, что в нервной системе человека зашифрована модель внешнего мира. К. Прибрам четко определил значимость голографического принципа деятельности мозга: «Голографические изображения представляют собой прекрасные ассоциативные механизмы». Голограммы — это «катализаторы мысли»⁵⁹. Отсюда следует вывод: ничего мистического в голографической концепции К. Прибрама нет. Иное дело, что адепты мистицизма делают из нее мировоззренческие выводы мистического характера. Она, несомненно, внесет свой вклад в понимание процессов творчества, в построение целост-

ной картины мира, которая по своей сути должна быть диалектико-материалистической картиной мира.

Научное понимание объективной реальности, отражение мира таким, каким он является в действительности, невозможны без диалектико-материалистической методологии. В свое время В. И. Ленин указывал на следующие области знания, из которых должны сложиться диалектика как теория познания и логика марксизма: история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка, психология, физиология органов чувств⁶⁰. Все эти науки дают необходимые данные для глубокого познания всеобщих законов материи и сознания, для построения обобщающей интегральной картины мира, отражающей единство мира, которое состоит в его материальности.

Познание против «синтеза» науки и мистицизма

Современная буржуазная методология научного исследования, опираясь на религиозный и мистический опыт, зафиксированный в восточной культуре, стремится интегрировать науку и мистицизм, чтобы обосновать существование «трансперсональной реальности». В условиях отчуждения и деперсонализации человеческих отношений буржуазного общества это стремление в извращенной, мистифицированной форме выражает целый ряд реальных проблем (проблема отчуждения, страха и др.), обусловленных социальными антагонизмами Запада.

Каждая теория сознания из множества имеющихся теорий буржуазной психологии (и в этом проявляется ее полипарадигматичность) имеет свой основной набор понятий. Теоретизирование о природе человеческого сознания, характеризующегося «трансрациональным основанием», не может быть основано чисто логическими средствами. Сами способы обоснования концепции «синтеза» науки и мистицизма обусловлены в конечном счете социальными и культурными факторами. Эта концепция, как уже говорилось, использует в извращенном виде новейшие данные естественных наук для пропаганды идей мистицизма и иррационализма, что, естественно, направлено против диалектико-материалистического мировоззрения.

Одним из вариантов данной концепции является выдвинутая американским писателем П. Расселом концепция «планетарного сознания», которая сродни утопически-прогностическим концепциям западной философии 70-х годов, приводящим в итоге к религии и мистицизму. В его книге «Глобальный мозг: Размышления об эволюционном скачке к планетарному сознанию» излагается гипотеза «Геи-Земли» — «голубой жемчужины», где все живое на Земле — это часть гигантской системы, способной регулировать свои параметры и обеспечивать собственную жизнедеятельность, поддерживать высокую степень внутренней упорядоченности и самоорганизации. Процесс освоения космоса открыл возможность увидеть Землю как «целостное живое существо»¹. Как же интерпретирует П. Рассел это «целостное живое существо» — нашу Землю, которую он называет Геей?

В представлении П. Рассела смена дня и ночи — это «пульс» планеты, реки и моря — ее «кровеносная система», само человечество — «нервная система», «глобальный мозг», в котором каждый человек является отдельной нервной клеткой, почта — гормональная система Геи, электрическая сеть — нервные волокна, библиотеки — коллективная память; наука управляет поведением планеты подобно тому, как мозг — телом; западная и восточная культуры — «половинки» мозга Геи, соответствующие рационально-интеллектуальному левому и интуитивному правому полушариям человеческого мозга. Как считает П. Рассел, процесс человеческого познания (способ познания Геи самой себя и окружающего мира) — это высшая корковая функция Геи — «кора планеты»².

Затем у П. Рассела речь идет о «я — модели» и ее значимости в развитии общества. По его мнению, «я — модель» свидетельствует об угрозе существованию человека на планете: требуется переход к такому состоянию, когда каждому элементу в единстве «индивиду — общество — планета» будет отдано должное. Это, однако, не означает избавление от индивидуальности. Согласно «я — модели», человек имеет две стороны — биологическую, телесную, и духовную, связывающую его со всей Вселенной. Суть этого «второго я», согласно П. Расселу, заключается в том, что это «я» не зависит от внешнего мира, от наших чувств, желаний и страстей. Речь идет о религиозно-мистическом истолковании «я —

модели»: «все люди едины»; «как в одной капле содержится весь океан, так в моем «я» — все люди, вся Вселенная». В этом, как пытается убедить П. Рассел, и состоит «вечная философия», «призывающая божественную реальность сущностей для всего мира вещей, жизней, сознаний»³.

Верно, наука подтверждает своими специфическими средствами идею единства человека и Вселенной (в более широком плане — идею космического характера феномена жизни) в ее разнообразных, порой экзотических, вариантах. Существенно здесь то, что это невозможно адекватно осмыслить вне рамок диалектического мышления и материалистического видения мира. Появление и развитие жизни в земных формах представляют собой естественный этап эволюции материального мира, и «божественная реальность сущностей для всего мира вещей, жизней, сознаний» здесь абсолютно излишня.

Движение к социальному суперорганизму (переход на новый эволюционный уровень, чтобы преодолеть существующий кризис) и мистическое стремление к познанию внутреннего единства — это две стороны единого процесса движения к «высшим ступеням целостности»⁴. Проанализировав этот процесс, П. Рассел подчеркивает, что окончательный выбор — за человечеством, которое «может предвидеть свое будущее, принимать сознательные решения, терпеливо изменять свою судьбу»⁵.

Затем П. Рассел пытается заглянуть в будущее. Если человечество превращается в социальный суперорганизм, рассуждает он, то возникнет такой уровень эволюции, как «Гея-сфера». Как социальный суперорганизм, она осознает свое непосредственное окружение — Солнечную систему и начнет поиск аналогичных сфер в Галактике, используя для возможных контактов экстрасенсорное восприятие. Следующий уровень эволюции, в ходе развития которого галактические суперорганизмы объединяются в единое универсальное существо, — универсальный суперорганизм. Наконец, последний уровень эволюции — брахман, совершенный Космос, «абсолютный дух», включающий в себя каждое существо, когда-либо бывшее или только могущее еще возникнуть. «С точки зрения этой перспективы эволюция жизни может явиться одним из актов грандиозной космической постановки», начало которой ознаменовано «большим взры-

вом». Продолжение эволюции — в непрерывно развивающемся человеческом мозге⁶.

Согласно П. Расселу, ХХI в. будет «веком Сознания»⁷. Речь у П. Рассела идет о состоянии «озарения», которое он считает свидетельством психического здоровья. Способы его достижения — молитвы, медитации и т. д. П. Рассел ставит вопрос о повсеместном распространении этой техники, о включении в повседневную жизнь людей «психотехнологии»⁸. П. Рассел считает, что она будет главной ареной научных исследований в ближайшие десятилетия. Это нужно для увеличения «опыта озарения», для ускорения самореализации и духовного роста индивидов. Конечная цель «психотехнологии» — обеспечить возможность эволюционного изменения. П. Рассел пропагандирует необходимость «духовного обновления, повсеместного изменения в сознании способом, открытым... великими мистиками и проповедниками вековечной философии»⁹. При этом П. Рассела не беспокоит сомнительность способов достижения такого рода состояний сознания, включая и важнейшие его состояния. Поэтому в конечном счете «космическая эволюция» у него предстает прежде всего как развертывание «духовного абсолюта».

Концепция П. Рассела — типичный образец модернизированных «космических религий», в которых религиозные откровения причудливо переплетаются с научными концепциями¹⁰. Для «космических религий» характерно обожествление внеземных цивилизаций, а также древних ритуальных методов врачевания, религиозных интерпретаций состояний клинической смерти, утонченная наукообразная формулировка мистических концепций. Традиционный мистицизм имеет следующие черты: эзотерический характер; усложненная мистическая практика, имеющая целью единение человека с божеством; исключительность посвященного — только единицы считали себя достойными мистического озарения. Неомистицизм же характеризуется иными чертами: прежде всего это получение телесных удовольствий, а не ощущения единения с «высшей силой». Для достижения «единения» в нетрадиционных религиях допускаются усеченная практика использования йоги, использование наркотических средств и т. п.; интернационализация мистицизма; синcretичность: Христос — йог, мистика католицизма — средство достижения нирваны, практика шаманства — способ духовного исцеления,

приписываемый апостолам, и т. д.; претензии на обладание мистическими знаниями; претензии на полное обладание научной истиной. Однако «нетрадиционные» религии сохраняют связь с традиционными религиями и воздействуют на них.

В нашей литературе приводится следующая классификация нетрадиционных религий и культов: евангельские учения; восточные культуры; оккультизм; сциентологические (наукоподобные) религии. И «если евангельские учения, невосточный оккультизм, наукоподобные религии являются, как правило, порождением европейской культуры, то ориентальные культуры в их преобразованном виде отражают контакты различных цивилизаций»¹¹. Согласно традиционной европоцентристской концепции, Запад считался обычно эталоном для всего мира. В нынешних условиях эта концепция приобретает парадоксальное звучание, а именно имеет стремление найти праистоки европейской культуры, которая вроде бы является уникальной и вместе с тем ее корни уходят в древневосточную культуру. Не случайно «новые правые» во Франции пытаются восстановить утраченный индоевропейский дух¹².

Распространение ориентальных культов и религий на Западе ставит целый ряд вопросов. Почему неомистицизм обратился к опыту восточных культур? Почему современные мистические учения стремятся вбрать в себя краски восточного мира? Почему духовные традиции Востока вошли в культуру Запада? Что дает эта интеграция различных культурных традиций?¹³ Элементы духовных традиций Востока можно обнаружить в культуре Просвещения, романтизме, новейшей (начиная с А. Шопенгауэра) буржуазной философии, искусстве модернизма, контруктуре 60-х годов.

Противопоставление Восток — Запад зародилось в Древней Греции как противоположность эллина и варвара, т. е. «цивилизованности» и «дикости». Данное деление является по своему существу ценностным, означает превосходство эллинского над варварским. Такого рода представление затем превратилось в традицию, господствовавшую в социальной практике и духовной жизни послеантичной Европы. В этом нет ничего удивительного, ибо античная Греция явила колыбелью европейской культуры.

Греческая культура была пронизана идеями натурализма и гуманистической этики. В этом плане индийские

религиозно-философские воззрения отличались от античной мысли. Однако исследования показали наличие общих идей в древней индийской и греческой культурах. Что же лежит в основе этой общности? Например, идея метемпсихоза, т. е. представление о переселении души из одного тела в другое. Душа, согласно этой идее, может переселиться в другого человека, животное или растение. Концепция метемпсихоза известна как индийской философии, так и орфикам, Пифагору, Платону. Общими моментами здесь являются: признание многократности телесных воплощений души; судьбы души взаимосвязаны в этическом плане, т. е. духовный опыт человека обусловлен его предшествующими жизнями. Особое развитие учение о метемпсихозе получило в брахманизме, индуизме, буддизме. Иудаизм, христианство, зороастризм исключают идею метемпсихоза. Ведь «переселение души» как всеобщий закон природы не вписывается в концепцию всемогущего бога.

Восточные религии и современные ориентальные культуры личность рассматривают как нечто несущественное. В фокусе европейской культуры находится индивид с его потребностями, в центре индийской религии — куль Вселенной, индивид же — пылинка бытия. Синтез же научных традиций европейской культуры и мистических традиций восточных культур приводит к таким учениям, как, например, учение индийского мыслителя Кришнамурти, русского мистика Г. Гурджиева, согласно которым мир изменить нельзя, может только в моральном плане измениться лишь человек¹⁴. В их теориях утверждается, что научное постижение мира не связано с творчеством: к нему приводит путь мистического озарения. Короче говоря, пропагандируется идея, что сущность человека есть ничто. Анализ этой идеи показывает, что она как условие «мистического опыта и творчества вовсе не является специфически восточной и по всей видимости формировалась у вышеназванных мыслителей не только под влиянием традиционных идей буддизма или суфизма, но и в результате прямого или опосредованного воздействия на них западных традиций мистики»¹⁵.

Идеи «восточной мудрости» весьма популярны у западного обывателя. Нельзя забывать то, что почва для их восприятия была подготовлена специфически западным иррационализмом, согласно которому человек принадлежит сразу двум мирам — миру повседневного пре-

ходящего бытия и миру «вечного духа» («космического сознания»). Средством, стимулирующим восприятие некоторых сторон «космического сознания», все больше и больше становятся химические средства: «Галлюциногенные наркотики открывают ворота мечтаниям, которые дают доступ в «другой мир». Данный факт нельзя изменить, и это надо признать»¹⁶.

Галлюциногенные наркотики (психотомиметики) вызывают у здорового человека интоксикационные психические расстройства (психозы) обратимого характера¹⁷. Клинические наблюдения показывают, что в результате интоксикации психотомиметиками происходит изменение сознания, происходит «поворот всей психической установки с реальных объектов на собственные переживания»¹⁸. Восприятие мира в результате приема такого рода средств становится ярким и сочным, с характерной для такого состояния «субъективностью», «созерцательностью» измененной внешней действительности. В состоянии психоза, возникающего при интоксикации диэтиламидом лизергиновой кислоты, у человека, принявшего это средство, «появляется ощущение только «духовного» присутствия». Все происходящее он «хорошо и четко слышит и понимает, но кажется, что физически... при этом не присутствует»¹⁹.

При помощи галлюциногенов растительного происхождения искусственно вызывались измененные состояния сознания человека, чтобы он мог, например, понимать определенный текст и находиться на этом уровне нужное время. Последние исследования свидетельствуют о том, что философские тексты Древнего Китая являются трехслойными, сложными и многомерными по своей структуре. Читать такие тексты мог только «подготовленный» читатель²⁰.

Особенности той или иной идеологии и философии фиксируются в их языке, причем эти особенности не всегда явно выражены. Отсюда потребность выявлять их. Для этого используются такие разнообразные средства, как галлюциногены, специально выработанная техника дыхания, аутогенная тренировка и т. д. Оказывается, «просветления» можно достигнуть при помощи аутогенной стимуляции, ибо оно связано с «релаксостимуляцией механизмов вербализации интуитивных представлений»²¹. При этом считается, что все эти средства имеют значение для творческого понимания текста, для формулировки тех или иных идей.

Основу мистического мироощущения, или «мистического опыта», характеризующего мистический, религиозный экстаз, «просветление», «космическое сознание», «высшее состояние сознания», составляют следующие черты: чувство недифференцированного, «чистого», «единого», «пустого» сознания, дающего чувство общности со всем Космосом; чувство существования вечного, вне-пространственного «духовного абсолюта»; иррациональность бытия; чувство блаженства и покоя; чувство сакрального, священного; намеренная парадоксальность; невозможность вербальным способом описать смысл мистики; чувство бескорыстной любви; чувство красоты²². За этими мистифицированными характеристиками лежат вполне естественные процессы функционирования человеческого мозга и психики. Более того, необходимо различать естественные процессы сознания и его содержание.

Различение сознания и содержания сознания диктует определенный подход к исследованию сознания. «Если сознание определяется как тотальное множество ощущений, восприятий, знаний и аффектов, характеризующих индивида, тогда анализ сознания превращается в изучение многообразных психических или психологических проявлений. Если же мы допустим, что сознание отличается от своего содержания, тогда его особые состояния можно понимать как изменение в структурах и операциях сознания (например, в эмоциях, восприятиях и т. д.), а не как изменившееся сознание»²³.

Жизнь определяется такими параметрами, как геном и обмен со средой, главное здесь ген, в котором записана инструкция функционирования биосистемы. У человека сознание детерминировано обществом, которое определяет функционирование мозга. «Я» — не просто сумма восприятий, воспоминаний и мечтаний, в нем осуществляется схема поведения, выработанная обществом. Иное дело, что эта схема социального поведения воплощена в виде парадигмы сознания отдельного индивида. Здесь вполне справедливо положение о том, что в сознании нет ничего, чего не было бы в истории общества. Содержание сознания — функция общества. Информация, вырабатываемая биосистемой (человеком), циркулирует в окружающем мире. Но поскольку общество вырабатывает парадигмы мышления и схемы поведения, поскольку эта информация воспринимается избирательно, т. е. парадигмы мышления, системы цен-

ностей, правила социального поведения выступают в качестве фильтров для этой информации.

Исследования психической деятельности человека позволяют раскрывать его творческие потенции в соответствии с идеалами и нормами той или иной общественной системы. Так, физиологические исследования с применением такой современной техники, как спектрометрия, введение в кровь потенциометрических доз гормонов и лактатов, электроэнцефалограммы и измерение электрического сопротивления кожи, показывают, что выработанные на основе тысячелетней практики ритуальные позы и приемы психофизических упражнений влияют на состояние органов — ускоряется секреция определенных веществ, модифицируется процесс окисления и т. д.²⁴ Таким образом, наука показывает значимость психотехнических приемов, фактически интуитивно выражавших природу многомерного человека в процессе постижения окружающего мира. Наука должна раскрыть в полном объеме психофизиологические возможности человека, способствующие его творческой деятельности. Ведь отражательная природа научного постижения мира несовместима с мистицизмом, который по своим мировоззренческим установкам направлен против диалектико-материалистического подхода к миру.

Действительно, новейшие исследования системогенеза мозга более глубоко раскрывают эволюционирующую отражательную природу человеческого мозга. «В процессе эволюции способность ко все более расширяющемуся охвату параметров внешнего мира отражательной деятельностью мозга характеризуется тремя принципиальными уровнями организации — системным, нейрофизиологическим и молекулярным. Системный уровень вводит информацию в мозг из внешнего мира, строит программу поведения, адресует свою «деятельность» опять во внешний мир и оценивает ее как результат через обратный канал информации из среды в мозг. Нейрофизиологический уровень реализует все это в процессах активности нейронов мозга (импульсные разряды, постсинаптический потенциал, медленные колебания и т. д.).

Молекулярный уровень способствует фиксации результатов отражательной деятельности в памяти: чем больше объем результатов в процессе онтогенеза, тем больше запас памяти и возможности ее рекомендации при извлечении. С другой стороны, молекулярный уро-

вень организации мозговых структур имеет подчеркнутую специфичность и определяет фундаментальные свойства мозга — высокую активность генетического материала и подвижный лабильный характер этой активности²⁵. Молекулярные структуры мозга участвуют, таким образом, в процессах отражения социальных программ. Социальная программа наследования — специфический продукт эволюции мозга человека, она позволила адаптироваться человеку к внешнему миру и жизни в социально организованном обществе. Именно социум дает человеку системную картину мира. Вместе с тем социум оказывает обратное влияние на человека и на особенности эволюции мозга человека: предпосылки биологических особенностей мозговых структур человека определяют его специфику как социального существа, функционирование сознания которого «невозможно без «введения в мозг» социальной программы наследования»²⁶.

С самого начала развитие человека обусловлено сложными записями генетического кода. В дальнейшем человек оказывается все более крепко связанным с культурным кодом, полученным от общества. Сознание человека — не «чистая доска» (*tabula rasa*): в его основе лежат генетический и культурный коды, причем между ними может быть множество сложных переплетений, взаимных отношений и даже противоречий.

Сам человек и его сознание представляют собой результат длительной эволюции — процессов взаимодействия биологического и социального. Это — позиция, которую выработал марксизм. С этой точки зрения и следует рассматривать природу человека и его сознания, а также опыт, накопленный юнгианской, буддийской, «трансперсональной» и «гуманистической» психологией, практику медитационных исследований сознания, архаических религиозных систем (шаманизм и др.). Речь, собственно, идет о том, что «буддийские мыслители дали описание сложной иерархии психических состояний, искали пути овладения психикой человека». Поэтому «психологический опыт древних буддистов... должен стать сегодня объектом научно-экспериментального изучения и материалистического переосмыслиния»²⁷.

К тому же нужно учитывать и тот немаловажный факт, что фундаментальные представления современной психологии находятся на уровне ньютоновского миро-

понимания. В соответствии с последним физический мир — это совокупность отдельных материальных тел, которые находятся в абсолютном пространстве и времени. Взаимодействия между телами подчиняются принципу дальнодействия. Аналогично в психологии: «Сознание человека капсулировано в физическом теле, помещенном в пустом — ньютоновском — пространстве»²⁸. Так как не существует психологического (семантического) пространства, в котором происходит самораскрытие сознания, то исследование «капсулированного в теле» сознания приходится проводить на основе поведения тел в физическом пространстве. Именно с этим связаны бихевиоризм и когнитивная психология с ее компьютерной метафорой. Представление о жесткой соматической капсулизации сознания не совсем адекватно реальному положению дел. Достаточно вспомнить о гипнозе, в котором стираются грани личности, о феномене реинкарнационных воспоминаний, когда человек как бы вспоминает событие из своей прошлой жизни²⁹.

Концепция соматологической идентификации личности имеет корни в древних мифах. Ее истоки обнаруживаются уже в мифологической антропологии Древнего Египта³⁰. Эта идея получила дальнейшее развитие в зрелом христианстве, исходящем из принципа креационизма, из положения об абсолютной уникальности телесно капсулированной личности. Иными словами, личность тождественна с телесностью. «Через это представление наивный материализм христианства прочно входит в парадигму западной научной мысли, трансформируясь в наши дни в поиск генотипической обусловленности личности или, в смягченном варианте, — в поиск взаимодействия генотипа и среды»³¹.

Согласно орфико-пиthagорейскому учению, «душа» является эманацией «высшего начала», она включена в общий круговорот жизни и переселяется в разные существа и вещи. Данная идея в определенной мере вошла в учение Платона, неоплатонизм, патристику раннего христианства. Кроме того, эта идея показала недекватность действительному положению вещей картезианского дуализма, согласно которому психическое и транспсихическое, внутреннее и внешнее, субъект и объект жестко разделены между собой. Советский ученый В. Б. Швырков пишет в связи с этим следующее: «Рефлекторный подход (имеется в виду рефлекторная схема «стимул — реакция». — В. П.) принципиально не мог

привести ни к какому иному решению психофизиологической проблемы, кроме параллелизма или интеракционизма, так как с самого начала опирался на картезианский дуализм души и тела и был как бы специально создан именно для того, чтобы отделить «божественную» душу от «машинообразного» тела»³². Требуется целостный подход к исследованию функционирования мозга и психики, особенно же реально существующего класса надсознательных падындивидуальных явлений, касающихся проблемы «дискретности — непрерывности» сознания.

Эту фундаментальную проблему характеризует целый ряд понятий: «врожденные идеи» (Р. Декарт), «космическое бессознательное» (Д. Судзуки), «космическое сознание» (Э. Фромм), «коллективные представления» (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль), «бессознательные структуры» (К. Леви-Строс, М. Фуко), «бессознательное как речь Другого» (Ж. Лакан), «архетипы коллективного бессознательного» (К. Юнг).

К. Юнг сам подчеркивал, что гипотеза о существовании «сверхличного» бессознательного не является плодом исключительно теоретического размышления, а наследственна клинической практикой, в ходе которой ему удалось установить, что пациенты в своих сновидениях обнаруживают такие картины и образы, с которыми они сами никогда не сталкивались в реальной жизни и которые во многом напоминают известные мифологические сюжеты. Обладая широкими познаниями в области истории древних западных и восточных культур, Юнг без особого труда провел параллели между картинами сновидений, сообщенных ему различными пациентами и художественными памятниками далекого прошлого. Нечто аналогичное ему удалось обнаружить не только в сновидениях, но и в фантазиях, галлюцинациях душевнобольных, разнообразные видения которых сопровождались мифологическими мотивами. Отсюда К. Юнг вывел гипотезу «коллективного бессознательного». Ключевым моментом юнгианства является выявление параллелей между древними религиозно-мифологическими образами и бредовыми представлениями душевнобольных. Ведь последние буквально воспроизводили некоторые мифогемы, о которых ранее не имели никаких представлений.

Аналогичный вопрос возникает и при наблюдении спиритических сеансов: как может полуграмотная девушка-медиум описать «мировую систему», весьма на-

поминающую умозрения гностиков-валентиниан, которые известны лишь узкому кругу специалистов? Анализируя эти вопросы, К. Юнг приходит к мысли о наличии в бессознательном всех людей неких вечных праформ, которые выходят на поверхность сознания в состояниях транса, экстаза, в видениях, галлюцинациях, бреде больных и пр. По его словам, «лишь очень редко доходит до нас весть из той, «ночной половины» души, ибо сломаны мосты, соединяющие два мира»³³. К. Юнг считает, что человек имеет как бы две души. Одна отражает современное состояние индивида, другая — человеческое прошлое, сложившееся миллионы лет назад.

Человеческая психика включает в себя самые разнообразные «архетипы», но все они, согласно Юнгу, имеют архаический характер и являются своего рода кантовскими ноуменами того исконного образа, который может быть воспринят только интуитивным путем и благодаря бессознательной деятельности фантазии поднимается на поверхность сознания в форме различного рода видений и религиозных представлений. Это положение об «архетипах» дает ключ к пониманию феноменологии мистицизма.

В мистически трактуемых К. Юнгом «архетипах» действительно схвачена идея о праформах, высказанная давным-давно идеалистом Платоном и впоследствии материалистически переосмысленная Гёте. Эта идея лежит в основе мифов и сказок самых различных народов мира, и ее применение в исследованиях творчества достаточно плодотворно. Ничего мистического нет в «архетипах», когда их понимают как схемы, которые на бессознательном уровне воспроизводят и априорно формируют активность человеческого воображения и которые присущи мифам, легендам, произведениям искусства, и т. д. Выше уже указывалось, что сознание человека не есть «чистая доска» и поэтому представляет интерес исследование бессознательных априорных предпосылок человеческого опыта, что предполагает обращение к генетическому и культурному кодам в их взаимосвязи. Такая материалистическая интерпретация «архетипов», основанная на марксистской методологии и данных исторической практики, в мировоззренческом плане не совпадает с доктриной Юнга в целом.

В концепции К. Юнга схвачены в деформированном виде вполне реальные моменты функционирования «коллективного бессознательного». Речь идет о характерных

«масках сознания», реализуемых людьми в своей деятельности. Ограниченностю юнговского подхода к «коллективному бессознательному» вытекает из его идеалистической позиции «индивидуализации личности», когда точкой отсчета избирается индивид.

Принципиально иной подход у В. И. Вернадского, усматривающего источник появления нового пласта реальности в сознательной и бессознательной творческой деятельности человечества. Речь идет об идее ноосферы³⁴.

Реальности современной эпохи и успехи естествознания требуют не «синтеза» мистических традиций Востока с данными новейшей науки, а развития материалистической диалектики как единственно адекватной современности методологии. Сам «синтез» науки и мистицизма представляет собой утопию, у которой нет будущего. Вместе с тем необходимо учитывать, что широкое распространение микроэлектроники в условиях буржуазного общества способствует возникновению и усилению компьютерного истеблишмента и наряду с этим более утонченной эксплуатации широких масс населения западных стран, выхолащиванию содержания труда. Внедрение микроэлектроники, средств автоматизации и информационной техники может привести в будущем к появлению новых, еще более тяжелых социальных противоречий, что в свою очередь будет детерминировать новые волны мистицизма в западных странах (да и не только там). Таким образом, «синтез» науки и мистицизма как утопия будет воспроизводиться (во всяком случае в обозримом будущем) в условиях прогресса науки и техники и усиления отчуждения между людьми. Только замена буржуазной политической системы обществом, построенным на принципах социальной справедливости, позволит человечеству освободиться от этой утопии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всесторонний анализ природы мистического мировосприятия и социально-мировоззренческих функций мистицизма на основе марксистско-ленинской методологии показывает, что мистицизм является превратной формой отражения реального социального мира и выражает стремление человека избежать противоречий общественного бытия. Социально-мировоззренческая функция концепции «синтеза» науки и мистицизма состоит в том, что в условиях кризиса религиозного сознания научообразные формы мистицизма служат утонченному приспособлению религии к требованиям современной эпохи.

В противоположность искаженному видению буржуазного сознания, ориентированному на мистические и иррациональные способы освоения мира, диалектико-материалистическое мировоззрение дает реальное видение истории и мира. А оно невозможно без научного его понимания, отражения таким, каков он есть в действительности. В свою очередь научное понимание мира возможно только как обобщение человеческого знания. Методом обобщения всеобщего знания и является материалистическая диалектика, принципиально отрицающая религиозно-мистические и идеалистические концепции мира.

Отражательная природа научного постижения мира несовместима с мистицизмом, который по своим мировоззренческим установкам направлен против диалектико-материалистического подхода к миру. Именно материалистическая диалектика дает верный методологический ориентир для выяснения истинного смысла проблемы «параллелизма» между идеями современной науки и «восточной мудростью». Анализ показывает, что такого рода «параллели» отражают законы психической деятельности человека, а отнюдь не физические законы вечно существующего материального мира.

Данные современных научных исследований о функционировании человеческого мозга свидетельствуют о не-

состоятельности мистического толкования природы сознания. Исследования в области нейроанатомии, нейрофизиологии, эволюционной физиологии, генетики, химии синапсов, биофизики, психофармакологии, нейрохирургии, психиатрии и других дисциплин убедительно подтверждают ленинское положение о том, что сознание является свойством высокоорганизованной материи — мозга. Развитие науки значительно расширяет сферу рационального и экспериментального анализа природы, опровергает в союзе с марксистской философией представление о существовании трансперсональной («сверхъестественной») реальности, объемлющей якобы Вселенную, человека и его сознание. Рассмотрение феноменов человеческого мозга и интеллекта необходимо требует новых подходов в мышлении и научных исследованиях.

В условиях господствующего в буржуазном мире отчуждения широко открываются двери для дальнейшего распространения фидеизма и мистицизма в научообразной форме. Можно сделать вывод о том, что в социальном аспекте мистицизм в конечном счете является реакционным, так как он растворяет личность человека в «божественном начале» и ориентирует ее на отказ от всего земного, человеческого. В гносеологическом плане мистицизм антинаучен, ибо настраивает человека на бегство из реального, земного мира в вымышленный, сверхъестественный мир.

Диалектико-материалистическая концепция целостности позволяет вскрыть несостоятельность религиозных и мистических спекуляций буржуазной философии на идее целостности, увидеть бесплодный и реакционный характер различных программ слияния современной науки и древневосточного мистицизма. Так называемый «мистический опыт» с такими своими чертами, как невыразимость, «сверхчувственное постижение мира», пассивность, мимолетность, «соединение с космическим разумом», фактически представляет собой особое состояние психики человека, когда он «встречается» с собственной отчужденной родовой сущностью, неразрывно связанной по принципу акаузальности и с целостностью Вселенной.

Диалектико-материалистическая философия принципиально противоположна мистическому мироощущению. Если мистицизм уводит человека от мира социальных противоречий в сферу «мистического опыта», т. е. в сферу субъективных переживаний, в основе которых лежит

вера в сверхъестественное, то диалектико-материалистическая философия призывает человека к кардинальному преобразованию мира на принципах социальной справедливости. Для марксистско-ленинской философии человек — часть, хотя и особая, природы. Мистицизм рассматривает всю природу как проявление трансцендентной, сверхъестественной реальности. В отличие от мистицизма, утверждающего в качестве единственного источника познания «мистический опыт», в котором человек якобы интегрируется с богом, диалектико-материалистическое учение доказывает, что только всемирно-историческая практика служит источником познания. В целом необходимо подчеркнуть, что реальности современной исторической эпохи и достижения современного естествознания требуют не «синтеза» мистических традиций восточных учений с данными новейшей науки, а развития материалистической диалектики как единственно адекватной современности методологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 29—30.
- ² См.: Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135—141.
- ³ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. М.; СПб., 1914.
- ⁴ Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Bern, 1947. S. 61.
- ⁵ Гизерман Т. И. Homo Sapiens преодолевает свою видовую ограниченность // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 16.
- ⁶ Capra F. Foreword//The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981. P. XI.
- ⁷ Философские науки. 1984. № 2. С. 156.

Глава I. ПРИРОДА МИСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Истоки и социально-мировоззренческие аспекты мистицизма

- ¹ The Encyclopedia of Religion. Vol. 10. N. Y.; L., 1987. P. 247.
- ² См.: Угринович Д. М. Психология религии. М., 1986. С. 150—154.
- ³ Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий. М., 1984. С. 29.
- ^{4—5} Цит. по: Ревуненкова Е. В. Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 254.
- ⁶ Rutherford W. Shamanism. The Foundations of Magic. Wellington, 1986. P. 20.
- ⁷ Басилов В. Н. Избранные духов. М., 1984. С. 158.
- ⁸ Wasilewski J. S. Podróże do piekiel. Warszawa, 1979. S. 170.
- ⁹ Рейннер М. Идеологии Востока. М.; Л., 1927. С. 18.
- ¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 82.
- ¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 419.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 90.
- ¹³ May R. The Meaning of anxiety. N. Y., 1979. P. 4.
- ¹⁴ Young J. Z. Programy mózgu. Warszawa, 1984. S. 357—358.
- ¹⁵ См.: Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 185—195.
- ¹⁶ См. там же. С. 194—195.
- ¹⁷ Polak J. East-West Paradigma Convergence: A Way out of the Crisis//Chinese Culture. 1985. Vol. 25. N 2. P. 36.
- ¹⁸ См.: Госвами А. Наука и научная фантастика: исследователи реальности // Курьер ЮНЕСКО. 1984, дек.; Электромагнитные поля в биосфере: В 2 т. М., 1984.
- ¹⁹ См.: Григулевич И. Р. По страницам «Книги чудес» (Вместо предисловия) // Мичел Дж., Рикард Р. Феномены книги чудес. М., 1988. С. 5.

- ²⁰ См.: Митрохин Л. Н. Религии «Нового света». М., 1985. С. 65.
- ²¹ Аверинцев С. С. Мистика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 376.
- ²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 361—363.
- ²³ Там же. С. 361.
- ²⁴ Коваль В. С. «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1982. С. 462.
- ²⁵ Grünberg K. SS-czarna gwardia Hitlera. Warszawa, 1975. S. 109.
- ²⁶ Majewski R. Waffen SS-mity i rzeszywistość. Warszawa, 1977. S. 17.
- ²⁷ См.: Витюк В. В., Эфиров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 283.
- ²⁸ Breton A. Les manifestes du surrealism. Paris, 1946. P. 94.
- ²⁹ См.: Свенцицкий В. Террор и бессмертие // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 3—14.
- ³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 87.
- ³¹ Балагушкин Е. Г. Указ. соч. С. 5.
- ³² См.: Нээм Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984. С. 108.
- ³³ Там же. С. 115.
- ³⁴ Touubee A. I. Art: Communicative or Esoteric//On the Future of Art. N. Y., 1971. P. 7.

Специфика мистического мироощущения

- ¹ См.: Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 142—143.
- ² См.: The Encyclopedia of Religion. Vol. 10. N. Y.; L., 1987. P. 246.
- ³ См.: Сперанский В. Мистицизм // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 29. Б. м. Б. г. С. 92.
- ⁴ Геффдинг Г. Философия религии. СПб. Б. г. С. 80.
- ⁵ Цит. по: Там же. С. 80—81.
- ⁶ Вертеловский А. Западная средневековая мистика и отношение ее к католичеству. Харьков, 1888. С. 12.
- ⁷ Иняят-хан. Суфийское послание о свободе духа. М., 1914. С. 9.
- ⁸ См.: ал-Газали А. Х. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С. 204—205.
- ⁹ Там же. С. 204.
- ¹⁰ Там же. С. 205.
- ¹¹ Lalch B. Expression of the Mystic Quest. L., 1976. P. 9—14.
- ¹² Иняят-хан. Указ. соч. С. 38.
- ¹³ См.: Лапшин И. И. Вселенское чувство. СПб.; М. Б. г. С. 1—2.
- ¹⁴ См. там же. С. 25—26.
- ¹⁵ Сперанский В. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 468.
- ¹⁷ См.: Кули-заде З. А. Теоретические проблемы истории культуры Востока и низамиведение. Баку, 1987. С. 34—35.
- ¹⁸ Вертеловский А. Указ. соч. С. 17—18.
- ¹⁹ См.: Малинин В. А. Теория истории философии. М., 1976. С. 123—124.
- ²⁰ Nakamura H. Ways of Thinking of Eastern Peoples: India — China — Tibet — Japan. Honolulu, 1981. P. 13.
- ²¹ См.: Васильев Л. С. Предисловие // Дао и даосизм в Китае. М., 1982. С. 4.

- ²² См. там же. С. 5.
- ²³ См. там же. С. 6, 9.
- ²⁴ Малевин В. В. Чжуан-цзы. М., 1985. С. 87.
- ²⁵ Там же. С. 284.
- ²⁶ См.: Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983. С. 284.
- ²⁷ Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955. С. 50.
- ²⁸ См.: Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977. С. 57—152.
- ²⁹ Schürmann R. The Loss of Origin in Soto Zen and Meister Eckhart//Tomist. 1978. Vol. 42. N 2.
- ³⁰ Ibid. S. 298.
- ³¹ Ibid. S. 283—284.
- ³² Ibid. S. 306.
- ³³ Ibid. S. 309.
- ³⁴ Аверинцев С. С. Мистика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 376.
- ³⁵ Даниелу А. Музыка, танцы, экстаз // Курьер ЮНЕСКО. 1975, ноябр. С. 12.
- ³⁶ Там же. С. 14.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: Инайят-хан. Указ. соч. С. 80.
- ³⁹ Конен В. Рождение джаза. М., 1984. С. 237.
- ⁴⁰ См.: Коновалов Д. Г. Психология сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908. С. 4—7.
- ⁴¹ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 376.
- ⁴² ал-Газали А. Х. Указ. соч. С. 204.
- ⁴³ См.: Вертеловский А. Указ. соч. С. 231—233; ал-Газали А. Х. Указ. соч. С. 204—205; The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981. P. 353—354. Хотя число стадий достижения абсолюта в этих работах различно, выделены именно общие черты трансформации сознания индивида в процессе интеграции с «единым».
- ⁴⁴ См.: Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 347—353.
- ⁴⁵ Там же. С. 349.
- ⁴⁶ См.: Алексеев И. С., Овчинников Н. Ф., Печенкин А. А. Методология обоснования квантовой теории. М., 1984. С. 261.
- ⁴⁷ См.: Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 295.
- ⁴⁸ См.: Шимони А. Реальность квантового мира // В мире науки. 1988. № 3. С. 22—30.
- ⁴⁹ См.: Культура, человек и картина мира. С. 295.

Противоположность научно-материалистического и мистического подходов к миру

- ¹ См.: Григорьян Б. Т. Современная ситуация в западной буржуазной философии // Вопросы философии. 1985. № 1. С. 132.
- ² Анчел Е. Этос и история. М., 1988. С. 79.
- ³ The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981. P. 228.
- ⁴ Ibid. P. 54—58.
- ⁵ Ibid. P. 58—61.
- ⁶ Ibid. P. 28.
- ⁷ Ibid. P. 56—57.
- ⁸ Ibid. P. 57.
- ⁹ Ibidem.

- ¹⁰ Ibid. P. 58—61.
- ¹¹ Ibid. P. 28.
- ¹² Ibid. P. 87.
- ¹³ Ibid. P. 289.
- ¹⁴ Das Geheimnis der Goldenen Blüte. München, 1929.
- ¹⁵ См.: Концепция целостности: Критика буржуазной методологии науки. Харьков, 1987. С. 168—176.
- ¹⁶ Touplée A. Człowiek wobec smierci. Warszawa, 1973. S. 259.
- ¹⁷ См.: Смирнов Б. Л. Йога (Послесловие) // Махабхарата. Т. VII. Ч. 2. Ашхабад, 1981. С. 197—200.
- ¹⁸ См. там же. С. 171.
- ¹⁹ См.: Желнов М. В. Предмет философии в истории философии: Предыстория. М., 1981. С. 159—164.
- ²⁰ May R. The Meaning of Anxiety. N. Y., 1979. P. 14.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Кемпинский А. Психопатология неврозов. Варшава, 1975. С. 132.
- ²³ См.: Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека: Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982. С. 39, 42.
- ²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 93.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 282—283.
- ²⁶ Restivo S. The Social Relation of Physics, Mysticism and Mathematics. Dordrecht, 1983.
- ²⁷ См.: Геффдинг Г. Философия религии. СПб. Б. г. С. 24, 26.
- ²⁸ Maurin K. Logos — Symbol — Reprezentacja//*Studia filozoficzne*. 1983. N 5—6. С. 98.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 222.
- ³⁰ Restivo S. Op. cit. P. 42.
- ³¹ См.: Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск, 1983.

Глава II. МОЗГ И СОЗНАНИЕ

Мистическое истолкование сознания

- ¹ The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981.
- ² Ibid. P. 228—231.
- ³ Ibid. P. 199.
- ⁴ Радхакришнан С. Индийская философия. Т. I. М., 1956. С. 144, 146.
- ⁵ Russel B. Mysticism and Logic. N. Y., 1957. P. 15—17.
- ⁶ Smith H. The Forgotten Truth. N. Y., 1976. P. 24.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibid. P. 61—62.
- ⁹ The Metaphors of Consciousness.
- ¹⁰ Ibid. P. 430.
- ¹¹ Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975. С. 406.
- ¹² The Metaphors of Consciousness. P. 149.
- ¹³ Talbot M. Mysticism and the New Physics. London; Henley; Routledge, 1981.
- ¹⁴ Ibid. P. 59—70.
- ¹⁵ Sarfatti J. Implications of Metaphysics for Psychoenergetic Systems//Psychoenergetic Systems. Vol. 1. L., 1974; Barr H. S. The fields of life. N. Y., 1972.

- ¹⁶ Talbot M. Op. cit. P. 60.
- ¹⁷ Ibid. P. 60—61.
- ¹⁸ См.: Турсунов А. Мирозданья тугие узлы: (Новейшая космология в философской перспективе) // Вопросы философии. 1988. № 2. С. 80.
- ¹⁹ Talbot M. Op. cit. P. 177.
- ²⁰ The Metaphors of Consciousness.
- ²¹ Ibid. P. 474, 485.
- ²² Ibid. P. 366.
- ²³ Ibid. P. 395—415.
- ²⁴ Ibid. P. 413.
- ²⁵ Reiser O. Message to and from Galaxy//Frontiers of Consciousness. N. Y., 1974. P. 198—212.
- ²⁶ Ibid. P. 199.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibid. P. 205.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibid. P. 206—207.
- ³¹ См.: Зильберман Д. Б. Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка//Вопросы философии. 1972. № 5. С. 117—129.
- ³² См.: Асимов М. С., Турсунов А. Соотношение микрокосма и макрокосма как философская проблема: история и современность // Вопросы философии. 1978. № 7. С. 69—81.
- ³³ Там же. С. 71.
- ³⁴ Мизнер Ч., Торн К., Уилер Дж. Гравитация: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 487.
- ³⁵ См.: Девис П. Случайная Вселенная. М., 1985. С. 134.
- ³⁶ См.: Марочник Л. С., Сучков А. А. Галактика. М., 1984. С. 15.
- ³⁷ См. там же. С. 23—24.
- ³⁸ Волькенштейн М. В. Молекулярная биофизика. М., 1975. С. 35.
- ³⁹ См. там же. С. 286, 323.
- ⁴⁰ См.: Космические мазеры. М., 1974. С. 10; Соболев В. В. Курс теоретической астрофизики. М., 1985. С. 446.
- ⁴¹ См.: Денисюк Ю. Н. Некоторые проблемы и перспективы голограмм в трехмерных средах // Оптическая голограмма: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 713.
- ⁴² См. там же. С. 713, 715.
- ⁴³ Ребане А. К. Информация как мигрирующая структура // Труды по философии. ХII. Тарту, 1969. С. 23.
- ⁴⁴ См.: Квантовая электроника. М., 1969. С. 204—205.
- ⁴⁵ См.: Захарченко В. М., Скроцкий Г. В. Как создать оптический «мозг» // Кибернетика. Дела практические. М., 1984. С. 122, 127—128.
- ⁴⁶ См.: Дубров А. П. Симметрия биоритмов и реактивности. М., 1987. С. 18—26; Проблемы гравитации. М., 1986. С. 31—45.

Современная наука о сознании как свойстве мозга

- ¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 84—92.
- ² См., например: Дубровский Д. И. Проблема идеального. М., 1983; Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
- ³ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 47.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 46.

⁵ См.: Куффлер С., Николс Дж. От нейрона к мозгу. М., 1979; Эдельмен Дж., Маунткасл В. Разумный мозг. М., 1981; Кратин Ю. Г. Нейрофизиология и теория отражения. Л., 1982; Иваницкий А. М., Стрелец В. Б., Корсаков И. А. Информационные процессы мозга и психическая деятельность. М., 1984; Мозг. М., 1984.

⁶ Дейч С. Модели нервной системы. М., 1970. С. 13—14; Кратин Ю. Г. Указ. соч. С. 13—14.

⁷ См.: Эдельмен Дж., Маунткасл В. Указ. соч. С. 52—56.

⁸ См. там же. С. 58—59.

⁹ Иваницкий А. М., Стрелец В. Б., Корсаков И. А. Указ. соч. С. 180.

¹⁰ См.: Кратин Ю. Г. Указ. соч. С. 28, 23.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 88.

¹² См.: Дубровский Д. И. Проблема идеального. М., 1983. С. 6.

¹³ Слободянник А. П. Психотерапия, внушение, гипноз. Киев, 1977.

C. 89.

¹⁴ См. там же. С. 212—215.

¹⁵ Эволюционная физиология. Ч. I. Л., 1979. С. 21.

¹⁶ Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 79.

¹⁷ См.: Химия эмоций // В мире науки. 1984. № 12. С. 66.

¹⁸ См.: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: История развития человеческого интеллекта. М., 1983. С. 120.

¹⁹ См.: Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975. С. 307—308.

²⁰ Кликс Ф. Указ. соч. С. 122.

²¹ Хьюбел Д. Мозг // Мозг. С. 29.

²² Young J. Programy mózgu. Warszawa, 1984. S. 286.

²³ См.: Путхофф Г., Тарг Р. Перцептивный канал передачи информации на дальние расстояния // Труды института инженеров по электронике и радиоэлектронике (ТИИЭР). 1976. Т. 64. № 3. С. 55.

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ См. там же. С. 37.

²⁷ См.: Госвами А. Наука и научная фантастика: Исследование реальности // Курьер ЮНЕСКО. 1984, декабрь. С. 6.

²⁸ Вигнер Е. Этюды о симметрии. М., 1971. С. 145—146.

²⁹ См.: Путхофф Г., Тарг Р. Указ. соч. С. 59.

³⁰ См.: Берг А. И., Бирюков Б. В. Познание сложных систем и проблема нетранзитивности научного объяснения // Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983. С. 28.

³¹ См.: Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983. С. 252.

Концепция человека и психофизиологическая проблема

¹ См.: Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Л., 1987.

² Гримак Л. П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. М., 1989. С. 86—87.

³ См.: Открытие Индии: Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М., 1987. С. 448—449.

⁴ Pedersen P. B. Asian Personality Theories//Current Personality Theories. Itasca, 1977. P. 367—397.

- ⁵ См.: Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986.
- ⁶ См.: Штейнер Р. Теософия. М., 1915. С. 18.
- ⁷ The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981. P. 487—500.
- ⁸ См.: Кемилева З. Виличковая железа. М., 1984. С. 9.
- ⁹ См.: Кемилева З. Указ. соч. С. 10; Дабровский М. Тимус — источник новых лекарств // Наука и человечество. М., 1987. С. 31.
- ¹⁰ См.: Дабровский М. Указ. соч. С. 31.
- ¹¹ Дю-Прель К. Философия мистики или двойственность человеческого существа. СПб., 1895. С. V.
- ¹² См.: Дю-Прель К. Загадочность человеческого существа: Введение в изучение оккультических наук. М., 1904.
- ¹³ Das Geheimnis der goldenen Blüte. München, 1929. S. 131.
- ¹⁴ Prokopiuk J. Jung jako arcyhumanista//Człowiek i swiatopogląd. 1983, N 10. S. 154.
- ¹⁵ См.: Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 111—122.
- ¹⁶ См. там же. С. 117—118.
- ¹⁷ См. там же. С. 111—122.
- ¹⁸ См. там же. С. 120.
- ¹⁹ См. там же.
- ²⁰ См. там же. С. 115—116, 116.
- ²¹ См.: Бассин Ф. В. О статье В. В. Налимова и Ж. А. Дрогалиной «Вероятностная модель бессознательного» // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 1. С. 137—139.
- ²² Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., 1982. С. 129.
- ²³ См.: Федорова Л. Н. Африканский танец: Обычаи, ритуалы, традиции. М., 1986. С. 41.
- ²⁴ См.: Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев, 1977.
- ²⁵ The Metaphors of Consciousness. P. 364.
- ²⁶ Grof S. Realms of the Human Unconsciousness. N. Y., 1976.
- ²⁷ Trybusiewicz J. Twarze ludzkiej kultury. Warszawa, 1986. S. 185.
- ²⁸ Ibid. S. 185—186.
- ²⁹ См.: Кампорези П. Потерянный рай // Курьер ЮНЕСКО. 1987, июнь. С. 28.
- ³⁰ Цит. по: На пути к теоретической биологии. М., 1970. С. 49.
- ³¹ См.: Гольданский В. И. Квантовая химия глубокого холода // В мире науки. 1984. № 12. С. 56—65.
- ³² См.: Кинцель В. Спиновые стекла как модельные системы для нейронных сетей // Успехи физических наук. 1987. Т. 152. Вып. 1. С. 130—131.
- ³³ Dittfurth H. Na początku był wodór. Warszawa, 1978. S. 386.
- ³⁴ Rorvik D. Na obraz i podobieństwo swoje. Warszawa, 1983. S. 301—305.
- ³⁵ Ibid. S. 306.
- ³⁶ См.: Справочник по биологии. Киев, 1979. С. 345—346.
- ³⁷ См. там же. С. 224—225.
- ³⁸ См.: Зенгбуш П. Молекулярная и клеточная биология: В 3 т. Т. 1. М., 1982. С. 210—213; Льюин Б. Гены. М., 1987. С. 178.
- ³⁹ Уотсон Дж., Туз Дж., Курц Д. Рекомбинантные ДНК. М., 1986; Диксон Б. Генная революция // Курьер ЮНЕСКО. 1987, апр. С. 13—16; Щелкунов С. Н. Конструирование гибридных молекул ДНК. Новосибирск, 1987.
- ⁴⁰ См.: Диксон Б. Указ. соч. С. 14.

⁴¹ См.: Щелкунов С. Н. Указ. соч. С. 53.

⁴² Клониране на ДНК от египетска мумия // Космос. 1986. № 7.

C. 59.

⁴³ Rorvik D. Op. cit. S. 331.

⁴⁴ Wittgenstein L. Philosophical Investigation. N. Y., 1953. IV. 178.

⁴⁵ Sartre J. P. The Body//The Philosophy of the Body Rejections of Cartesian Dualism. Chicago, 1970. P. 233.

⁴⁶ См.: Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 92—93, 95—99.

⁴⁷ См. там же. С. 89.

⁴⁸ См.: Леман А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. М., 1900. С. 145.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 151.

⁵⁰ Braaten C. E. Teologia i ciało//Człowiek światopogląd. 1986. N 9. S. 44—52.

⁵¹ Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. М., 1968. С. 247.

⁵² См.: Ершов П. Технология актерского искусства. М., 1959. С. 227—229.

⁵³ См.: Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1954. С. 87.

⁵⁴ Серова С. А. «Зеркало Просветленного духа» Хуан Фань-чо и эстетика китайского классического театра. М., 1979. С. 200.

⁵⁵ См.: Гачев Г. Д. Указ. соч. С. 253.

⁵⁶ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 171.

⁵⁷ См. там же. С. 175.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 279.

⁵⁹ См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 478.

Глава III. РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНИ И ЕГО КРИТИКА

Религиозно-мистическая интерпретация феномена человеческой жизни

¹ Ikeda D. Life. Tokyo, 1982.

² Ibid. P. 25.

³ Ibid. P. 73.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 13—14.

⁶ Ibid. P. 67—68.

⁷ Ibid. P. 68.

⁸ Ibid. P. 174.

⁹ Ibid. P. 182.

¹⁰ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 300.

¹¹ См.: Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? М., 1984.

¹² Moody R. A. Life after Life: The Investigation of a Phenomenon—Survival of Bodily Death. N. Y., 1978.

¹³ Ibidem.

¹⁴ См.: Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 447—454.

¹⁵ Bardo Thödol. The Tibetan Book of the Dead. Oxford; N. Y., 1968.

¹⁶ Dittfurth H. von. Wir sind nicht nur von dieser Welt: Naturwissenschaft, Religion und die Zukunft des Menschen. Hamburg, 1981; Dittfurth H. von. Na początku był wodór. Warszawa, 1978.

- ¹⁷ *Ditfurth H. von.* Wir sind nicht nur von dieser Welt: Naturwissenschaft, Religion und die Zukunft des Menschen. S. 15.
- ¹⁸ *Ditfurth H. von.* Na początku byl wodór. S. 9, 442, 419, 31.
- ¹⁹ *Ditfurth H. von.* Wir sind nicht nur von dieser Welt: Naturwissenschaft, Religion und die Zukunft des Menschen. S. 41.
- ²⁰ Ibid. S. 59.
- ²¹ Ibid. S. 149.
- ²² Ibid. S. 287.
- ²³ Ibid. S. 289.
- ²⁴ Ibid. S. 280.
- ²⁵ Ibid. S. 289.

Несостоятельность религиозно-мистической интерпретации феномена человеческой жизни

- ¹ См.: *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972. С. 185.
- ² *Симонов П. В.* Изучение процессов творчества и «психический мутагенез» // Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978. С. 263.
- ³ См.: *Спиркин А. Г.* Указ. соч. С. 185—190.
- ⁴ *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция. М., 1979. С. 78.
- ⁵ См.: *Каримский А. М.* К проблеме функций времени в экзистенциализме // Вопросы философии. 1978. № 9. С. 105—106.
- ⁶ См.: *Корочкин Л. И.* О путях логического анализа индивидуального развития // Математическая биология развития. М., 1982. С. 224—231, 231.
- ⁷ *Аккуруин И. А., Аршинов В. И.* Идея развития в современном научном познании: поиск новых концепций и подходов // Диалектика развития в природе и научном познании. М., 1978. С. 31.
- ⁸ См.: *Неговский В. А.* Очерки по реаниматологии. М., 1986. С. 188—193.
- ⁹ См.: *Кирпиченко А. А.* Психиатрия. Минск, 1984. С. 34.
- ¹⁰ См.: *Овчинников Ю. А.* Философские и социальные аспекты взаимодействия физико-химической биологии и медицины // Биология и медицина. М., 1985. С. 19.
- ¹¹ См.: *Лаврецкая Э. Ф.* Фармакологическая регуляция психических процессов. М., 1985. С. 105—106.
- ¹² Там же. С. 59.
- ¹³ См.: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 372.
- ¹⁴ См.: *Буреш Я., Королева В. И.* Несинаптические генераторы ритмической активности и память // Электрофизиологические исследования стационарной активности в головном мозге. М., 1983. С. 127—144.
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 39—40, 40.
- ¹⁶ См.: *Линде А. Д.* Раздувающаяся Вселенная // Успехи физических наук. 1984. Т. 144. Вып. 2. С. 178.
- ¹⁷ См.: *Шкловский И. С.* Что было, когда «ничего» не было // Земля и Вселенная. 1984. № 4. С. 36.
- ¹⁸ Там же. С. 37—38.
- ¹⁹ *Поннамперума С.* Происхождение жизни. М., 1977. С. 11.
- ²⁰ См.: *Девис П.* Случайная Вселенная. М., 1985. С. 140—141.
- ²¹ См.: *Гринберг Дж.* Межзвездная пыль: строение и эволюция // В мире науки. 1984. № 8. С. 66—77.
- ²² *Поннамперума С.* Указ. соч. С. 43.

- ²³ См.: Сковилл Н., Янг Дж. Молекулярные облака, звездообразование и строение галактик // В мире науки. 1984. № 6. С. 17.
- ²⁴ См.: Шаров А. С. Туманность Андромеды. М., 1982. С. 112—114, 196.
- ²⁵ См.: Гурзадян Г. А. Звездные хромосфера. М., 1984. С. 270—274.
- ²⁶ См.: Гольданский В. И. Квантовая химия глубокого холода // В мире науки. 1984. № 12. С. 56—65.
- ²⁷ См. там же. С. 63.
- ²⁸ См.: Петров Э. Г. Физика переноса зарядов в биосистемах. Киев, 1984. С. 168.
- ²⁹ См.: Шишло М. А., Кубли С. Х., Нужный В. П. Биоэнергетика и регулирующие системы организма при действии магнитных полей // Реакции биологических систем на магнитные поля. М., 1978. С. 81—102.
- ³⁰ Пюльман Б., Пюльман А. Квантовая биохимия. М., 1965. С. 546.
- ³¹ См. там же. С. 547.
- ³² См.: Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. М., 1979. С. 87.
- ³³ См. там же. С. 17—20.
- ³⁴ См. там же. С. 21.
- ³⁵ См.: Розенгарт В. И. Ферменты — двигатели жизни. Л., 1983. С. 103; Фершт З. Структура и механизм действия ферментов. М., 1980. С. 15—26.
- ³⁶ См.: Романовский Ю. М., Степанова Н. В., Чернавский Д. С. Математическая биофизика. М., 1984. С. 25.
- ³⁷ См.: Уилкинсон Д. Как устроена Вселенная // Фундаментальная структура материи. М., 1984. С. 23—24.
- ³⁸ Там же. С. 24.
- ³⁹ См.: Населенный космос. М., 1972; Проблема поиска неземных цивилизаций. М., 1981; Проблема поиска жизни во Вселенной. М., 1986.
- ⁴⁰ См.: Сутт Т. Я. О методологическом значении эволюционного подхода к проблеме уникальности жизни // Методологические аспекты естественнонаучных исследований. Киев, 1985. С. 140—143.
- ⁴¹ Саган К. Загадки жизни // Курьер ЮНЕСКО. 1984, окт. С. 31—32.
- ⁴² Sagan C., Drake F. The Search for Extraterrestrial Intelligence// Scientific American. 1975. Vol. 232. N 5. P. 89.
- ⁴³ См.: Фролов И. Т. О жизни, смерти и бессмертии // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 52—64.

Экология, «этическая революция» и уфология

- ¹ См.: Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987. С. 82.
- ² См.: Шахнович М. И. Критика религиозных истолкований экологических проблем. М., 1985.
- ³ Nasr S. H. Ekološki problem u svetlosti sufizma: osvajanje prirode i ucenja istočne nauke//Delo (Beograd). 1978. G. 24. Br. 7. S. 73.
- ⁴ Nasr S. H. Man and Nature. L., 1976. P. 87.
- ⁵ Ibid. P. 98.
- ⁶ Nasr S. H. Ekološki problem u svetlosti sufizma: osvajanje prirode i ucenja istočne nauke//Delo (Beograd). 1978. G. 24. Br. 7. S. 82.

⁷ Nasr S. H. *Science and Civilization in Islam*. Cambridge, 1968.

P. 22.

⁸ Nasr S. H. *Ekološki problem u svetlosti sufizma: osvajanje prirode i ucenja istočne nauke//Deleno* (Beograd). 1978. G. 24. Br. 7. S. 79.

⁹ Ibid. S. 76—77.

¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 39.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Цит. по: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977. С. 743; см. также: Федоренко Н. Т. Кавабата Ясунари: Очерк. М., 1978. С. 30; Шилин К. И. Экологичность японской лирики // Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С. 224.

¹³ Фромм Э. Указ. соч. С. 46, 47.

¹⁴ См. там же. С. 48.

¹⁵ Швейцер А. Культура и этика. М., 1983. С. 301.

¹⁶ Там же. С. 302.

¹⁷ См.: Гуссейнов А. А., Ирлитц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 498—499.

¹⁸ Peccei A., Ikeda D. *Before It Is too Late*. Tokyo etc., 1984. Р. 8. 70.

¹⁹ Ibid. P. 22.

²⁰ Ibid. P. 104.

²¹ Ibid. P. 108.

²² Ibid. P. 124.

²³ Ibid. P. 118.

²⁴ Василенко Л. И. Антропоцентризм и его экологическая критика // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 156.

²⁵ См. там же. С. 160.

²⁶ Biggins D. R. *The Social Context of Ecology//The Ecologist Quarterly*. 1978. N 3. P. 218—226.

²⁷ Василенко Л. И. Указ. соч. С. 160.

²⁸ Цит. по: Там же.

²⁹ Watanabe M. *The Conception of Nature in Japanese Culture//Science*. 1974. Vol. 183. N 4. P. 282.

³⁰ См.: Василенко Л. И. Указ. соч. С. 161.

³¹ См.: Гиренок Ф. И. Указ. соч. С. 83.

³² См.: Космическая экология. Киев, 1985.

³³ *The Metaphors of Consciousness*. N. Y., 1981. P. 181.

³⁴ Ibid. P. 184—197.

³⁵ Ibid. P. 187.

³⁶ Ibid. P. 189.

³⁷ Ibid. P. 197.

³⁸ Ibid. P. 184.

³⁹ См.: Лесков Л. В. Космические цивилизации: проблемы эволюции. М., 1985. С. 24.

⁴⁰ См.: Дельгадо Х., Холодов Ю. А. Магнитные поля и мозг // Будущее науки. Вып. 20. М., 1987. С. 137.

⁴¹ См.: Раздумья о будущем: Диалоги в преддверии третьего тысячелетия. М., 1987. С. 20—21.

⁴² Guelke R. W., Ramakers J. P., Vann A. E. *Modelling the cochlea//Electronics & Wireless World*. 1987. Vol. 92. N 1611. P. 19—21.

⁴³ См.: Лесков Л. В. Указ. соч. С. 23—25.

⁴⁴ Allen J., Nelson M. *Space Biospheres*. L., 1986. P. 1.

⁴⁵ См.: Газенко О. Г., Пестов И. Д., Макаров В. И. Человечество и космос. М., 1987. С. 104.

⁴⁶ См.: Эдельсон Р. Л., Финк Дж. Иммунологическая функция кожи // В мире науки. 1985. № 8. С. 16—24.

- ⁴⁷ См.: Зидаров Е. Кожата — нашият чуден скафандр // Космос. 1986. № 7. С. 6—8.
- ⁴⁸ См.: Школенко Ю. Космический век. М., 1986. С. 162; Проблема поиска жизни во Вселенной. М., 1986. С. 234—235.
- ⁴⁹ *Ditfurth H.* Nie tylko z tego świata jestesmy. 1985. S. 215.
- ⁵⁰ См.: Проблема поиска жизни во Вселенной. С. 91—98.
- ⁵¹ Чораян О. Г. Информационные процессы в биологических системах. Ростов н/Д, 1981. С. 13.
- ⁵² См.: Зингер В. Принципы структурной организации нуклеиновых кислот. М., 1987. С. 469, 12—13.
- ⁵³ См.: Оленев С. Н. Конструкция мозга. М., 1987. С. 6—20.
- ⁵⁴ Sagan C. Intelligent Life in the Universe. N. Y., 1966. P. 357.
- ⁵⁵ Demarest K. The Winged Power//Consciousness and Reality. N. Y., 1972. P. 343—344.
- ⁵⁶ Лисевич И. С. Древние мифы глазами человека космической эры // Проблема поиска неземных цивилизаций. М., 1981. С. 70.
- ⁵⁷ См.: Рифтин Б. Л. От мифа к роману. М., 1979. С. 106—112; Он же. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 459.
- ⁵⁸ Гинделис Л. М. Пути поиска внеземных цивилизаций // Проблема поиска жизни во Вселенной. С. 120—121.
- ⁵⁹ Там же. С. 116.
- ⁶⁰ См. там же.
- ⁶¹ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 20.
- ⁶² См.: Лесков Л. В. Указ. соч. С. 47; Поликарпов В. С. Микроэлектроника, человек и общество // Философские науки. 1987. № 5. С. 81.

Глава IV. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВОСТОЧНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ

Картина мира современной физики и восточное миропонимание

- ¹ См.: Панченко А. И. Предисловие // Математика, естествознание и культура: Сборник обзоров и рефератов. М., 1983. С. 9.
- ² Restivo S. P. Parallels and Paradoxes in Modern Physics and Eastern Mysticism//Social Studies of Science. 1978. Vol. 8. N 2. P. 143.
- ³ См.: Куракина О. Д. Физика и реальность: об идейном «параллелизме» между современной физикой и восточной мудростью // Математика, естествознание и культура. М., 1983. С. 62—63.
- ⁴ Capra F. Particle Physics and Eastern Philosophy//Elementary Particle Physics. Wien; N. Y., 1972. P. 875.
- ⁵ Capra F. Jedność wszystkich rzeczy//Człowiek i światopogląd. 1985. N 1. S. 101—113.
- ⁶ Ibid. P. 101—102.
- ⁷ Capra F. Particle Physics and Eastern Philosophy//Elementary Particle Physics. P. 879.
- ⁸ Ibid. P. 890, 888, 886.
- ⁹ Capra F. The Tao of Physics. N. Y., 1975. P. 11.
- ¹⁰ Уилер Дж. Квант и Вселенная//Астрофизика, кванты и теория относительности. М., 1982. С. 556.
- ¹¹ The Metaphors of Consciousness. N. Y., 1981. P. 124—127.

- 12 Ibid. P. 124, 123.
 13 Talbot M. *Mysticism and the New Physics*. L., 1981. P. 2.
 14 Ibid. P. 15.
 15 Ibid. P. 115.
 16 Ibid. P. 122.
 17 Ibid. P. 15.
 18 Ibid. P. 130, 138.
 19 Ibid. P. 179, 180, 181.
 20 Ibid. P. 183—184.
 21 *The Metaphors of Consciousness*. P. 426.
 22 Ibid. P. 426.
 23 Mukerjee R. *The Symbolic Life of Man*. Bombay, 1959. P. 107.
 24 Restivo S. P. Op. cit. P. 92—140.
 25 Ibid. P. 92.
 26 Ibidem.
 27 Capra F. *The Tao of Physics*. P. 155.
 28 Young J. *Programy mózgu*. Warszawa, 1984. S. 350—351.
 29 См.: Куракина О. Д. Указ. соч. С. 81.
 30 Гессе Г. [Речи Будды]// Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 212.
 31 См.: Дышлевый П. С., Яценко Л. В. Научная картина мира и мир культуры // Научная картина мира: Логико-гносеологический аспект. Киев, 1983. С. 33—37.
 32 Бом Д. Специальная теория относительности. М., 1967. С. 282—283.

Научное понимание и мистическое переживание пространства и времени

- 1 Chihara T. *Psychological Studies on Zen Meditation and Time — Experience/Psychological Studies on Zen*. Tokyo, 1977. P. 361—365.
 2 Ibid. P. 363.
 3 Ibidem.
 4 Capra F. *The Tao of Physics*. N. Y., 1975. P. 179.
 5 *The Metaphors of Consciousness*. N. Y., 1981. P. 457.
 6 Talbot M. *Mysticism and the New Physics*. L., 1981. Ch. 2.
 7 Ibid. P. 85.
 8 Мусил Я. Основы биохимии патологических процессов. М., 1985. С. 229.
 9 См.: Шмидт Р. Соматовисцеральная чувствительность // Основы сенсорной физиологии. М., 1984. С. 131, 140.
 10 Стингл М. Последний рай. М., 1975. С. 29—30.
 11 См.: Басилов В. Н. Избранники духов. М., 1984. С. 156.
 12 Talbot M. *Mysticism and the New Physics*. P. 117.
 13 Ibid. P. 97.
 14 Ibid. P. 15.
 15 Ibid. P. 119.
 16 Ibid. P. 160—161.
 17 Ibid. P. 161.
 18 Силк Дж. Большой взрыв: Рождение и эволюция Вселенной. М., 1982. С. 8.
 19 См.: Философские основания естествознания. М., 1977. С. 182—183 (имеются и другие классификации).
 20 Там же. С. 183.
 21 См.: Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974. С. 27—31.

- ²² Бом Д. Специальная теория относительности. М., 1967. С. 280.
- ²³ См.: Семенчев В. М. Физические знания и законы диалектики (диалектика взаимосвязи теории и опыта в развитии физических знаний). М., 1973. С. 8.
- ²⁴ См.: Кратин Ю. Г. Нейрофизиология и теория отражения. Л., 1982. С. 69.
- ²⁵ См.: Пространство и время. Киев, 1984. С. 115—127.
- ²⁶ Алексеев И. С., Овчинников Н. Ф., Печенкин А. А. Методология обоснования квантовой теории (история и современность). М., 1984. С. 261.
- ²⁷ Makoto Ueda. The Nature of Poetry; Japanese & Western Views//Supplement to Yearbook of Comparative and General Literature. 1961. Р. 349.
- ²⁸ См.: Марков М. А. Проблемы осциллирующей Вселенной // Вопросы современной экспериментальной и теоретической физики. Л., 1984. С. 279—299.
- ²⁹ Там же. С. 280.
- ³⁰ Там же. С. 293.
- ³¹ См.: Логунов А. А., Мествишидзе М. А. Основы релятивистской теории гравитации. М., 1985.
- ³² Там же. С. 97.
- ³³ См.: Пименов Р. И. Финслерово пространство — время позволяет обойтись без черных дыр. Сыктывкар, 1985.
- ³⁴ Fraser J. Y. The Genesis and Evolution of Time. Brighton, 1982. Р. 28—29.
- ³⁵ Ibid. Р. 50.
- ³⁶ Бирюков Б. В. О возникновении нового знания в биоинформационных исследованиях // Кибернетика живого: Биология и информация. М., 1984. С. 102.
- ³⁷ The Metaphors of Consciousness. Р. 183—184, 194.
- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 590.

Наука на пути к целостной картине мира

- ¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 555.
- ² См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 268—282.
- ³ См.: Шимунек Е. Эстетика и всеобщая теория искусств. М., 1980. С. 40.
- ⁴ Tatarkiewicz W. A. History of Six Ideas. L., 1980. Р. 308.
- ⁵ Гейзенберг В. Указ. соч. С. 268.
- ⁶ См.: Джан Р. Г. Нестареющий парадокс психофизических явлений: инженерный подход // Труды института инженеров по электroteхнике и радиоэлектронике. 1982. Т. 70. № 3. С. 93.
- ⁷ Drell S. D. When Is a Particle?//Physics Today. 1978. N 31. P. 23—32; Heisenberg W. The Nature of Elementary Particles//Physics Today. 1976. N 29. P. 32—39; Wheeler J. A. The Universe as Home for Man//American Scientist. 1974. N 62. P. 683—691.
- ⁸ См.: Хацкевич Д. Х. Природа как эстетическая ценность. М., 1987. С. 31.
- ⁹ См.: Николаева Н. Японские сады. М., 1975. С. 97—98; Штейнер Е. С. Иккю Содзюн. М., 1987. С. 73—76.
- ¹⁰ Trąbka J. Mózg a świadomość. Kraków, 1983. S. 75.
- ¹¹ См.: Масланд Р. Г. Функциональная организация сетчатки // В мире науки. 1987. № 2. С. 58—68.
- ¹² Оленев С. Н. Конструкция мозга. М., 1987. С. 18.

- ¹³ См. там же.
- ¹⁴ Шугрин С. М., Обут А. М. Солнечная активность и биосфера. Новосибирск, 1986. С. 60.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Иванов-Муромский К. А. Электромагнитная биология. Киев, 1977. С. 110.
- ¹⁷ См.: Дельгадо Х., Холодов Ю. А. Магнитные поля и мозг // Будущее науки. Вып. 20. М., 1987. С. 142—143.
- ¹⁸ См.: Трабка J. Op. cit. S. 233.
- ¹⁹ См.: Электромагнитные поля в биосфере. Т. 1. М., 1984. С. 362—372.
- ²⁰ Трабка J. Op. cit. S. 235—237.
- ²¹ Бирюков Б. В. О возникновении нового знания в биоинформационных исследованиях // Кибернетика живого: Биология и информация. М., 1984. С. 102.
- ²² См.: Оприш Т. Занимательная бионика. Бухарест, 1986. С. 120—121.
- ²³ См.: Абу-Мостафа Я., Псалтис Д. Оптические нейронно-сетевые компьютеры // В мире науки. 1987. № 5. С. 42—50.
- ²⁴ Рябушин А., Дворжак К. Прогнотика в архитектуре и градостроительстве. М., 1983. С. 50—51.
- ²⁵ Там же. С. 51.
- ²⁶ См. там же. С. 53.
- ²⁷ См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 231.
- ²⁸ Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981. С. 156.
- ²⁹ См.: Иванов В. В. До — во время — после? (Вместо предисловия) // Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 3—21; Штейнер Е. С. Указ. соч. С. 73—75.
- ³⁰ См.: Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. С. 179.
- ³¹ См.: Илюхина В. А., Бородкина Ю. С., Лапина И. А. Сверхмедленная управляющая система мозга и память. Л., 1983. С. 93. На многоуровневый принцип деятельности мозга указывает и С. Н. Оленев (см.: Оленев С. Н. Конструкция мозга. С. 18).
- ³² См.: Электромагнитные поля в биосфере. М., 1984. Т. 2. С. 175—176.
- ³³ См.: Галеев Б. М. Человек, искусство, техника: Проблема синестезии в искусстве. Казань, 1987. С. 28—40.
- ³⁴ Волков Н. Н. Цвет в живописи. М., 1984. С. 131.
- ³⁵ См. там же. С. 108—109.
- ³⁶ Лобзин В. С., Решетников М. М. Аутогенная тренировка. Л., 1986. С. 204.
- ³⁷ Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное. Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 290.
- ³⁸ См.: Григорьева Т. П. Мудрецы, правители и мастера // Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С. 157.
- ³⁹ Гессе Г. Избранное. М., 1977. С. 266.
- ⁴⁰ Завадская Е. В. Мудрое вдохновение: Ми Фу (1052—1107). М., 1983. С. 131.
- ⁴¹ См.: Бадылкин Л. Е. К проблеме пространства в китайской поэзии // История восточных культур. М., 1976. С. 31—38.
- ⁴² Поэзия эпохи Тан (VII—X вв.). М., 1987. С. 89.
- ⁴³ См.: Завадская Е. В. Указ. соч. С. 49.

⁴⁴ См.: Соколов-Ремизов С. Н. Литература — каллиграфия — живопись. М., 1985. С. 28.

⁴⁵ См.: Палюшев Б. Антропологический принцип, деунификация та на физиката и същността на фундаменталните закони // Философска мисъл. 1984. № 6. С. 107 (на болг. яз.).

⁴⁶ См.: Завадская Е. В. Указ. соч. С. 8.

⁴⁷ См.: Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. М., 1968. С. 211—217.

⁴⁸ Ratajczak D. Przestrzeń w dramacie i dramat w przestrzeni teatru. Poznań, 1985. S. 47—50.

⁴⁹ Гейзенберг В. Указ. соч. С. 119—122.

⁵⁰ См.: Энтони С. Суперструны: всеобъемлющая теория? // Успехи физических наук. 1986. Т. 150. Вып. 4; Грин М. Теория суперструн в реальном мире // Там же.

⁵¹ См. там же.

⁵² См.: Грин М. Указ. соч. С. 577.

⁵³ См.: Энтони С. Указ. соч. С. 582.

⁵⁴ См.: Грин М. Указ. соч. С. 578.

⁵⁵ См.: Казаков Д. И. Микромир за пределами воображения // Будущее науки. Вып. 20. М., 1987. С. 70—87.

⁵⁶ См.: Шредингер Э. Новые пути в физике: Статьи и речи. М., 1971. С. 39—42.

⁵⁷ Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 221.

⁵⁸ См.: Кратин Ю. Г. Нейрофизиология и теория отражения. Л., 1982. С. 63.

⁵⁹ См.: Прибрам К. Языки мозга. М., 1975. С. 406.

⁶⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 314.

Познание против «синтеза» науки и мистицизма

¹ Russel P. The Global Brain: Speculation on the Evolutionary Leap to Planetary Consciousness. Los Angeles, 1983. P. 19.

² Ibid. P. 31—32.

³ Ibid. P. 138, 143.

⁴ Ibid. P. 160.

⁵ Ibid. P. 228.

⁶ Ibid. P. 37.

⁷ Ibid. P. 185.

⁸ Ibid. P. 170.

⁹ Ibid. P. 158.

¹⁰ См.: Скибицкий М. М. Мировоззрение, естествознание, теология. М., 1986. С. 199.

¹¹ См.: Гуревич П. С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культуры. М., 1985. С. 5, 6.

¹² См.: Кононов В. И. Мистика и оккультизм на службе идеологов «неоконсервативной волны». М., 1985. С. 19.

¹³ См.: Гуревич П. С. Указ. соч. С. 7—20.

¹⁴ См.: Губин В. Д. Проблема творческой личности в восточной философской традиции «духовного наставничества» // Философия зарубежного Востока о социальной сущности человека: Сборник научных трудов. М., 1986. С. 136.

¹⁵ Там же. С. 152.

¹⁶ Drugs and Magic. An Odissey to the Limits of the Ultimate. Frogmore, 1975. P. 20.

- ¹⁷ См.: Мильштейн Г. И., Спивак Л. И. Психотомиметика. Л., 1971. С. 3.
- ¹⁸ Цит. по: Там же. С. 99—100.
- ¹⁹ См. там же. С. 100.
- ²⁰ Dien D. Seeing between Lao Tzu and Don Juan: not-doing//Journal Altered States Consciousness. 1979 — 1980. N 2. P. 159—166; см. также: Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986. С. 85.
- ²¹ Лобзин В. С., Решетников М. М. Аутогенная тренировка. Л., 1986. С. 158.
- ²² Kvaščad N. B. Problem of Mysticism. Oslo, 1973. P. 20—35.
- ²³ Изард К. Эмоции человека. М., 1980. С. 121.
- ²⁴ См.: Бриль Ж. Культура, познание и ответственность: к новой антропологии познания // Культуры. 1982. № 3. С. 141—142.
- ²⁵ Системогенез и проблемы генетики мозга. М., 1983. С. 45—46.
- ²⁶ См. там же. С. 46.
- ²⁷ Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986. С. 6.
- ²⁸ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Как возможно построение модели бессознательного? // Бессознательное. Т. 4. Тбилиси, 1985. С. 186.
- ²⁹ См. там же. С. 189.
- ³⁰ См.: Николов Е. Житејската философия на древните египтяни // Книга на мъртвите на древните египтяни. София, 1982. С. 16.
- ³¹ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Указ. соч. С. 190.
- ³² Швырков В. Б. Нейрофизиологическое изучение структуры психики // Мозг и психическая деятельность: Советско-финский симпозиум. М., 1984. С. 5.
- ³³ Юнг К. Психоз и его содержание. СПб., 1909. С. 32.
- ³⁴ См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 151—152.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРИРОДА МИСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ	8
Истоки и социально-мировоззренческие аспекты мистицизма	—
Специфика мистического мироощущения	21
Противоположность научно-материалистического и мистического подходов к миру	35
Глава II. МОЗГ И СОЗНАНИЕ	49
Мистическое истолкование сознания	—
Современная наука о сознании как свойстве мозга	67
Концепция человека и психофизиологическая проблема	79
Глава III. РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНИ И ЕГО КРИТИКА	98
Религиозно-мистическая интерпретация феномена человеческой жизни	—
Несостоятельность религиозно-мистической интерпретации феномена человеческой жизни	110
Экология, «этическая революция» и уфология	124
Глава IV. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВОСТОЧНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ	144
Картина мира современной физики и восточное миропонимание	—
Научное понимание и мистическое переживание пространства и времени	157
Наука на пути к целостной картине мира	171
Познание против «синтеза» науки и мистицизма	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	204

Поликарпов В. С.

П50 Наука и мистицизм в XX веке. — М.: Мысль, 1990. — 219, [2] с.

ISBN 5-244-00233-3

Рассматривается одна из интереснейших мировоззренческих и методологических проблем — проблема разоблачения попыток ряда западных мыслителей и ученых реализовать «слияние» науки и мистицизма на основе мистифицированных научных данных и псевдонаучных концепций («голографическая концепция мышления», «экзопсихология», «релятивистская квантовая психология» и др.). Используя новейшие данные космологии, физики, биологии, психологии, автор показывает, что исследование Вселенной, Человека, его сознания требует материалистических способов научного постижения мира, что оно невозможно без диалектического материализма.

Для специалистов и тех, кто интересуется проблемами научного атеизма.

П 0400000000-114
004(01)-90 16-89

ББК 86.30

МОНОГРАФИЯ

**Виталий Семенович Поликарпов
НАУКА И МИСТИЦИЗМ
В XX ВЕКЕ**

Редактор *Л. Я. Куркина*
Младший редактор *Е. П. Кириллова*
Оформление художника *В. Ю. Лунченкова*
Художественный редактор *А. Л. Сальников*
Технический редактор *Л. П. Гришина*
Корректор *Г. В. Шишнина*

ИБ 3739

Сдано в набор 13.12.88. Подписано в печать 09.07.90. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,97. Учетно-издательских листов 12,94.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 68. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.
1-я типография Профиздата. 109044. Москва, Крутицкий вал, 18.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, публицистике, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

НАУКА И МИСТИЦИЗМ В XX ВЕКЕ

«Синтез» науки и мистицизма! Не правда ли, странно это звучит для нас, читателей-материалистов! Не менее странно и то, что за доказательство возможности такого «единения» берутся теории видных западных ученых и мыслителей — К. Прибрама, М. Талбота, Ф. Калры, Х. Дитфурта, Д. Икеды, Т. Лирри и др. С помощью разного рода концепций и фальсификации новейших научных открытий они пытаются «внедрить» в философские основания современной науки мистическое мировосприятие.

В книге В. С. Поликарпова «Наука и мистицизм в XX веке» дается ответ, почему и для чего на Западе широко пропагандируется мистицизм, какой скрывается за этим социальный смысл, какие преследуются мировоззренческие цели.